

Дервонец

Литературно-художественный альманах для юношества

№1(17)
2004

Первоцвет

№ 1 (17) 2004

Литературно-
художественный альманах
для юношества

Основан в 1998 году

Учредитель

Областная юношеская
библиотека
им. И. П. Уткина

Главный редактор

Анна Стародубцева

Редколлегия

Лидия Середкина
Евгений Суворов
Александр Лаптев
Александр Попов
Лина Иоффе
Светлана Зубакова
Регина Присяжникова

Обложка

Сергей Элоян

Рисунки в тексте

Андрей Классен

Компьютерная верстка

Нина Мазутова

Адрес редакции.

664011, г. Иркутск, ул. Чехова, 10
тел. 29-07-93, 20-43-01
E-mail. library@youlib.irk.ru

Государственное учреждение культуры
Областная юношеская библиотека
им. И.П.Уткина
Организационно-методический отдел
664011, г.Иркутск, ул.Чехова,10

В номере

СТРАНА ПОЭЗИИ

<i>Екатерина Трунова</i>	3
<i>Ирина Множинская</i>	5
<i>Ирина Карпова</i>	6
<i>Елена Лузанова</i>	10
<i>Марьяна Антонова</i>	11
<i>Анастасия Талай</i>	11
<i>Антон Егоров</i>	25
<i>Анна Курупанова</i>	25
<i>Ольга Коробкова</i>	26
<i>Антон Мок</i>	26
<i>Ася Бакшеева</i>	27
<i>Алексей Пономарев</i>	30
<i>Надежда Ярыгина</i>	32

МИНИАТЮРЫ

<i>Вячеслав Липин. Велосипед</i>	12
<i>Артем Лунин. Зверь. Начало весны</i>	17
<i>Виктор Антонов. Пушкин. Колдунья</i>	20
<i>Елизавета Бадардинова. Свидание</i>	22
<i>Яна Бородина. Берег детства</i>	23
<i>Мария Комарова. Сон. Удар кинжала</i>	74
<i>Сергей Воробьев. Защитник</i>	83
<i>Людмила Гарднер. Лагерь</i>	86

МИР ПРОЗЫ

<i>Александр Лаптев. Благочестивый беспредел (Часть 2)</i>	34
<i>Елена Сафронова. Нежданные хлопоты</i>	62

ИМЯ

<i>Алексей Рудевич</i>	53

ГАЛЕРЕЯ

<i>Ольга Ращенко. Есть такой художник</i>	60

ПОДМОСТКИ

<i>Владимир Еселевич. 7 : 0 в ее пользу</i>	92

ЗОЛОТОЙ ФОНД

<i>Василий Стародумов. Сказки</i>	112

Страна поэзии

Отревоживаем

№ 1 (17) 2004

Екатерина Трунова

Ширяевская средняя школа, 11 класс

ПЕРЕВЕРНУТАЯ СТРОКА

Нас учила всему пыль дорог
И покатая лестница вниз.
Миллионы рифмованных строк
Темной краской легли на лист...

Смысловая нагрузка фраз.
Удаленный доступ к сети.
Перепутанное не раз
С дополнением к слову «лети».

Неопознанный летящий объект.
Революция несбывшихся снов.
Миллионы и тысящи лет —
Миллиард нецензурных слов.

За границами белых стен —
Необъятные стены гор...
И ложатся на белом листе
Два вопроса: «Трус?» — или — «Вор?»

Раскаленный цвет кирпича
И мелодия в стиле блюз.
«Никогда не руби сторяча», —
Научил нас Советский Союз.

Блюз давно сменили на рок,
И теперь теорема проста.
...И выходят несколько строк
За пределы большого листа...

НЕ ДАНО

Не дано немому кричать
И слепому пролить всех слез,
Говорящий не будет молчать,
А смешной — говорить всерьез,

И глухой не услышит птиц,
Что щебечут там или здесь...
В миллионах и тысячах лиц
Мы не ценим того, что есть.

Если чудо мы знаем из книг,
Если верим, что чуда нет,
Может быть, есть его двойник,
Что хранит его дивный свет...

Может быть, мы в долине лет
Потеряли оттенок дня?
Это было и этого нет
Ни для вас и ни для меня.

Мы не знаем, что значит «плеть»,
Различаем правду и лесть,
Мы идем, а хотели б лететь —
Мы не ценим того, что есть.

ПРОИГРАННЫЕ БОИ

Остается на жестком снегу
Твердой вечности четкий след.
Ни за что никакому врагу
Не запутать его вовек.

И по крышам домов гуляет
Чей-то голос, как правда, как суд.
И тревожный крик оставляет
Тот, кого на руках несут,

Тот, кто, жизни своей не жалея,
Закрывал амбразуру смерти.
Его ветер разнес по аллеям,
В города, по миру, поверьте!

Этот голос ты слышишь не часто:
Лишь когда найдешь тишину...
Ты просил так мало для счастья:
Только мир — получил войну...

В жесткой схватке за слово «выжить»
Побеждает не тот, кто прав...
Этот сад правители выжгли,
Вероятность на жизнь отобрав.

Слышишь? Ты говоришь сам с собою...
Вдалеке грязный флаг белеет...
Мы опять сдадимся без боя:
Разожжем и уйдем — дотлеет...

РАЗНЫЕ

Ты можешь уйти,
Ты можешь присниться,
Ты можешь страдать,
Лицемерить врагу,
Ты можешь предать
Эти маски и лица,
И веру, и правду,
А я не могу.

Ты — смелый герой,
«Покоритель вселенной»
(Отсталое время —
Несущийся век),
Изменчив порой,
А порой — неизменный,
Само совершенство,
А я — человек.

Ты — гордое имя
И слабая сила,
Отточенный шаг
И несущийся свет.
Ты сделал бы все,
Что бы я попросила,
Ведь ты меня любишь,
А я тебя — нет...

Ирина Множинская

г. Иркутск

ПЯТОЕ ВРЕМЯ ГОДА

А я помню: вчера был прекрасный рассвет,
Просыпалась заря, золотая от сна.
От далекой звезды умирающий свет
Вдруг напомнил, что завтра — Весна.
И что завтра все будет не так:
Жизнь взыграет младою кровью,
А какой-то наивный чудак
Окрестит это чувство Любовью.
Но настало сегодня. Все та же заря,
И все та же, все та же природа —
Только в сердце забросило все якоря
Пятое время года.

Ирина Множинская

СНОВА ТЫ

Снова ты. То принцем, то бродягой
Промаячишь дымкою вдали.
Рубль подаришь или мелким скрягой
Ищешь медную копеечку в пыли.
Боль свиданий, радость от разлуки,
Над судьбою тонко вьется нить...
Разве есть такие в мире муки,
Чтобы ты не смог мне подарить?
Снова ты! То розой, то змеею
Входишь в душу, с чувствами в разлад...
Проклято будь небо над тобою,
Будь благословен твой каждый взгляд!
Каждый шаг и каждое дыханье,
Эта боль прозрачна и легка,
Будь благословенно то незнанье,
Где любви не пролита тоска!

* * *

Это трудно — научиться отпускать
Тех, кто больше не придет обратно,
Не хватать за руки, не кричать,
Не шептать в беспамятстве невнятно.
Это ж нужно сердце запереть
В тонкую кольчугу равнодушья,
Чтоб вослед ушедшим не глядеть,
Разрывая ворот от удушья.
Но от этого не дышится легко
И ночами так же плохо спится.
Сердце плачет тонко, высоко,
Словно в поднебесье стонет птица.

Ирина Карпова

г. Иркутск, гидрометеотехникум, 2 курс

* * *

Все доказано,
Все потеряно,
Невозможно теперь вернуть.

Сколько сказано
И доверено,
Ни запомнить нельзя, ни забыть.

Сколько пройдено,
До последнего
Верить в правду, но знаешь — ложь.

Вроде найдено,
Не потеряно
То, что счастьем Ты тихо зовешь.

Все рассчитано
И размерено,
Где твоя вина, где моя.

Все рассчитано,
Не намеренно
Остаюсь я опять одна...

* * *

Каждый помнит свой край,
Где родился и жил,
Будь то город иль просто деревня,
Где о счастье мечтал,
Где впервые любил,
И тоску, и разлуку приемля.

Каждый помнит свой дом
С мягким светом окон,
Свой подъезд иль резные ворота,
Где за каждым углом
С каждым камнем знаком,
Где ты другом назвал кого-то.

И теперь, где б ты ни был,
За какую красой
Ни пытался бы скрыться от гнета,
Ты с тоской смотришь в небо
С белою полосой
Улетающего в синь самолета.

ЗДРАВСТВУЙ, ОСЕНЬ

Здравствуй, Осень. Я стала взрослой,
Даже рада я нашей встрече.
Ты теплее, чем зимние звезды,
Ты надежней, чем летний вечер.

Изменилась, ушла из детства,
Я, наверно, теперь другая.
Капли-слезы дождя по крышам,
По проходим ветер кидает.

Здравствуй, Осень. Твои листопады
Не наводят скуку, как в детстве,
Повзрослевшим увидела взглядом
То, что раньше не трогало сердце.

Облетают надежды, сомнения,
Все, что сложно, с тобою — просто.
Дорожу теперь каждым мгновением,
Здравствуй, Осень. Я стала взрослой.

* * *

Слезы
по щеке,
по губам,
по груди.

Слезы.
Налегке
по следам
уходи.

Время
так бежит,
что порой
отстаю.

Время,
уходи,
я с тобой.
Так люблю.

Слезы.
Ручеек
берега
заливает.

Грезы.
Ты ушел.
Где ты есть,
я не знаю.

Время.
Тороплюсь
и живу
часом раньше.

В стремя
не встаю,
погляжу,
что там дальше.

А. Классен. «Созвездие»

Елена Лузанова

Красноярский край, райцентр Новоселово

**ТЫ ПОЙМАЛ
МОИХ РОЗОВЫХ ПТИЦ**

Ты поймал моих розовых птиц.
Приручая, их кормишь любовью,
И они позабыли про рис
И уже не летают за мною.

Ты ласкаешь их нежной рукой
И зовешь тихим голосом в стаю.
Им, конечно, приятней с тобой —
Я строга к ним и часто ругаю.

Эти птицы горды иногда,
Но бывают доверчивы слишком.
Предавая меня, как всегда,
Улетают к влюбленным мальчишкам.

**ТЫ УБИЛ
МОИХ РОЗОВЫХ ПТИЦ**

Ты убил моих розовых птиц.
Когда были они твоими,
Они падали молча вниз,
И я падала вместе с ними.

А теперь?.. Где они теперь?
Где красивая эта стая? —
С перебитыми крыльями все,
В небеса они не взлетают.

**Я ЛЕЧУ
СВОИХ РОЗОВЫХ ПТИЦ**

Я лечу своих розовых птиц.
Я бинтую им нежные крылья,
Чтоб не падали больше вниз,
Не дышали дорожной пылью.

Переходят опять на рис.
Эта пища скромней, конечно,
Но подходит для павших птиц,
Что мечтали о счастье вечном.

Марьяна Антонова

г. Иркутск, лицей № 3

* * *

А осень плачет серыми дождями
О желтых листьях и своей красе,
Когда теплом бежала над хлебами,
Вся в золотом и с розами в косе.
И о кострах, горевших красно-желтым,
В душе людей могла зажечь восторг.
Все позади осталось чем-то стертым,
И память о былом, и теплый ветерок
Тепло ушло, а слякоть здесь осталась,
И зябко стыннут руки и душа.
Вид серости напоминает жалость
Уходит осень, листьями шурша...

Анастасия Талай

с. Хомутово, школа № 1, 5 класс

МЯГКИЙ ЗНАК

С мягким знаком слово — мышь,
А без мягкого — малыш.
Помни: мягкости такой
Не выносит род мужской!

Миниатюры

Вячеслав Липин

ВЕЛОСИПЕД

15.09.1801 г. кузнец Ефим Артамонов испытал первый в мире двухколесный велосипед с рулем и педалями. Где бы вы думали? В Москве, на Ходынском поле.

«Российская газета». 1998. 25 апр. С. 6.

Много лет дорожный велосипед хранился в гараже в подвешенном состоянии и чувствовал себя никому не нужным. Мне стало жаль велосипед, и я привел его в квартиру. На балконе тщательно протер и поставил в прихожей, а он от такого внимания, как мне показалось, повернул переднее колесо к двери и прозвенел: «Выведи меня на улицу, я хочу повстречаться... с ветром!»

С тех пор велосипед так и остался в квартире. И каждый раз, когда я выхожу из квартиры или вхожу в нее, мой взгляд невольно задерживается на велосипеде, прислоненном к стене.

Как-то вечером задумчивый взгляд на велосипед погрузил меня в воспоминания...

Весна, май. Я учился в седьмом классе. Жил у тетки — родной сестры мамы — в городе. Школа в деревне, где проживали родители и младшая сестра, была начальной — всего четыре класса. Так уж сложилось, что я не только не имел велосипеда, но даже кататься на нем не умел.

Муж тетки держал голубей, и к нему иногда заходил один голубятник, с которым подолгу обсуждались голубиные дела.

В этот раз я вышел за калитку на улицу, а голубятник прислонил дорожный велосипед к лавочке у забора и вошел во двор.

У меня внезапно возникла дерзкая мысль: «Сейчас прокачусь на его велосипеде. ... Так я же не умею. Но так хочется прокатиться по улице... дерзай, Слава!»

Считая, что голубятники будут долго разговаривать, я встал на лавочку, с нее сел на седло, левую ногу — на педаль и, не раздумывая, правой оттолкнулся от лавочки. Держу руль, кручу педали... Ехал я только прямо, поскольку поворачивать руль не решался.

Метров через тридцать перестал крутить педали — впереди канава.

Изловчившись, спрыгнул с велосипеда на землю.

— Надо же... получилось!

Я вновь подвел велосипед к лавочке и, оседлав, оттолкнулся. То ли я так слился с велосипедом, то ли велосипед поддался порыву моей восторженной души, но я держался все увереннее, раскручивая педали.

Доехал до перекрестка и, плавно поворачивая руль вправо, повернул на другую улицу. Улица незаметно закончилась, развернуться не решился и, нажав на тормоз, спрыгнул с велосипеда. Развернул его, сел на раму, с рамы — на седло и оттолкнулся правой ногой от земли.

— Поехали!..

Кто бы мог подумать — за спиной у меня словно выросли крылья, и я уже лечу по улице, раскручивая педали. На ширину улицы научился разворачиваться и носился на велосипеде по этим двум улицам, не чувствуя земли. Мою грудь распырало отчаянное желание выкрикнуть прохожим: «Кататься научился!..»

...Я не заметил, сколько прошло времени, и, подъезжая ко двору, увидел сидящих на лавочке голубятников. Радостный и раскрасневшийся схожу с велосипеда и говорю:

— Я только что научился кататься на велосипеде!

Они улыбались и молчали...

Над нами, радуясь солнечному весеннему дню, кружила с переворотами пара белых голубей.

Интересно... без каких частей на велосипеде нельзя проехать? Без седла проехать можно, без педалей — можно, без руля — тоже можно, без рамы — однако, можно, но рама соединяет два колеса. Значит, ехать придется на одном... колесе. Стоп! А почему стоп? Это и есть основа основ велосипеда — колесо. Все, кто бывал в цирке, видели — по манежу ездят на одном колесе.

Какое-нибудь колесо всегда заваливается у дома, но велосипеды есть не в каждом дворе. Чтобы купить велосипед, надо потратить большую часть месячной зарплаты; а кому-то — и всю зарплату.

...Муж тетки как-то принес старую раму дорожного велосипеда с колесами без шин:

— Собирай, Слава, велосипед...

Я был рад принесенной раме. Оставалось приобрести покрышки с камерами, чтобы обуть колеса, ось переднего колеса и педали.

Педали и потертый кожух к седлу дали ребята, с которыми я дружил, а покрышки с камерами и ось купил в магазине.

Кто-то из ребят дал руководство по эксплуатации дорожного велосипеда, и вот после занятий в школе я начал изучать это чудо передвижения по земле. Разбирал, протирал от пыли и грязи, смазывал машинным маслом трущиеся детали велосипеда. Старую цепь промыл в керосине и проварил в масле. Это продолжалось несколько дней.

Даже на уроках я вспоминал о велосипеде, думая, что еще осталось сделать для его готовности к поездкам по улицам города.

И вот наступил незабываемый долгожданный день: подтянуты гайки крепления колес и накачаны шины, отрегулированы руль и седло, и велосипед выведен на улицу. Я смотрю на дорогу, а она расплывается — слезы радости застлали глаза:

— Поехали, дружок?

И я медленно поехал по тихой улице, а потом все быстрее и быстрее. Летел, а за спиной встречный ветер посвистывал: «С-с-слава, не бойс-с-ся скорос-с-сти...»

После поворота почувствовал, что не могу прокрутить педали. Затормозил, соскочил с велосипеда и увидел тряпку, застрявшую в цепи.

— Потерпи, дружок, сейчас освобожу.

Но быстро избавиться от тряпки не удавалось. Ко мне подошел мужчина:

— Что случилось?

— Собрал велосипед, первый раз поехал, и вот... тряпка влетела с дороги.

Мужчина меня понял и помог вытащить тряпку.

— Спасибо, дяденька!

Я уже опять мчал, выехав на центральную улицу. Меня обогнал маршрутный автобус — это задело мое самолюбие, и я стал быстрее крутить педали. За стеклом задней площадки автобуса я увидел улыбающееся лицо девушки. Вдруг она сделала прощальный жест рукой — ее улыбающееся лицо стало удаляться. Автобус шел на подъем, и педали велосипеда стали крутиться с замедлением. Но я хотел поделиться с девушкой радостью — первой поездкой на собранном велосипеде — и медленно приближался к автобусу.

Выручила остановка, на которой она вышла. Я спрыгнул с велосипеда.

Митшасторен

- Здравствуйте, меня зовут Слава.
- Оля, — смущаясь, ответила девушка.
- Можно вас проводить?
- Пожалуйста.

Я с волнением почувствовал, что так не бывает — не может на мои мальчишечьи плечи свалиться сразу два счастья: первая поездка на собранном велосипеде и знакомство с хорошей, как я успел заметить, девушкой. Меня удивила ее длинная, по пояс, тугая русая коса!

Оля училась в пятом классе, только в другой школе.

- На велосипеде умеешь кататься? — спросил я.
- Нет, — ответила Оля.
- А хочешь, научу?
- Научи, — и Оля посмотрела на велосипед.

Мы подошли к ее дому.

- Когда тебе можно кататься на велосипеде? — спросил я.
- Приезжай завтра вечером... к пяти часам.
- Приеду. До свидания, Оля.
- До свидания, — и, поворачиваясь, она взглянула на велосипед.

Держа левую ногу на педали, правой оттолкнулся от земли и с легкостью взлетел на велосипед, оглянулся, но Оли уже не было.

Половина следующего дня прошла быстро, и вот время подкралось к шестнадцати часам. Я вывел велосипед на улицу и уверенно покатил к дому, где жила Оля.

Приехал, сошел с велосипеда и осмотрелся: где же выбрать место учиться кататься?

Я проехал дальше по улице, свернул в проулок, за ним был небольшой пустырь.

— Вот хорошее место!

Вернулся к дому и стал смотреть на окна, стараясь увидеть приветливую улыбку Оли.

Из подъезда появилась Оля.

— Здравствуй, Слава. Я готова кататься на велосипеде. Маме сказала, что погуляю после домашних уроков.

На Оле были платье и туфельки. «Как же в платье учиться кататься на велосипеде?» — подумал я, но сказать Оле не решился.

— Здесь недалеко пустырь, пойдем туда? — и я показал рукой в направлении пустыря.

— Я знаю этот пустырь — собирала там цветы.

Мы шли по улице по обе стороны велосипеда.

Пришли на пустырь. Я ничего не могу сказать, и Оля ничего не говорит. Потом спросила:

— Что я должна делать, чтобы научиться кататься?

— Я буду держать велосипед, ты сядешь и начнешь крутить педали, а я, придерживая велосипед, бежать за тобой. — И, обеими руками ухватившись за багажник, сказал Оле:

— Садись.

Оля села на раму, правую ногу занесла на педаль, привстала и села на седло, ее коса опустилась до седла, платье плотно облегалo тонкую талию. Мне не доводилось так близко видеть девичью талию, и я сильнее сжал пальцами багажник.

— Держи руль прямо и нажимай на педали, — и я стал разгонять велосипед.

— Ой, как интересно, — сказала Оля.

Я перешел на бег. Так мы катились, пока я не увидел, что пустырь кончается, и не закричал:

«Поворачивай руль налево!».

Но тут же почувствовал, что велосипед с Олей заваливается налево, а я не могу его удержать.

— Па-адаю! — закричала Оля.

Велосипед упал с Олей, и я растянулся за ними.
— Не сильно ударились? — спросил я, поднимаясь с земли.
— Левое колено ушибла, — ответила Оля, пытаясь улыбнуться, но получилась плаксивая гримаса.

Я помог ей подняться.

Оля отряхнулась, попробовала шагать, захромала и остановилась.

Я поднял велосипед, помог Оле сесть на него и повел его в руках.

Вскоре мы подъехали к ее дому.

Поддерживая Олю, я виновато сказал:

— Извини, что так получилось.

Оля с вымученной улыбкой ответила:

— Коленка заживет, будем учиться. Мне понравилось кататься, и как ты меня учишь, тоже нравится.

Я прислонил велосипед к стене дома и помог Оле подняться на площадку перед ее квартирой.

— Теперь до свидания, — сказала Оля. — Через неделю вечером приезжай, буду ждать.

— До свидания, — и я посмотрел на ее синюшную коленку.

По дороге домой я стал мысленно выговаривать велосипеду:

«Что же ты, дружок, так подвел меня?»

...Через неделю приехал к пяти часам вечера к Олиному дому; долго ждал, но она не вышла.

Я оставил велосипед у стены дома, поднялся на площадку и постучал в дверь Олиной квартиры. Никто не открыл — видно, дома никого не было.

И на следующий день я приехал и постучал в дверь. Вышла соседка и спросила:

— Вам кого?

— Олю.

— Оля с родителями уехала.

— А когда она вернется?

— Оля здесь жить не будет, ее папу срочно перевели на службу в другой город.

— А вы не знаете нового адреса?

— Не знаю, — с сожалением ответила соседка.

Я вернулся к велосипеду:

— Дружок, Оля уехала... Заедем на пустырь.

На середине пустыря я сошел с велосипеда. Некоторое время стоял и смотрел вокруг. Затем положил велосипед на землю и присел рядом на обломок доски.

«Оля не может забыть нас, дружок. Она не оставила адреса, потому что сама его не знала», — успокаивал я себя.

Дружок безмолвно слушал, а цветочки, растущие рядом, кивали под порывами ветра головками, как бы говоря: «Вы еще встретитесь... вы еще встретитесь...»

На пустырь зашла одинокая козочка и пощипывала травку.

Я загадал: если козочка подойдет ко мне, то мы с Олей встретимся. Козочка через некоторое время подошла ко мне, понюхала велосипедную шину и посмотрела на меня. Затем что-то пробормотала на своем козьем языке и, отпрыгнув в сторону, продолжала щипать травку.

Велосипед старательно отсчитывал мои школьные годы: восьмой, девятый...

Родители из деревни переехали в город. Отец работал один, а содержать нужно было младшую сестру и меня; мама занималась домашним хозяйством.

Я устроился на завод учеником токаря, а через три месяца уже работал самостоятельно; учился в школе рабочей молодежи.

И всегда меня выручал дружок-велосипед: мы ездили на работу и с работы, в выходные дни мчались на стадион — заниматься легкой атлетикой, вечерами катили в школу; стоит велосипед под окном класса, улыбаясь блеском руля, — ждет меня с уроков.

После одиннадцатого класса молчаливой поездкой по родному городу проводил он меня на службу в армию подготовленным спортсменом-разрядником.
...А как он звенел, когда я... мужчиной возвратился со службы!

Года мелькали как велосипедные спицы: государственный университет, работа по специальности.

Жизнь — езда по бездорожью: то утомительный подъем в гору, то каменистый спуск под гору, то крутой поворот, то рытвина, заполненная водой, — все как во время езды на велосипеде.

Только руль из рук не выпускай, а выпустишь — потеряешь и управление, и направление.

...Когда мой сын достиг возраста крутить педали, я подарил ему трехколесный велосипед.

Шли годы. У сына — двухколесный; в девять лет он получает спортивный диплом — за первое место в гонке на тысячу метров на городских соревнованиях в День велосипедиста.

Крутятся колеса — сын пересел на мой дорожный велосипед, затем — на мотоцикл, а после службы в армии — на автомобиль.

...У дочери родился сын. Я — дед. Смотрю на прогулках, как внук обкатывает трехколесный велосипед. Подрос внук — научил его кататься на двухколесном велосипеде, и теперь он самостоятельно катается во дворе.

...Мои воспоминания обрывает стук в дверь квартиры:

— Деда, открой — накатался!..

У двери я задержал взгляд на дорожном велосипеде:

«Внук подрастет — выведет тебя на улицу...»

...Вечером решил зайти в библиотеку — просмотреть поступившие литературные журналы.

Библиотекарь взяла читательский билет, подала два журнала за прошедшие месяцы.

Сел за стол, но что-то мешало сосредоточиться. Перечитал стихи в одном из журналов, но они меня не заинтересовали. Я сам писал стихи, публиковался в печати, издал книгу стихов, одним словом, в поэзии разбирался.

Раскрыл другой журнал на разделе «Поэзия» и стал прочитывать первые строфы, и — вдруг:

Я буду долго
Гнать велосипед.
В глухих лугах его остановлю.
Нарву цветов
И подарю букет
Той девушке, которую люблю...

Я второй раз прочел все стихотворение под названием «Букет», прочел имя поэта — Николай Рубцов.

Поднял голову, мой взгляд остановился на библиотекарке. Только сейчас я заметил, что она носит... косу.

Я обмер: «Не может быть...»

На глаза навернулись слезы ликующей мальчишеской радости. Гляжу на нее, она — на меня, и не может понять, что случилось с читателем.

Оля не узнала меня.

Я встаю из-за стола и выкрикиваю:

— Оля, это я! — вроде кричу, а слов не слышу...

Неожиданно пошел к выходу, она что-то говорила...

Утром следующего дня подумал: «Журнал со стихотворением «Букет» остался

открытым — Оля может его увидеть и... вспомнит меня. Если вспомнит, то может позвонить — в карточке записан номер домашнего телефона».

Но звонка из библиотеки не было.

Так прошла неделя, другая...

Уходя на работу, притронулся к рулю велосипеда, в который раз ожидающего выезда на встречу с ветром, — он был холодным.

— Не обижайся, дружок, подожди, — я тоже жду...

...Ждал ответа на немой вопрос —
Тени задремали подле глаз.
Долго ждал — ко времени прирос,
Так и жил... Однажды как-то раз,
Распахнув калитку у ограды,
Ты вошла поспешно на крыльцо:
— Милый, жизни без тебя не рада, —
Прошептала прямо мне в лицо.

...Зова сердца выдержать не мог —
Зашатался под нею порог.
Гвозди памяти в него я бью —
Не могу признаться, что люблю:

Думаю...

Артем Лунин

ИГУ, 4 курс
филологический ф-т

ЗВЕРЬ

Зверь бежал, бесшумно скользя между деревьями, не останавливаясь, принюхивался к ночному лесу. Листва, хвоя, грибы, ручей неподалеку. И грязным пятном — едкий запах врага.

Страх.

Зверь знал, как пахнет страх. В схватке боящийся всегда проиграет. Неважно, что враг силен, хитер и ловок, неважно, что у него есть черная ветка, с громом бросающая горячие камни.

Он боится.

И значит, скоро он будет лежать с порванной глоткой под беспощадным светом луны.

Грузный багроволицый мужчина брел по берегу реки. Он шатался из стороны в сторону, тяжело опираясь на палку, бормотал себе под нос и вдруг остановился, выругавшись от неожиданности. Впереди на тропинке сидел зверь.

От звука человеческого голоса он вздрогнул и шагнул назад. Это подбодрило человека, который шагнул вперед и поднял палку, что-то рывкнув. Зверь оцетинился и тихо зарычал.

Мужчина рассвирепел. Он шагнул вперед, широко размахнулся тростью и закричал, когда клыки зверя с хрустом сомкнулись на его запястье.

Еще через миг боль исчезла.

Мистификация

Зверь жадно лакал воду из ручья и никак не мог напиться. Темные пятна плыли вниз по течению, маслянисто блестя под неистовым светом луны.

Нагретый жарким днем асфальт грел лапы, а пойманная птица — желудок. Зверь неторопливо бежал по шоссе, потеряв от сытости осторожность. Далекий звук вдруг вырос, приблизился, стало светло. Зверь метнулся в сторону, слепящая полоса света ударила его в бок.

Автомобиль остановился. Сидевший за рулем пару раз нажал на газ, заставляя мотор мощно взрывать, повернул ключ, вылез. Хороший денек. Она была нежна и ласкова. На обратном пути он хотел сбить что-то, выбежавшее прямо под колеса, и, кажется, сбил. На бампере, конечно, вмятина, хорошо, что машина застрахована.

Он еще раз потянулся, зевнул. Кто же это был? За спиной раздался шорох, но человек не успел обернуться — серая тень метнулась ему на спину.

Алая кровь казалась почти черной под тусклым светом луны.

Зверь петлял между деревьями, избегая освещенных мест, и неожиданно вышел к человеческому поселению. Он попятился было, но пустой желудок требовательно заворчал, а ветерок донес странные, незнакомые запахи, возбуждив любопытство зверя.

Он неслышно прокрался к низкой ограде, скользнул под кустами и вплотную подошел к дому. Изнутри дома раздался звук шагов, зверь метнулся в сторону, с грохотом налетел на что-то и неожиданно попал в прямоугольник света. Он замер на месте, ослепленно моргая, почувствовал запах врага и грозно зарычал. Зверь не решался отскочить в спасительную тьму, опасаясь снова на что-нибудь налететь. Он наконец проморгался, разглядел, что верхние лапы человека пусты, но это ничего не значило — зверь знал, какое коварство прячется в пустых человеческих лапах.

Но этот человек странно мал и сложен немного по-другому. Зверь еще раз потянул носом — так и есть, человеческий детеныш. Зверь едва не бросился, когда тот издал странный звенящий звук и сделал шаг вперед. Человек присел на ступеньки, так он выглядел еще меньше и неопасней. Он стал издавать странные сложные звуки, и в ответ зверь глухо предупреждающе рычал.

Человек говорил недолго, а потом встал и ушел в дом. Зверь недоверчиво принюхался. Из глубин дома пришел аромат мяса. Зверь облизнулся, слотнул слюну, нерешительно переступил лапами.

Человеческий детеныш снова появился в дверном проеме, держа в верхней лапе кусок мяса. Он протягивал мясо ему!

Зверь не двигался с места и лишь бешено сверкал глазами. Наконец человеческий детеныш положил мясо перед собой и отступил. Зверь шагнул вперед, обнюхал мясо, не сводя с врага глаз, осторожно взял в пасть.

Ничего не случилось. Зверь в два приема проглотил мясо. Маленький человек подпрыгнул, ударил верхними лапами друг о друга и снова издал долгий звенящий звук. Зверь зарычал, припав к земле на границе света и ночи. Человек опять убежал в дом, вернулся с мясом. Он смело подошел совсем близко — зверь снова пересилил себя и не бросился...

На крыльце сидела девочка, глядя лежащего зверя, перебирала пальцами грубый мех. Тот ворчал по привычке, но не делал попыток освободиться из ее рук. Серая шерсть зверя и светлые волосы ребенка мягко серебрились под ласковым светом луны.

НАЧАЛО ВЕСНЫ

Перекресток.

Каждую минуту пролетают здесь десятки машин, разбрызгивающих весеннюю слякоть, которую по сигналу светофора начинают дружно месить ноги пешеходов. Лица недовольно хмурые, насупленные, словно гонимые сырým ветром низкие облака над городом, грозящие не то дождем, не то снегом — весенняя погода обманчива.

Даже лица детей скучные и серьезные.

Войди в этот поток — и пропадешь, растворишься снежинкой в грязном ручье.

Чуть приостановившись и снова возобновив движение под щебет светофора, поток пересекает улицу и разбивается на ручейки, водовороты и стоячие лужи.

Худой мужчина в «интеллигентской» шляпе и в старом весеннем пальто, подбитым понизу грязью, спрашивает что-то у толстой продавщицы. Та бросает ответ таким тоном, словно мужчина в чем-то провинился перед ней. Несостоявшийся клиент втягивает голову в плечи и деревянным шагом идет прочь — со спины кажется, что старомодная шляпа надета на высокий воротник пальто.

Эту пару можно было бы назвать красивой, если бы не выражения лиц. У него — жесткое, упрямое, у нее — растерянное. Девушка жалобно говорит о чем-то, парень хмуро качает головой. На перекрестке поток растаскивает пару в разные стороны, не дав попрощаться друг с другом. Она сворачивает, он идет прямо, злым резким жестом швыряя в сторону окурков. Чья-то торопливая подошва через миг вминает искру в грязь, остается черное пятно на асфальте.

Женщина выговаривает ребенку, который смотрит в сторону. Маска безразличия явно великовата для малыша — губы прыгают, по щеке катится слеза. Детям трудно носить маски. Но пройдет пара лет, и он научится этому искусству не хуже матери. В последний раз дернув малыша за рукав, она выпрямляется, снимает маску «родительского неудовольствия» и надевает маску «усталая мамаша». Ребенок послушно протягивает руку. Две дорожки влаги на лице он не трогает — известно, что если слезы не вытирать, они высохнут сами и незаметно будет, что плакал.

Сломанные зимой ветки черемухи тоже сочатся слезами. Я задеваю их плечом, и мне за шиворот падают капли сока. Ежусь...

Весна нынче какая-то не такая. Холод. Грязь. Ветер. Слякоть. Снег. Серые тучи.

И серые лица.

И вдруг среди этих серых лиц я вижу осколок летнего неба.

Я хочу ущипнуть себя за руку. Я прекрасно знаю, что у цыган не бывает голубых глаз. И уж точно ни у кого — ни у детей, ни у взрослых — не бывает такой улыбки.

Она улыбается.

Маленькая цыганка с грацией прирожденной принцессы сидит на холодном камне в своих невозможных лохмотьях. Уже не дитя, но еще не отроковица. Она улыбается, улыбается мне, улыбается серым тучам и серым людям, снегу, слякоти и проезжающим машинам.

Я лезу в узкий карман джинсов. Мне не по себе от этой безмятежной улыбки, я уже почти решил, что я под гипнозом.

Монеты глухо шлепают по мокрому картону. Не обращая на деньги никакого внимания, маленькая цыганская принцесса поднимает на меня свои абсолютно синие глаза. Я миную ее, борясь с желанием оглянуться или ускорить шаг.

И только отойдя на порядочное расстояние, я неожиданно ощущаю — с моим лицом что-то не так. Какое-то странное ощущение... Давно забытое, но знакомое...

Улыбка.

Я иду, неуверенно улыбаясь.

И замечаю, что лица встречных прохожих начинают чуть разглаживаться.

В город приходит весна.

Митинаторы

ПУШОК

Несколько лет назад мы принесли в дом котенка. Он был такой крошечный и пушистый, что казалось, дунь — улетит, как пушинка. Конечно, его назвали Пушок. Ночью маленький котенок мерз один на своей подстилке и плакал, поэтому Аня — моя дочка — стала брать его с собой в постель. Там Пушок пригревался у нее под боком и мирно засыпал.

Как известно, кошки взрослеют гораздо быстрее людей. Пушок скоро перестал плакать по ночам, а привычка спать у девочки на постели у него осталась. Молодой, уже вполне самостоятельный кот стал приходить со своих прогулок не совсем чистым, и я стала бранить его за то, что он по-прежнему ложится на Анину постель. Аня же всегда заступалась за своего любимца. Однажды Пушок опять заснул на Анином одеяле. Я зашла к дочке в комнату и увидела это. Набегавшийся по всем известным и неизвестным закоулкам нашего городка кот спал, что называется, без задних ног и не учуял моего появления. Он дергал лапами во сне, не приоткрывая глаз, — переживал свои кошачьи сны и даже довольно мурчал. Видно, сны эти были еще и приятными. Я протянула было руку, чтобы разбудить кота, но тут раскрыла глазки Аня. Она умоляюще посмотрела на меня и сказала шепотком: «Не надо, мама, он мне песенки поет».

— Может, он еще и сказки рассказывает? — посмеялась я над дочкиными словами.

— И сказки!

— Как у Пушкина?

— Как у Пушкина! — твердо ответил мой образованный ребенок (только недавно я прочитала ей «Лукоморье»).

Возражать на это у меня уже не было сил: кот остался досыпать на месте, а проснулся уже с новым именем — Пушкин. Удивительно, что он сразу понял, что так обращаются именно к нему. Наверное, он втихомолку сам подумывал над тем, чтобы сменить детское имя Пушок на более взрослое.

Так появился в нашем городе кот Пушкин, который рассказывает сказки. Гости наши иногда теперь шутят: «А почему ваш сказочник-кот не на цепи?» Ну, нет, у нас — свобода творчества!

КОЛДУШКА

Уж так устроен человек, что охоч он до всяких чудес-небывальщин. Испокон веку на Руси, почитай, каждый город или село были кладезями этой народной фантастики. А что же наш городок? Большинство наверняка считает, что это детище советской эпохи в принципе не может иметь своего фольклора. Мол, какие тут чудеса в безбожный век? Разве что упомянут легенды о сопках Тихонькой и Буйной да об открытии Кульдура, подчеркнув их дореволюционное происхождение. Ан, это не так! Ан, это не так! Вот какую историю знаю я с детства...

Жила у нас в железнодорожном поселке странная старуха. Звали ее все просто Мотька. Даже дети не прибавляли к этому имени обычного «бабка», словно отчуждая ее от человеческого рода. Считали поселковые обитатели Мотьку кто знахаркой, кто ворожеей, а кто и просто ведьмой. Не зря считали: чудес за ветхим Мотькиным забором было немало. В ее огороде весь сезон что-то цвело, а на грядках бушевало зеленое пламя всяческой растительности. На двух же примыкавших к

Мотькиной усадьбе огородах соседи собирали худые урожаи. То же чудо было и с бабкиной коровой, которой стукнуло «сто лет в обед»: лежащая скотина одаривала хозяйку «двойным» молоком, а соседи от своих пеструх и буренок видали лишь половину. Но души бабка Мотька все же была не злой: охотно гадала на дорогу, на возвращение, на пропажу, лечила людей и скот и ни за что не брала никаких даров в отличие от других поселковых «травниц», хотя сила ее была явно нечистого происхождения. Ну да не мне покойницу недобрым вспоминать!

Мне десять лет было, когда отец по вербовке уехал на заработки на Камчатку, на путину. А был он в тот момент больной: простыл здорово, да фронтовые болячки еще тревожили. Так вот, уехал он, а писем все нет и нет. Не знаем, доехал ли? Мать пошла к Мотьке, рассказала ей о своей заботе. Старуха молча уставилась ей в глаза так, что взор не отвести, а потом и говорит: «Ничего с твоим мужем не случилось. Жив он, здоров. А не пишет он потому, что что-то ему мешает, скорее всего, почта к ним не едет. Не волнуйся. Скоро он и сам приедет». Но мать мою эти слова только более растревожили, и стала она просить ворожею точнее все сказать. Мотька вздохнула, поглядела на нее сочувственно, взяла за руку и голосом, уже будто и не своим, произнесла: «На пути к дому твой муж. Не сегодня-завтра будет, готовь встречу. Иди!»

...И радостная, и испуганная мать не спала очень долго. А под утро в дом постучал отец. Он рассказал, что не писал потому, что артели рыбаков отрезало от мира бездорожье после тайфуна.

Вскоре и такой был случай. Карточки еще не отменили, а первые послевоенные годы были потяжелее, чем иные во время войны. И вот у нас эти карточки пропали. Все до единой! А месяц только начинался, и дело было ранней весной: от леса-огорода помощи, значит, нет. Обыскались, но ничего! Как в воду канули. За советом, понятно, к Мотьке пошли. А та говорит: «Ищите дома под ногами». Но сколько мы по дому ни шарили, ничего не обнаружили. Ох, бедствовали тот месяц. А уже когда отец выгребал последнюю картошку из подполья, он под ней и нашел старые продуктовые карточки. Крысы уволокли! А мы, выходит, совета не поняли.

А вот еще расскажу. Я в детстве заикался очень сильно — здорово как-то собака напугала. Иногда была просто мука смертная — ни в школе на уроках ответить не мог, ни на помощь позвать при нужде! Вот бабка та меня лечила. Она считала, что меня кто-то проклял в отмщение родителям, и крыла того колдуна и в хвост и в гриву, говоря, что и она не без греха: может кому чего-то недоброго в сердцах пожелать, но отыгрываться на детях — смертный грех.

— Не могу я тебя, Ванюша, совсем от той напасти избавить. Сделал это зло кто-то, кто сильней меня. Облегчить лишь могу. А после того, как тебя полечу, сама ночь наизнанку выворачиваюсь. А годы мои уже не те, чтобы такое терпеть. Узнать бы, кто эту порчу на тебя навел — в жабу эту злыдню превратила бы! — так говорила бабка Мотька. Ее пособия мне едва на учебный год хватало. Но сколько раз меня мать к ней ни приводила — не отказала в лечении ни разу.

Когда же мне было уже лет семнадцать, повадилась та старуха превращаться то в черную курицу, то в свинью и шалить на мостках. Речка Икура тогда была не то, что сейчас: в ней сомы метровые ловились, а мы и баркас свой имели, возили в нем лес, когда новый дом строили. Бывало, так река разливалась, что останавливала воду лишь насыпь железной дороги, и выйти из поселка можно было только по узеньким мосткам, укрепленным на столбиках высотой сантиметров семьдесят. Вот когда шел по ним кто-нибудь, то на него напрыгивала черная курочка, под ногами путалась и пела при этом петухом! Хочешь ее пнуть, сбросить с мостков, а она как каменная становится, будто вырастает в доски! И бывало, что падали пешеходы в воду. Не опасно это, конечно, было, но обидно, злились люди. А на мосту икуринском свинья кидалась в ноги молодым парням. Некоторые с моста и бултыхались. Но тогда под мостом глубина была дай боже — мальчишки с перил ныряли вниз головой так, что никто не убилися. Меня тоже и курочка пугала, и свинья сбросить в речку пыталась, но я пнул по разу и ту, и другую, и больше

Михаил Сергеев

они мне не являлись. А вот молодого мужика Кузьму та свинья в Икуру сбросила. А он после фронта был злой, ни в Бога ни в черта уже не верил и стал носить с собой нож. И когда опять на мосту свинью повстречал, ткнул ее тем ножом в бок. Свинья с визгом убежала в поселок...

Скоро женщины заметили, что Мотька перестала по воду ходить. Стали спрашивать друг дружку, кто что знает. Одна из соседок и сказала, что видела ведунью во дворе хромую и перевязанную. Пока бабы у колодца шептались да охали, Кузьма наклонился ко мне и сказал: «Это я ее, на мосту. Только — никому!» Я, конечно, никому об этом не обмолвился — за Кузьму страшно было. Но ни свиньи, ни курицы больше никто не видел.

...Мотька через несколько лет умерла, а Икура как раз с тех пор стала сильно мелеть. Рассохлись и развалились ставшие ненужными мостки. А когда рухнул и старый мост, самое глубокое на речке прежде место превратилось в перекат, который уже курам было впору пешком переходить. И новый мост был построен уж на другом месте. Так не осталось на земле и следа, который напоминал бы о посрамлении волшебницы.

Вот ты сейчас улыбаешься: складно, мол, дед врет, не запнется. А еще говорил, что зайкой был! Так вылечил меня уже в середине шестидесятых годов один профессор в Киеве, гипнозом. И бабушку ты сильно хвалил.

Елизавета Бадардинова

г. Иркутск, лицей № 2, 11 класс

СВИДАНИЕ

Мимо шли прохожие, много прохожих. Все куда-то спешили, бежали. А он стоял. Стоял вот уже битый час. Один. Вот и дождь собирается. Холодно. Жуткий ветер. Он стоял, держа в руках черный тюльпан, скрывая его от ветра. «Нет-нет, он не должен сломаться, времени еще пять минут, пять и все». Озябшими пальцами он отодвинул рукав куртки, взглянул на часы. «Десять минут, еще десять минут». Глубоко вдохнул, выдохнул. Изо рта шел пар. «Что же такое? Обещать и не прийти. И вот уже в какой раз она так поступает. Что ж она о себе думает?»

Глубокий вдох, выдох. По дороге, разбрызгивая лужи у обочин, мчались машины, люди тоже все куда-то мчались. В сером небе летали голуби, ища себе приют где-нибудь под крышей. Накрапывал дождь. Капля за каплей. На лужах стали расходиться многочисленные круги. Он, съездившись, поправил воротник, посмотрел на часы. «Отсчет идет на секунды». Достал из кармана мобильник. Пальцы двинулись рефлекторно набирать знакомый номер, но остановились. Он повертел трубку в руках и убрал ее обратно в карман. «Гордость? А как же! Она опаздывает на одно свидание. Не приходит на другое. Нет, нет, я не злюсь. Я просто замерз», — говорил он сам себе, будто убеждая себя, что и впрямь злиться-то и не за что и не на кого. «Сколько мы уже не виделись? Две? Нет, три недели. Три недели! Ну где ж она? Интересно, что у нее на этот раз? Снова кошка решила окотиться в неподходящий момент? Или у старушки-соседки ванную затопило? Кто ж я для нее, что она жертвует встречей со мной? Я не злюсь, нет. Помню, как увидел ее в первый раз. Пришел в универ на занятия, захожу в аудиторию, а там наш препод разговаривает с группой первокурсников о чем-то. Для меня было не важно, о чем, ведь я увидел ее. Она была в центре всего происходящего, что-то оживленно объясняла преподу, а тот и все с интересом слушает. Я запомнил ее

светящиеся, как горный хрусталь на солнце, глаза. Потом случилось так, что мы познакомились, потом стали встречаться, потом... потом. «Я стою, жду ее под дождем, жутко замерзший, вот уже третий час. На-до-е-ло!»

Дождь усилился, будто в солидарность его лопнувшему терпению. Он раскрыл зонтик. «Как предчувствовал, захватил его впопыхах. А куда и зачем, спрашивается, торопился? К кому?! К ней... А ее нет. Стою тут, как болван, один». Он стоял. А машины, люди мчались. У всех свои дела. Время не ждет. А он стоял и ждал. Серое небо, серые дома, лужи, голуби, машины, люди — все сливалось в одно: холодное и серое. Глубокий вдох, выдох. Он разжал пальцы, и из рук упал на мокрый асфальт тот самый черный тюльпан. Резко развернувшись и даже не посмотрев на цветок, он ушел. Ушел. А тюльпан остался лежать. Позже он совсем скрылся в луже, позже на него вовсе наступили все те же спешащие куда-то люди...

Прошел день. Она не звонила ему. Он не звонил ей. Второе следствие первого. В ожидании звонка прошел еще один день. Телефон молчал. В универ он не ходил. Заболел. Простыл. С градусником под мышкой, глотая аспирин, он провожал взглядом из окна уходящее на запад солнце. Дождь не шел с того дня. Погода была чудесной. Но он не хотел выходить. Ждал звонка, но телефон молчал. Он посмотрел на закат, и что-то внутри него перевернулось. Что-то стало мучить его. Сделав усилие над собой, он подошел к журнальному столику, на котором стоял телефон. Уже не раздумывая, он набрал тот самый до боли знакомый номер. В трубке раздался длинный гудок, еще один, еще один... никто не подходил к телефону. Он положил трубку. Прошел час. Час мучений, час тревоги и нехорошего предчувствия. Снова набрал номер. После второго гудка в трубке послышался незнакомый женский голос:

— Алло?

— Здравствуйте, я могу поговорить со Светой?

— К сожалению, нет, — женщина тяжело вздохнула, голос стал тревожным. — Света несколько дней назад попала в аварию и вот уже какой день находится в тяжелом состоянии.

У него перехватило дыхание. Он не мог ничего сказать. Да что было говорить? Руки задрожали. Трубка вырвалась из рук и упала на пол.

— Алло? А кто это? — слышался голос из трубки. Он молчал. Послышались короткие гудки.

Одевшись впопыхах, сорвал куртку с вешалки и выбежал на улицу...

Мимо шли прохожие, много прохожих. Все куда-то спешили, бежали. И он бежал. Не куда-то, к ней...

Яна Бородина

г. Иркутск, школа № 12, 6 класс

*дипломант литературного фестиваля
детского творчества*

«Иннокентьевские звездочки»

БЕРЕГ ДЕЦЕМБА

Эта фотография в простой деревянной раме стоит на моем столе. И вид на ней самый простой: крутой зеленый берег, под ним вода бирюзового цвета, а на самом верху склона — старые деревянные дома в окружении таких же старых топей. У самой воды обветшавшая пристань, чуть повыше — железнодорожная

Министерство

линия, бегущая вдоль берега реки. К домам, пристроившимся на самой круче, ведет почерневшая от времени деревянная лестница. Этот вид знаком многим иркутянам — это левый берег Ангары, напротив острова Юность. У фотографов он почетом не пользуется, может, потому, что похож на деревенский пейзаж.

Я сделала этот снимок после того, как классный руководитель предложила оформить стенд с видами родного города. Идея мне понравилась, тем более что я давно добиралась до дедова фотоаппарата. Он у него отличный, с большим объективом, и снимки получаются удивительные. До этого я снимала только «мыльницей». Ничего сложного: смотри в окошечко и кнопку нажимай. Дед разрешил мне воспользоваться своим фотоаппаратом, но с условием, что будет сопровождать меня во время съемок.

Что запечатлеть, я решила заранее: родную школу, Комсомольский парк, Дворец культуры и самолет у проходных авиационного завода. А дальше? Решили ехать в центр города. Там-то намного больше памятных и красивых мест. Сфотографировали Белый дом, краеведческий музей, памятник на набережной (тогда здесь еще возвышался шпиль). На острове Юность мне разрешалось фотографировать все что угодно! Дед лишь устанавливал выдержку и еще что-то, я и не знаю, что. Закончив съемку, мы сели на бережок и стали смотреть на воду, на противоположный берег.

— А ведь там моя родина, — неожиданно сказал дед и показал рукой за реку. — Недалеко от рощи стоит дом, построенный еще моим дедом. Знала бы ты, какой вид открывается с высокого берега: весь город и Ангара как на ладони. Особенно красиво вечером, когда зажигаются огни и звезды отражаются в прозрачной воде. Раньше это был оживленный район. Когда я был мальчишкой, в Иркутске имелся только один мост. Не было ни плотины, ни троллейбусов. А на ту сторону ходил пароход. Большой такой, с колесами и высокой трубой, из которой валил густой черный дым. Ведь работал-то он на угле. Пристань называлась «Звездочка». Над ней был добротный навес, стояла билетная касса, и нес вахту дежурный матрос. Народу переправлялось много. Бывало, за один рейс невозможно было увезти всех желающих. Ведь пассажирами были не только жители левого берега, возвращавшиеся домой, но и горожане, которые ехали отдыхать в нашу рощу. Тогда за город немногие могли поехать, а здесь под боком настоящий лесок. Пассажиры любили бросать монетки в воду, и вокруг пристани дно было усеяно мелочью, к радости мальчишек, которые ныряли за ними и доставали горстями. С тех пор прошло много времени. Вместо старого парохода по Ангаре пошли современные юркие теплоходы с птичьими именами: «Чайка», «Сокол», «Буревестник». Но скоро и они стали не нужны. Со строительством плотины пустили из города троллейбус, да и автобусов немало стало. К тому же многие приобрели автомобили и стали ездить далеко за город, на дачи. А домики на берегу моего детства стареют, на их месте вырастают современные коттеджи. А жаль, когда-то здесь хотели разбить парк...

Дед в который раз вздохнул, и мы стали собираться в обратную дорогу, а я на прощание сделала последний снимок.

Позднее, когда пленка была проявлена, а фотографии напечатаны, этот снимок стал для меня самым дорогим. В отличие от красивых зданий и холодных памятников, от него веет чем-то родным и близким.

Стирана поезии

Стефановићем

№ 1 (17) 2004

Антон Егоров

г. Иркутск, школа № 57, 9 класс

дипломант литературного фестиваля детского творчества «Иннокентьевские звездочки»

ДОЖДЬ В ИРКУТСКЕ

Иркутский смог.
И тучи низко
Висят над безднами дворов,
Во мгле летает ворон близко,
И хлещет дождь на ветхий кров.

И дворник старый, с бородою,
Метет застывший грязный двор.
И чудится ему порою
В переплетенье туч узор.

Болота мокнут бесконечно
Под этим проливным дождем.
Существовать болотам вечно,
Пока гремит на небе гром.

И, шило поменяв на мыло,
Подставил град дождю плечо.
Полно дождей в Иркутске было,
И много будет их еще...

Анна Курупанова

г. Иркутск, школа № 36, 9 класс

дипломант литературного фестиваля детского творчества «Иннокентьевские звездочки»

МОЯ ЛЮБОВЬ

Когда-нибудь завянут все цветы
И высохнет, быть может, вся вода.
Погаснут звезды, и сгорят мосты,
И все исчезнет, словно в никуда...

Но даже в мире этого безъявья,
Скользя в пространстве темном, словно тень,
Все буду одного любить тебя я
И помнить самый ясный в жизни день.

Ольга Коробкова

г. Рыбинск

* * *

Любовь Вторые Руки.
Нормальный секонд-хэнд.
Ни ревности, ни скуки.
Ни мифов, ни легенд.

И лишним быть немодно.
Все знают наперед,
Что, если вы свободны,
Вас кто-то подберет.

Мы сплетничаем в кухнях,
Но подозренье есть,
Что этот мир не рухнет
От перемены мест...

Пора оставить грезы
И скучное нытье
И помнить: только слезы —
Единственно твое!..

Антон Мок

г. Иркутск

*Посвящается педагогу НСОУ
«Нить Ариадны»,
актрисе театра им. И. П. Охлопкова
Наталии Владимировне Давыдовой*

Мне почему-то всегда грустно
в конце урока...

* * *

Как утром плакало вспотевшее окошко!
Быть может, я поэтому грущу.
Я лучик солнца для тебя зажму в ладошку

И больше никогда не отпущу!
Как душу рвет! Скребут на сердце кошки.
Ты не ушла еще, а я уже грущу.
Зажму в руке своей твою ладошку
И больше никогда не отпущу!

Я БЕЗ ДРУГА

Что молчишь сегодня, Яшка?
Стынет в миске твоей кашка.
Что не балуешь с мячом?
Целый день грустишь о чем?

А тут — оттепель, ручьи.
В лужах скачут воробьи.
В этой птичьей стае вдруг
Для меня нашелся друг.
А сегодня снова вьюга
И опять я... я без друга.

Ася Бакшеева

г. Иркутск, гимназия № 2, 11 класс

* * *

К земле припал, ища прощенья,
Души холодный падший снег.
Небес беспмятных крещенье.
Молитвы в бесконечном сне...

Грехи во сне и боль рассвета.
Тоска удушливых ветров.
И есть вопросы — нет ответа...
Где отыскать для сердца кров.

Душа пуста, и небо пусто.
Все стынет, веры нет иной.
Мой тихий праздник белой грусти,
Известный только мне одной...

И больно видеть мне утрами
Страданья плачущих икон —
Я равнодушными ветрами
Была гонима далеко.

Сиренка поет

Я шла к душе весны распятой —
К больному солнцу в небесах.
Дрожали солнечные пятна
В моих заплаканных глазах...

ПУТЬ ПО КРУГУ

Тихо шли часы по кругу,
Словно мысли, словно мы,
Так, как верность ищет друга,
А предательство — зимы.

Стрелки старых механизмов
Нам укажут верный путь.
Пусть беда твоя капризна —
Будь настойчив. Верь. И будь.

Ты найдешь себя по цифрам —
Где бредешь сегодня ты?
Время — это только шифры
Неразгаданной мечты.

Вечен путь по циферблату,
Но бессмертна и душа.
Не вернуться мне обратно
И не сделать шире шаг.

Сквозь стенанья дикой вьюги,
Веру беспросветной тьмы —
Тихо шли часы по кругу,
Словно мысли, словно мы...

ОТЧАЯНЬЕ

Неизвестность на ладонях,
Безвозвратность — в облаках.
Тени греются и тонут
На незыблемых руках.

Тишина и безмятежность.
Рваный ветер над землей.
Небеса. Тревога. Нежность.
Пустота опавших слез.

Птицы бьются с небосвода
О массив бетонных стен.
И беснуется природа —
Детский выкрик на листе.

Небо может расколоться.
Безвозвратность — в облака.
Спит мое больное сердце
На оттаявших руках.

БЕЗ ТЕБЯ

Когда это солнце бежит босиком
По звонким полуденным лужам небес.
Когда эти руки летят далеко,
Чтоб быть, словно мысли, все ближе к тебе.

Когда к наважденью бегут облака,
Чтоб падать без формы, как мысли-мечты.
Когда разбросает сомненья закат
По искренним серым глазам простоты.

Когда простота, как законы любви,
Когда города, словно брызги планет.
Когда чистоту ты губами ловил,
Когда наши пальцы, как искры во сне.

Когда откровенье голодных сердец
Наполнит безумством бездумие стен.
Когда мои мысли в воздушной среде
Взорвут постоянство крестами антенн.

Когда безразличие взводит курок,
Когда раскрывает отчаянье тьму,
Когда стуки сердца заносят свой срок
Признаньем. Ни мне. Ни тебе... Никому.

Когда встанет солнце в плену диких туч
И с криком с ладоней сорвется гроза,
Мы будем с тобой осязать пустоту,
И будет сиять это небо в глазах.

* * *

Всплески слабости безвольной,
Тяжесть в сердце и в груди.
Неизвестность горькой болью —
Подожди, не уходи...

Я не знаю, для чего мы
Снова вместе тут одни.
Мы давно с тобой знакомы.
Догорели лета дни.

Я в глазах твоих усталых
Вижу грусть и — тишину...
Небу — много, сердцу — мало.
Не бросай меня одну.

Алексей Пономарев

г. Иркутск

* * *

Белый туман не покажет дорогу.
Только почувствуешь дрожь:
Будто бы чудо — вон там или с боку;
Будто бы не обойдешь...

Если извлечь и тревоги, и страхи,
Боль и тоскливую муть,
В сердце остались бы: клеверный сахар,
Юность и сказочный путь.

Там же шумит тальниковая чаща.
Там же черемух цветы.
Жизни былой, словно ненастоящей.
Это начало пути...
Жалко весны мне, весны проходящей,
Где и не я, и не ты.

* * *

Хрупкая и нежная,
Если вьюга снежная —
Позови меня.
Я теплом укутаю,
Ласкою опутаю,
Бережно храня.

Посмотри, хорошая,
Звездною порошею
Ты — осыпана.
Вся искришься блесками,
Радостными слезками,
Как сама весна!

Мне давно печалилось,
Что ты не встречалась мне —
Настоящая.

Если вьюга снежная,
Улыбнись мне, нежная,
Звездами искрящая
И манящая!

* * *

Не те звезды нам светят с тобой.
И беда не приходит одна.
Шелестело зимой и весной,
Я все так же стоял у окна.

Не ходить нам в рассветный рубин.
Не носить нам улыбок простых.
Кто был мало и юн, и любим,
Тот не верит, устал и затих.

Запоздалую радость мы ждем,
Где вы, где вы, весенние дни.
Пусть мы счастье уже не вернем,
То, что было хорошим, вернись!

Сердце ждет, все равно, для любви
Души старятся без возрастов.
Золотые бумажки листвы.
И осеннего цвета любовь.

Утром стебли под синей водой.
И тумана клубящийся дым.
Где пройдешь ты уж не молодой.
Где пройду я уж не молодым.

* * *

Снега еще не тают,
Весна еще слаба.
Но память вспоминает
Все теплые слова.

Небесный свод затянут
Свинцовой пеленой.
Одни мечты не вянут
Вращенные тобой.

В какой сторонке света,
Лучом какой звезды
Объята и согрета,
Живешь спокойно ты?

Стихотворения

Надежда Ярыгина

г. Иркутск

* * *

День убывает. Тоскливо сверкают
Льдинки, свистя из-под шин.
Улицы нервно и блекло моргают
Блестками стекол машин.

Хочешь кататься?
Нет, все как в затмении,
Ни те цветочков, ни пчел...
Мир затаился в пугливом смятении,
Будто некролог прочел,
Всхлипнул устало о пляжнике-лете
И приумолк сам не свой.

Ветер скакал на дырявой газете
Вместе с отжившей листвой.
В воздухе ладан. Кто-то нас молит
Не леденеть от ветров.
...Пихта роняет зеленые смолы
В пепел задутых костров.

* * *

Звездный свод, как любимая книжка,
Так зачитан... дыра на дыре.
Раскаленная хвойная шишка
Словно роза мерцает в костре.

И пока эта «роза» не вянет,
Мотыльки превращаются в прах.
А чего их в костер-то все тянет?
Что, огонь в каждом случае прав?

Повстречались (опять не на равных)
Зло стихии и глупости пыл.
Ой, чревато, хотя и забавно
Возгордиться бравадою крыл.

Возгордиться при слабом умишке,
Презирая спасительный страх.
...Манят в пламя каленые шишки,
Словно розы мерцают в кострах.

* * *

Говорили друг другу гадости,
Но в глазах были ласка и свет.
А кофейные ложки на радостях
Ой, звенели... Как парный дуэт.

Раскололись кофейные чашечки,
Перебились о кафельный пол.
Убежали по коже мурашечки.
Было что? Недосол? Пересол?

Жаль, скандальные праздники кончились,
Ты томишься от скуки, привык.
Жаль, в крикливом житейском сотворчестве
Мы нашли-таки общий язык.

По привычке бормочем любезности,
Взгляды косим, боясь показать,
Что пусты и наигранны нежности,
Что уже равнодушны глаза.

Не берешь сахаринок ни крошечки,
Кофе горек и недопит.
Ха...
Моя-то наивная ложечка,
В чу-до верит! Звенит и звенит.

ЕСЛИ БЫ

Неопознанно виться
Близ невесты твоей,
Чтобы как-то прижиться
Меж тобою и ей.

Цепким пламенем влиться
В свет, что вами зажжен,
Между вами забиться
Тем, кто будет рожден.

Иль носить как младенцев
Вас обоих в себе...
Вам же некуда деться
В треугольной судьбе.

Мы почти совершенны,
Я, она, даже ты.
Потому все измены
Тоже вид красоты.

БЛАГОЧЕСТИВЫЙ БЕСПРЕДЕЛ

Фантастическая повесть

Часть 2

Я приступил к делу с полным арсеналом средств криминалистики, оснащенный высшим юридическим образованием и заряженный непреклонной волей во что бы то ни стало добиться справедливости. Перво-наперво я применил факторный анализ. Факторный анализ — это наипервейшая вещь в запутанном деле, когда ничего еще неизвестно, но много самой противоречивой, взаимоисключающей информации. И вот уже компьютер проводит классификацию факторов и находит закономерности в событиях или поступках. То есть сначала просто выявляет — есть ли такие закономерности, а потом определяет их доверительную вероятность, частотность, величину корреляции и кое-что еще в том же роде.

Я сделал самый очевидный шаг — запустил на факторный анализ данные по пятнадцати лицам, выявленным в процессе идентификации. Работа самая пустячная для ЭВМ, и скоро я имел на руках результат. Что же? Оказалось, что все пятнадцать человек хотя бы раз в жизни побывали в городе Y. Все без исключения — и это было единственное, что их объединяло. Были города, где побывали двенадцать, десять и восемь из них, но только в городе Y побывали все без исключения. (Нашего города Ю-ска в списке вообще не оказалось.) «Отлично!» — сказал я сам себе. И тут же вспомнил, что в город Y любит ездить мой шеф — Рохлин Анатолий Никола-

евич. И... меня словно пронзило раскаленной иглой — в это самое время в городе Y находилась на практике Энрика! Последнее меня совершенно обескуражило. «Что за черт! — подумал я, чувствуя сердечное биение, но тут же постарался успокоиться. — И чего я так всполошился? Ведь она же не сама туда поехала, ее направили!...» Но успокоиться вполне не удалось — словно собака я шел по следу, которого уже невозможно было оставить.

Потом я позвонил в анатомку и попросил точно назвать имя и фамилию человека, значившегося в журнале поступлений под номером 324. Мне назвали, я ввел данные в ЭВМ и через пять минут узнал, что этот тип также неоднократно бывал в городе Y. Я тут же написал заявление на административный отпуск и заказал по телефону билет на ближайший самолет.

Утром следующего дня я уже сидел в кресле быстроходного лайнера.

Город Y встретил меня жарой, пылью и пустыми улицами. Последнее лишь подтверждало мои подозрения — именно в таком неприметном провинциальном городке следует устраивать подпольный центр, управляющий целой сетью мелких, но чрезвычайно опасных групп и группировок — никто ничего не заподозрит, никому и в голову не придет, что здесь могут строиться козни самого кошмарного толка.

Прямо из аэропорта я поехал в местное отделение Департамента Охраны Края. Предъявил служебное удосто-

Окончание. Начало см.: «Первоцвет», 2003, № 3 (16).

верение и был допущен к шефу Бюро Дознания.

— Вы к нам по делу? — спросил меня толстый бритый тип, весь в поту, ознакомившись с моим служебным удостоверением.

— Да, по делу, — ответил я осторожно, — но прибыл, можно сказать, частным образом. — Выдержав внушительную паузу, продолжил: — Прежде всего хочу вас попросить оставить наш разговор в тайне, и вообще — не говорить никому без особой надобности о моем пребывании в городе.

— Понимаю, — сказал тип, усиленно пуча глаза. — А что вас интересует?

Я объяснил, что пока хотел бы осмотреться в городе, походить по улицам, а потом мне понадобится компьютер с допуском «два эс».

— У нас нет такого, — ответил тип огорченно. — Даже я не обладаю нулевой формой допуска.

— Ладно, давайте какая есть, — смиловился я. Потом замолчал и посмотрел многозначительно на шефа местного Бюро: — Скажите, а не случилось ли у вас в последнее время чего-нибудь особенного?

Тот часто заморгал, лицо отразило умственное усилие, наморщилось, но тут же разгладилось.

— Вы знаете, было одно забавное происшествие, да! — Он вдруг заулыбался. — Третьего дня инспекторшу изнасиловали! Гуляла вечером с собакой.

— Да нет, не то, — поморщился я. — Я имею в виду что-нибудь вовсе необычное, даже невероятное.

Инспектор снова заморгал.

— Нет, ничего такого не было. Не могу припомнить. Извините.

— Ну ладно, бог с ним, — отмахнулся я. Подал толстяку руку в знак дружбы и ушел. Ох уж эти мне провинциалы!

На следующий день я отправился на прогулку по городу, осмотрел все, что попало на глаза, и ничего интересного не заметил — очень тихое, спокойное место, к тому же было лето, стояла жара, кажется, жизнь остановилась, все умерло или уснуло и уж не проснется никогда.

После обеда я опять нагрнул к инспектору. Тот сразу посадил меня за обещанный компьютер, включил кондиционер и деликатно удалился. Повращав

головой и размяв пальцы, я приступил к работе.

Я знал, что следует сделать. С собой у меня был диск со списком интересующих меня лиц, со всеми портретами и выходными данными. Я загрузил информацию в память компьютера и запустил процедуру факторного анализа событий, произошедших в городе Y за последний год и связанных так или иначе с означенными лицами. Все было настолько просто, что следовало удивиться этой простоте — почему никто до меня не проделал то же самое! Но я тут же одернул я себя — никому и в голову не могло прийти подобное. Ведь все началось со взрыва в лаборатории, с уничтоженных роботов и с секретного фильма, который я первым увидел из посторонних людей, и не просто увидел, а предпринял целое расследование. Так что гордиться мне было как бы и нечем.

Я не успел выкурить сигарету, а решение было уже готово. И именно такое, которого я ожидал. Все пятнадцать интересующих меня лиц посещали одну гостиницу, расположенную за городом. Я записал ее адрес и, поблагодарив коллегу за помощь, отправился за город.

Было уже часов пять, но солнце держалось еще высоко и жарило вовсю. Поминутно вытирая лоб крохотным платочком, я подходил к «объекту». Гостиница, как и все вокруг, казалась необитаемой — белокаменное двухэтажное здание архаичной архитектуры молчало, окна блестели отраженным солнечным светом, входная дверь застыла на века. Вокруг раскинулись зеленые лужайки, очень ровные и ухоженные, недвижно стояли раскидистые деревья с роскошными зелеными кронами, фонтанчик беззвучно переливался в круглой чаше, и приглашали присесть к себе на спину деревянные скамейки. Я прошел по дорожке, посыпанной мелким красным гравием, и постучал в высокие стеклянные двери. Никто мне не ответил, я распахнул дверь и вошел. Внутри было чисто и прохладно: мраморный блестящий пол, вечнозеленые деревья в деревянных кадках и цветная мозаика на стенах. Я прошел к стойке, расположенной в глубине и чуть сбоку. Это была обычная стойка, какие бывают во всех гостиницах. Необычным было лишь

Мир прогов

полное безлюдие. Вытащив металлическую монету, я требовательно постучал по стальной окантовке. В ту же секунду появилась сбоку, из прохода, занавешенного разноцветными стеклянными висюльками, очень высокая и очень красивая девушка. Ослепительно улыбаясь, она приблизилась ко мне.

— Добрый день, — проговорила она низким музыкальным голосом и положила полные белые руки на стойку.

— Добрый день, — прохрипел я, глядя в ее прекрасные глаза. — Я хочу снять у вас номер.

— Номер? — бархатные брови ее приподнялись, но глаза остались бесстрастными, зрачки были неподвижны.

— Да, номер, — сказал я, — ведь у вас тут гостиница, не так ли?

— Нет, не так.

— Нет? — удивился я. — А мне сказали, что здесь гостиница, и вдобавок очень хорошая.

Похвала, впрочем, безыскусная, не возымела успеха. Девушка все смотрела на меня своими замороженными глазами.

— У вас неточные сведения, — проговорила она, — у нас не гостиница, а пансионат.

— А какая разница? — Я облокотился на стойку и подпер голову рукой.

— Разница в том, что в гостинице может поселиться любой человек, а в пансионате — нет.

— Значит, я не могу у вас поселиться?

Девушка помедлила секунду.

— А чем вас привлек наш пансионат? В городе полно гостиниц, гораздо лучше нашей, и в самом центре.

— Я люблю свежий воздух.

Девушка снова подумала.

— Если вы не возражаете, я схожу к исполнительному директору. Быть может, он разрешит.

Я выразил согласие, и девушка удалилась.

Усевшись на широкий и очень мягкий диван, обтянутый черной кожей, я стал смотреть в бассейн — как струится прозрачная вода и дрожат цветные камешки на дне, — и не заметил, как ко мне приблизился мужчина. Я случайно повернул голову и в ту же секунду поднялся.

— Добрый день, — сказал мужчина и протянул руку.

— Добрый...

Он был повыше меня, средних лет, лицо приятное, интеллигентного образца, с этакой бородкой. Что-то подобное я уже видел. Он стоял и смотрел на меня.

— Вы хотели со мной говорить? — спросил он.

— Не то чтобы хотел, — пробормотал я, но тут же спохватился. — Вообще-то есть у меня пара вопросов.

Мужчина отступил на шаг и сделал приглашающий жест:

— Прошу!

И мы пошли — по блестящему мраморному полу, мимо бассейна с прозрачной водой, мимо вечнозеленых деревьев в кадках и мимо стеклянных витражей, — поднялись по спиральной и очень крутой лестницей на второй этаж, где было так же сумрачно и прохладно и так же блестел мраморный пол; ряды дверей по обе стороны уходили вдаль, в сияющий свет, льющийся из широкого окна в конце коридора. Где-то на середине его мы остановились, перед нами был уютный зеленый уголок: пальмы в кадках с широкими сочными листьями, два мягких кресла и столик между ними, на полу мягкий ковер.

— Итак? — произнес мужчина, когда мы сели в кресла.

Я молча вынул служебное удостоверение и протянул ему. Он взял очень спокойно и так же спокойно прочитал, информация его никак не взволновала. Можно было подумать, что он готовился к подобному визиту. Возвращая мне документ, он проговорил:

— Я так понимаю, что вы сюда приехали не для отдыха.

— Вы правильно понимаете, — подтвердил я, присматриваясь к собеседнику. Я все еще не знал, что ему скажу и как мне следует себя вести. Необходимо было соблюдать осторожность, но я не чувствовал с его стороны враждебности. Передо мной был не тот человек, который может вскочить среди разговора и дать вам пепельницей по голове.

— Так что же вас интересует? — спросил он.

— Прежде всего, — начал я изда-

лека, — хотелось бы узнать характер вашего заведения.

— То есть?

— Ну что это такое? Гостиница, пансионат, частный клуб или что-то иное?

Мужчина пожал плечами.

— Считайте, что это гостиница.

— Допустим. Но почему меня не хотели в нее поселить?

— Кто?

— Девушка внизу.

— Вероятно, вы неправильно ее поняли. Она просто пыталась сказать, что в городе вы найдете гораздо лучшие условия и по более низким ценам.

Я недоверчиво покачал головой.

— Надо же! Выходит, она действовала в моих интересах и в то же время против интересов вашей фирмы?

— Таков наш принцип, — лаконично ответил собеседник.

— И все-таки, — продолжил я, — кто живет в вашем заведении?

— В нашем заведении, — проговорил он, — живут все, кто этого хочет. Вы за этим сюда ехали?

— Не совсем. — С этими словами я раскрыл дипломат и достал список лиц, побывавших здесь в последнее время. Все они, согласно моим данным, были роботами.

Мужчина взял бумагу и очень долго ее читал. Лицо его при этом оставалось бесстрастным.

— Надеюсь, вы не будете отрицать, что все эти... м-м... личности останавливались у вас?

— Нет, не буду.

— И вы их всех, конечно же, хорошо знаете.

— Знаю.

Мне вдруг стало жарко, и я раскинул полы пиджака и расправил плечи.

— И, стало быть, вы можете сказать, зачем они сюда приезжали?

— Зачем они приезжали?

— Да, зачем.

— Они приезжали сюда отдыхать.

— Отдыхать, — повторил я с сарказмом. — Устали, значит?

— Устали.

— Отчего же это они так устали?

— А отчего люди устают?

— Гм... люди. Ну, люди много от чего могут устать. Люди — это создания тонкие, ранимые. Им нужно время

от времени сменять обстановку и вообще... Знаете что. Давайте говорить откровенно!

— Давайте.

— Вот вам первая откровенность: по моим сведениям, граждане, отмеченные в данном списке, людьми не являются. Все они — роботы, сбежавшие из экспериментальной лаборатории.

Собеседник несколько секунд смотрел на меня.

— Вы это серьезно?

— Вполне.

Он опустил голову и снова стал читать список, словно фамилии и имена могли сказать ему что-нибудь дополнительное.

— Ну хорошо, — сказал он со вздохом, — допустим, вы правы. Но и что из этого? И при чем тут я?

— То есть как это — при чем? К вам съезжаются со всего света беглые роботы, а вы меня спрашиваете — при чем здесь вы! Это я у вас хочу спросить — что они тут делали! Зачем они к вам приезжали?

— Так вы лучше у них спросите!

— Спрошу — в свое время. А пока я спрашиваю у вас: что их сюда так манит?

— Кого?

— Роботов.

— Вы уверены?

— В чем?

— Что они роботы?

— Уверен. Но вы не ответили на вопрос.

— Какой?

— Что их сюда манит.

— Кого?

— Роботов, ваших друзей.

— Почему вы называете их моими друзьями?

— Потому что вы их выгораживаете.

— Я их выгораживаю?

— Да, выгораживаете.

— С чего вы взяли?

— Я это вижу!

— Что видите?

— Что вы не хотите признаться.

— В чем я должен признаваться?

— В преступных намерениях.

— Какие такие преступные намерения?

— Вам лучше знать.

Мир прав

- Я ничего такого не знаю.
 — Знаете.
 — Не знаю.
 — Нет, знаете!
 — Нет, не знаю.
 — Должны знать.
 — Не должен.
 — Вы подлец и мошенник!
 — Почему это я подлец?
 — И мошенник.
 — Почему я мошенник?
 — Потому что не хотите помочь следствию.
 — Так вы ведете следствие?
 — Веду.
 — И что же вы расследуете?
 — Я расследую идеологическую версию.
 — В самом деле? Забавно.
 — Ничего забавного в этом нет.
 — А мне все равно забавно.
 — Это лишь подтверждает мои слова.
 — Какие?
 — Слова о том, кто вы такой.
 — Я директор этой гостиницы.
 — А я следователь Департамента Охраны Края.
 — Спасибо, что сказали. Но я это уже знаю.
 — И я знаю.
 — Что знаете?
 — Знаю все про вас!
 — Так зачем же тогда спрашиваете?
 — Я думал, что вы захотите помочь следствию и тем самым искупить свою вину.
 — Но на мне нет никакой вины!
 — Есть.
 — Нет, нету!
 — Нет, есть!
 — Нет, нету.
 — Нет.
 — Есть.
 — Нет.
 — Есть.
 — Ну хорошо, сдаюсь. Ваша взяла. Пусть я виноват. Но что все-таки вы хотите знать?
 — Я хочу знать, что у вас здесь за организация.
 — У нас здесь гостиница.
 — Подпольная?
 — Нет, явная.
 — Но у вас ведь проходят собрания?
 — Какие собрания?
 — Ну эти самые, на которые вы все собираетесь?
 — Кто — мы все?
 — Ну вы — роботы и люди, которые им помогают.
 — Я не знаю ни про каких роботов.
 — Но вы же только что сами признались!
 — В чем я признался?
 — Вы сказали, что сдаетесь и будете говорить теперь только правду.
 — Я и говорю правду.
 — Но это же неправда!
 — Это — правда!
 — Неправда!
 — Правда!
 — Вы врете!
 — Не вру.
 — Врете.
 — Нет.
 — Да!
 — Нет.
 — Врете!
 — Послушайте, я устал.
 — От чего?
 — От вас устал.
 — И я от вас устал.
 — Вот и прекрасно. Давайте разойдемся.
 — Нет, не разойдемся. Я вас арестую!
 — Не арестуете. У вас ордера нет.
 — Будет. Я сейчас поеду к шефу местной полиции, и он мне выдаст ордер на ваш арест.
 — Не выдаст.
 — Выдаст.
 — Нет, не выдаст.
 — А я говорю: выдаст!
 — Не выдаст, потому что я ни в чем не виноват. А вы нарушаете законы.
 — Я нарушаю?
 — Да, вы нарушаете.
 — Что же я нарушил?
 — Вы пришли и запугиваете меня, грозитесь арестовать, хотя у вас нет никаких доказательств моей вины. Это противозаконно.
 — Арестовывать преступника противозаконно?
 — Я не преступник.
 — А кто же вы?
 — Не преступник.
 — Ну а кто же, а кто же?
 — Я директор гостиницы.
 — Да что вы говорите!

— Да!
— А я кто, по-вашему?
— А вы плохой следователь.
— Я плохой следователь?
— Да, вы.
— Я привлеку вас к ответственности за клевету.
— Это не клевета. Это констатация факта.
— Я хороший следователь.
— Плохой.
— Хороший.
— Плохой.
— А я говорю: хороший!
— Ну ладно, вы мне надоели. Что вам от меня надо?
— Не грубите мне. Я при исполнении.
— Ни при каком вы не при исполнении. И я вам не грублю.
— Грубите! Вы — грубиян.
— А вы никчемный следователь.
— А вы — преступник.
— Тогда арестуйте меня.
— И арестую!
— Попробуйте!
— И попробовать нечего. И не таких арестовывал.
— Никого ты не арестовывал. Свисток!
— Кто свисток?
— Ты свисток!
— Я это запомню!
— Да-да, запомни, и еще запомни, что ты плохой следователь. Гнать тебя надо в три шеи.
— Ну, это не вам решать.
— Да, к сожалению.
— Нет, к счастью.
— Я бы тебя уволил.
— А я бы вас посадил за решетку.
— Не получится.
— Почему это?
— Руки короткие.
Что тут оставалось делать? Соперник мне попался непростой, расколоть его так сразу не удалось.
Я поднялся с кресла.
— Итак, ваше последнее слово.
— Уходите отсюда.
— Вы уверены?
— Уверен. Вам следует обратиться к врачу.
— А вам — к адвокату.
— Прощайте.
— До свидания. Я еще вернусь.

— Лучше не надо.
— Нет, надо.
— Не надо.
— Я вернусь, и вам будет плохо.
— Мне будет хорошо.
— Обещаю: вам будет плохо.
— Не надейтесь.
— Будет-будет! Точно говорю...
Мы еще поспорили какое-то время, пока шли по коридору, а потом я спустился вниз и вновь увидел мраморный блестящий пол, вечнозеленые деревья в деревянных кадках и цветную мозаику на стенах. Девушки за стойкой не было, лишь журчание фонтанчика нарушало тишину. Помедлив секунду, я вышел на улицу, в спокойствие летнего дня, в жару, в сияние солнца и благоухание цветов и трав. Место, конечно, было восхитительное, даже не верилось, что здесь готовится человечеству неприятнейший сюрприз — самый настоящий заговор, натуральная революция, последствия которой не взялся бы предсказать самый смелый фантазер.

Через час я был у шефа Бюро Дознавания. Обливаясь потом, он слушал мои речи.

— У вас тут, — говорил я, в возбуждении расхаживая по комнате, — черт-те что творится!

— Что такое?

— Заговор! Заговор против людей!

— Каких людей?

— Ну против нас с вами и всех остальных.

— Против нас заговор?

— Да. И против всего человечества.

Начальник Бюро вытащил платок из кармана и вытер лицо.

— А кто же заговорщики? — спросил он, и я назвал ему гостиницу, в которой побывал.

— Вы имеете доказательства? — снова спросил он.

В этом месте я замялся. Очень хотелось сказать, что да, имею. Но на самом деле их не было, и я так и ответил:

— Доказательства скоро будут. То есть они почти уже есть, но следует кое-что уточнить, и тогда можно будет их арестовывать.

— Кого?

— Всю эту банду.

Мир пролет

— Вы имеете в виду администрацию гостиницы?

— И ее тоже.

— Когда же у вас появятся доказательства?

— Через несколько дней, — сказал я убежденно, — а пока что прошу установить круглосуточное наблюдение за данным объектом и в случае опасности принять все возможные меры.

Шеф согласно кивнул, и я кивнул тоже. Замечательно, что он так и не поинтересовался существом дела, то есть в чем конкретно состоит заговор, каковы его цели, методы борьбы и проч. Вряд ли я смог дать ясные ответы на эти вопросы, а потому я быстро распрощался и отправился в аэропорт, желая в этот же день вернуться домой.

Во время часового перелета я пытался анализировать ситуацию. Ситуация представлялась мне предельно серьезной. С одной стороны, темные силы, организованные для какой-то неясной, а следовательно подозрительной борьбы, а с другой — я, начинающий детектив, человек, вступающий в жизнь и желающий в этой жизни что-нибудь героическое совершить. И вот мне представился шанс, быть может, единственная возможность отличиться, и другой у меня уже не будет. Прежде всего, я должен четко представить себе картину. Главный вопрос: действительно ли организация роботов представляет собой опасность для человечества? (В существовании такой организации я уже не сомневался.) Зачем они убежали из лаборатории и что замышляют? Почему некоторые люди помогают им, и как это все осталось незамеченным?... Фактов у меня, конечно, не хватало, но используя свое природное воображение, я сумел к концу полета соорудить довольно целостную картину и наполнить ее действующими лицами.

На следующее утро я отправился в Департамент в самом решительном настроении. Дорогой я проговаривал про себя доклад. Доклад этот должен был поразить моего шефа в самое сердце.

— Анатолий Николаевич, — проговорил я торжественно, войдя к нему в кабинет, — мною установлены вопиющие факты, требующие немедленного расследования!

Шеф посмотрел на меня не совсем

довольно, в пальцах его была зажата ручка — он составлял какую-то бумагу.

— В чем дело, Павлов? — сказал он и вышел из-за стола.

— Заговор против человечества! — выдохнул я.

— Ну-ну, успокойтесь. Что опять стряслось? (Когда он сердился, то говорил собеседнику «вы».)

Я вдруг разволновался. Сердце забилось часто, мысли стали путаться. Видя мое состояние, шеф предложил мне садиться.

— Анатолий Николаевич, — заговорил я, присев на краешек стула, — человечество находится в опасности, в величайшей опасности, какую только можно себе представить.

— Что такое?

— Вы помните дело о погибшей лаборатории?

— Конечно, помню.

— Так вот, я установил, что часть роботов тогда не погибла, и они теперь скрываются под видом людей и ведут некую подозрительную деятельность.

— Роботы скрываются под видом людей?

— Да, я установил это.

— И что, можете представить мне такого робота?

— Могу.

— Робота, выдающего себя за человека?

— Да. И не одного.

Шеф улыбнулся.

— Вот так штука. И как же это вам удалось установить?

В ответ мне пришлось рассказать довольно длинную историю моих героических поисков, начиная со случая в самолете, когда я увидел пассажира с газетой, и кончая посещением гостиницы и подозрительным поведением ее владельца.

Шеф слушал, не перебивая, но по лицу его было видно, что он как бы удивлен и сомневается. Когда я закончил, он подумал с минуту, а потом сказал:

— Но ведь это одни предположения! У вас нет ни единого доказательства.

— А фотографии Интерпола?

— Простое совпадение.

— Да не могут лица так совпасть!

— Почему это не могут? И почему вы не допускаете, что внешность роботов

могла быть составлена по фотографиям живущих людей?

Я было открыл рот, но ничего не произнес. Подобная мысль как-то не приходила мне в голову, а между тем это вполне могло быть так.

— И потом, — продолжил он, — зачем им было ехать в какую-то там гостиницу, когда гораздо удобнее и безопаснее встречаться где-нибудь в столице среди десятков миллионов жителей?

— Все это так, — ответил я, — но примите во внимание, что это не люди и у них своя особенная логика. Они могут и должны поступать вопреки обычным правилам.

Шеф пожал плечами.

— Мне кажется, вы переутомились. И у вас... слишком богатое воображение. Я даже думаю, что вам трудно будет дальше работать у нас в Департаменте.

Мне показалось, что я ослышался.

— Что вы сказали?

— Я сказал, что вам нужно успокоиться.

— Нет, насчет моей работы в Департаменте.

Шеф поморщился. Разговор, очевидно, не нравился ему. И мне тоже.

— Предлагаю вам оставить эти глупости и заняться своими прямыми обязанностями.

— Это не глупости.

— Идите домой и хорошо подумайте.

— Я уже подумал.

— Все, идите.

Я еще хотел сказать пару слов, но пересилил себя и, поднявшись, вышел не прощаясь из кабинета. В голове у меня шумело, предметы плыли перед глазами; почти на ощупь я добрался до выхода из здания, солнце ударило мне в глаза, и я остановился, зажмурился и вздохнул всей грудью. Потряс головой и пошел вниз по каменным ступенькам. Дело принимало для меня нешуточный оборот.

Шеф оказался гадом. Странно, что я раньше этого не замечал. И в группу к Петухову он специально меня затолкал — чтобы тот меня третировал и подавлял инициативу. Хотя, надо отдать должное, он сам поручил мне это дело по лаборатории, но теперь ясно, что это была проверка, он хотел проверить — буду ли я управляем и чего следует от

меня ожидать. Надо думать, я его разочаровал. Он хотел всю эту историю потихоньку замять, а я не позволил. Вместо того, чтобы благополучно забыть ее, стал чего-то там выяснять и докопался до такого, о чем никто не должен знать. Так-так!.. Кстати вспомнился мне случай с раздавленным человеком, у которого билось сердце и которого шеф против всяких правил отправил на кремацию. А ведь вполне возможно, что этот парень был роботом! Это все объясняет — и то, что у него работало сердце — искусственное сердце, и ту поспешность, с которой от него избавились. И раз это так, то однозначно получается, что шеф мой, Рохлин Анатолий Николаевич, замешан в эту историю, что он входит в преступную организацию и действует заодно с роботами. Но тогда выходит, что дело опасней во сто крат, чем я думал, если уж они добрались до таких высот! И еще неизвестно — сколько существует роботов на самом деле, пятнадцать или сто пятьдесят, или полторы тысячи. Быть может, действует где-нибудь подпольный центр по производству роботов, и в эту самую минуту очередное производство прогрессивной технологии сходит с конвейера и готовится присоединиться к невидимой армии, борющейся неизвестно за что! Почему этого не может быть? «Это очень даже может быть, и это наверняка так и есть! — подумал я с дрожью в душе. — Ну а раз так, то я должен воспрепятствовать этому, хотя бы против меня выступала целая армия агрессивно настроенных личностей. Я их не боюсь!»

Вот в такие дебри я забрался очень скоро, считая с первых событий этой почти невероятной истории. А дальше было вот что.

После разговора с Рохлиным (или как его там?) я понял, что не должен теперь доверять никому, и опасения мои подтвердились в тот же день. Хотя возможно, кто-то скажет, что это случайность, но когда среди бела дня автомобиль вдруг срывается с проезжей части и летит по тротуару прямо на тебя — вряд ли это кому-то понравится, и вряд ли это можно оставить без внимания. Я чудом уцелел, лишь отличная реакция и незаурядная прыгучесть помогли мне избежать смер-

Мир через

ти — сумасшедшее авто промчалось в нескольких сантиметрах от меня. С этой минуты я стал предельно осторожен: ни одна мелочь не ускользала от моего внимания, улицы я переходил только на зеленый свет и обязательно в толпе, застучать меня одного в подворотне было немыслимым делом, и вообще — я ожидал нападения каждую секунду и с любой стороны.

На душе было беспокойно, и вечером я позвонил Коремблиту. Строго говоря, ему я тоже не мог полностью доверять, но приходилось идти на риск — вся моя жизнь стала теперь одним сплошным риском.

Коремблит оказался дома, и беседа наша протекала следующим образом:

— Здравствуйте! — сказал я.

— Здравствуйте.

— Как поживаете?

— Ничего. А вы?

— Плохо.

— А что такое?

Здесь я набрал в грудь побольше воздуха и выпалил единым духом:

— Юрий Иосифович, ваши худшие предположения оправдались! Человечеству грозит величайшая опасность.

Абонент немного помолчал.

— Что вы имеете в виду?

— Помните наш последний разговор?

— Помню.

— Что вы мне тогда сказали?

— В смысле?

— Ну, про роботов.

— Что сказал... Я много чего говорил.

— Но боже мой! — не выдержал я. — Вы говорили, что роботы представляют угрозу для цивилизации и что поэтому их решили уничтожить.

— Не совсем так. Я сказал и могу повторить, что роботы, над которыми мы работали (если вы их имеете в виду), действительно могли бы представить определенную угрозу для человека, но это можно сказать о любом научном открытии, потому что каждое открытие это есть шаг в неизвестное и это есть удар по сложившейся системе. И дело тут вовсе не в роботах, а в самом человеке, все зависит от того, каким образом использует он новые возможности.

— Это слишком туманно, говорите яснее!

— Но вся жизнь наша напоминает блуждание в тумане. Мы ничего не можем знать наперед, и нет ничего такого, что давало бы бесспорную выгоду и обеспечивало выигрыш. Так уж получилось, что мы живем в таком мире, который...

— Простите, — перебил я, — давайте поконкретнее. Дело слишком серьезно.

— Ну давайте, — произнес он с обидой и замолчал.

— Я хотел вам сообщить, что вы были правы, когда предполагали, что эти роботы убежали из лаборатории. Я раскрыл настоящий заговор. Они создали подпольную организацию и планируют теперь истребить все население Земли!

Сделав такое заявление, я прижал крепче трубку к уху. Из мембраны доносилось усиленное дыхание. То ли мой собеседник сильно напугался, то ли у него отнялся язык.

— Эй, — сказал я, — с вами все в порядке? Вы меня слышите?

— Да-да, слышу, — проговорил он сдавленным голосом. — Это ничего... — Он еще подышал немного, а потом продолжил: — Прежде всего, наши роботы не могут планировать никакого истребления, это просто невозможно. А когда я говорил про опасность с их стороны, то имел в виду совсем другое!

— Что же вы имели в виду?

— Я говорил о том, что роботы эти уже сейчас слишком умны. Они безоговорочно превосходят человека, они лишены многих его недостатков, они — идеал, к которому мы стремимся. При этом они быстро совершенствуются, и что же мы будем иметь через пару десятков лет? А через сто лет?

— Что мы будем иметь?

— Мы будем иметь рядом с собой существ, которые превосходят нас по всем параметрам в сотни и тысячи раз и которые благодаря своим данным смогут кардинально изменить нашу жизнь. Только вот вопрос — придется ли нам по душе подобное изменение!

— Вот-вот, и я про это говорю!

— Нет, вы говорите не про это. Вы только что заявили, что роботы планируют уничтожить человечество. А я

говорю, что они не могут этого желать. Они могут действовать только во благо человека.

— Что-то я не пойму. Вы же только сказали...

— Я сказал, что роботы очень скоро могли бы достигнуть такого уровня, который позволит им решить любую проблему, стоящую перед человечеством, начиная с чисто научных и кончая проблемами общественного устройства и управления. Вся штука в том, что идеальное — это еще не значит лучшее!

— Как это?

— Да вот так. Я и сам не до конца разобрался. Не забывайте, что мы говорим сейчас в сослагательном наклонении.

— Может, вы и говорите в сослагательном наклонении, — ответил я хладнокровно, — но я говорю вполне утвердительно: мною раскрыта подпольная организация из роботов и помогающих им людей. Надо предпринять срочные меры, иначе может случиться все. Меня уже пытались сегодня убить!

— Вас? Пытались убить?

— Да. Я чудом увернулся. Заявляю вам — это заговор!

— Не говорите чепухи.

— Это не чепуха! Мой непосредственный начальник с ними заодно.

— Хм...

— Я теперь никому не могу доверять. Я должен опасаться всех!

— Боюсь, у вас неладно с нервами. Вам нужно обратиться к врачу.

— Чтобы он меня засадил в сумасшедший дом?

— Перестаньте нести вздор.

— Это не вздор. Человечество в опасности!

— Вы в опасности. Вам нужен психиатр.

— Вы что, с ними заодно?

— С кем — с ними?

— С роботами? Они что, вас подкупили? Или запугали? За сколько вы им продались?

— Вы в своем уме? Что за дичь вы несете?

— Теперь мне все ясно, господин ученый! — проговорил я, чувствуя холодок в груди. — Вы и вам подобные придумали социально опасных роботов, а когда было принято решение об их уничтожении, вы помогли им убежать

и обосноваться на новом месте. Не знаю, что вами двигало, ученый ли инстинкт или что-то другое, но в любом случае вы совершили преступление, за которое должны понести наказание!

— Да вы рехнулись! С чего вы это все взяли? Что за ерунда?

— Это не ерунда. Я вас расколос.

— Прощайте, я кладу трубку.

— До свидания. Мы еще увидимся, в одном месте.

— Не надеюсь.

— Напрасно.

В трубке раздались гудки, и я, подержав ее еще секунду, опустил на рычаг. «Так-так! — сказал я про себя. — Дело осложняется. Никому! Теперь я не могу доверять никому».

Однако в последнем пункте я несколько ошибся, ведь была еще Энрика — девушка, которую я любил и на которую мог положиться как на самого себя. Практика ее заканчивалась, и она должна была на днях приехать — очень кстати, учитывая мое отчаянное положение.

И она приехала — через два дня — а пока что меня отстранили от дел и перестали пускать в мой рабочий кабинет. Когда я вздумал посетить «анатомку» и поговорить с патологоанатомами на интересующую меня тему, то получил то, что называется — от ворот поворот. Мне не только не дали никаких документов, но и пригрозили вызвать внутреннюю охрану и выкинуть меня «вверх тормашками»! Это было уже что-то! Я не стал спорить и благоразумно ушел. Что я мог сделать один против целой толпы?

Но вот появилась Энрика — оживленная, шумная, с улыбкой на розовом лице и походной сумкой через плечо. Она вошла в комнату и бросилась мне на шею.

— Как я соскучилась! — раздалось у меня где-то за спиной.

Я осторожно обнял ее. Пробормотал:

— Я тоже.

Мысли мои были заняты проклятыми роботами, голова полна подозрений, все вокруг казалось враждебным и ничто не радовало.

Когда процедура приветствия благополучно завершилась, мы уютно устроились на диване в большой комнате с

Мир прогов

фужерами в руках, и Энрика стала с упоением рассказывать, как прошла ее практика. Прихлебывая теплое красное вино, я слушал ее и, ухмыляясь, думал про себя: «Это еще что! Вот погоди, что я расскажу!...»

Девушка говорила долго и, казалось, вовсе не замечала моего невеселого настроения. Мне очень не хотелось портить ей праздник, но пришлось, потому что я не имел права скрыть от нее опасность, которой оба мы подвергались. Когда она замолчала, быть может, чтобы перевести дух, я взял ее руку и печально погладил.

— Энрика! — сказал я и посмотрел ей в глаза.

— Что?

— Послушай меня, что я скажу. Только не перебивай...

Девушка, улыбаясь, смотрела на меня, глаза ее лучились неземным светом. Я не знал, с чего начать.

— Энрика, пока тебя не было, произошли некоторые события. Неприятные события.

— Какие события?

— Помнишь дело, которое я вел.

Энрика не помнила.

— Я говорю про роботов, там еще лаборатория взорвалась. Я приносил домой проспект, и ты сказала, что роботы очень красивые, а люди дураки, раз хотели их уничтожить.

Девушка вдруг напряглась, фужер застыл в ее руке.

— Ну, помню, — сказала она, — и что же?

Я наклонил голову, мне показалось, что я действительно схожу с ума. Нехорошее подозрение шевельнулось где-то в глубине.

— Я накрыл их. Всю банду.

— Кого? — Энрика поставила фужер на стол и с тревогой смотрела на меня.

— Мы должны быть предельно осторожны. На мою жизнь уже покушались! Они способны на все.

— Да о ком ты говоришь?

— Ну, о роботах же, неужели ты не понимаешь?

— Роботы покушались на твою жизнь?

— Да, два дня назад. Меня чуть не сбила машина на улице, я чудом остался жив. Но дело сейчас не во мне, — по-

спешил добавить я. — В опасности находится все человечество!

Энрика все молчала, ресницы ее трепетали, из-под них смотрели на меня испуганные глаза.

— Ты понимаешь, что я говорю? — спросил я с нажимом.

— Да, — медленно кивнула она, словно боялась спугнуть меня резким движением.

Я наклонился к ней.

— Энрика, дорогая моя, ты теперь тоже должна быть предельно осторожной. Они не пощадят и тебя. Это счастье, что у меня нет родных, поэтому они не могут меня шантажировать. Но если они узнают про тебя, то они используют это, они не остановятся ни перед чем, цель для них оправдывает любые средства!

Девушка быстро подняла руку и положила ладонь мне на лоб.

— Да у тебя температура, ты весь горишь! — воскликнула она.

— При чем здесь температура? Я тебе говорю: человечество в опасности!

— У тебя жар. Тебе нужно к врачу. Ты переутомился!

— К черту врачей. Человечество надо спасти!

— Андрюша, ты болен!

— Я здоров. Враги — везде!

Энрика вдруг заплакала, и я был до того этим поражен, что не сразу нашел нужные слова.

— Дорогая моя, — заговорил я торопливо, — ты ничего не знаешь. Все мы подвергаемся ужасной опасности. Атомная бомба — ничто по сравнению с тем, что может произойти. Мы должны сплотиться, мы должны мобилизовать все свои силы на борьбу, иначе все погибнет!

Но чем активнее я успокаивал девушку, тем громче она плакала; потом она с воплем ужаса вскочила и бросилась в прихожую. Сдернула по дороге свою газовую куртку с вешалки и выскочила в коридор. Я не успел ничего предпринять и остался стоять посреди комнаты, растерянный, жалкий, брошенный всеми — один перед лицом величайшей опасности, какую только можно вообразить. Сердце мое гулко стучало, нервы требовали успокоения, и я прошел на кухню и вынул из холодильника еще одну бутылку красного вина — с некото-

рых пор я стал прибегать к алкоголю для успокоения расшалившихся нервов.

Через пятнадцать минут мне стало почти хорошо. «Итак, — обратился я к себе, — все против меня. Я один!» Подумав так, я взболтал содержимое бутылки и, запрокинув голову, сделал несколько порядочных глотков. Чем больше я пил, тем яснее казалась мне ситуация. Я ведь не так глуп, как некоторые думают. Ведь я — о-го-го! — такое могу...

Дело представлялось мне достаточно простым: когда роботы узнали о том, что их решили уничтожить вместе с лабораторией, они решили бежать. Это вполне естественно. Но совершить побег нужно было так, чтобы никто ничего не заподозрил; и поэтому был произведен взрыв, якобы уничтоживший здание вместе со всем оборудованием и с роботами. На самом деле оборудование и роботов предварительно вывезли и устроили на новом месте, рассчитывая продолжить создание новых и все более совершенных моделей. Зачем это делалось? Тоже понятно. Ведь Коремблит сказал, что по своим возможностям они приблизились к человеку, а по некоторым параметрам заметно превзошли его. Надо полагать, что они уже обладают сознанием и у них появился инстинкт самосохранения. Кроме того, они нашли множество недостатков в окружающем их мире и решили эти недостатки исправить. Главный недостаток — это сам человек и его непонятная и зачастую вредная деятельность. И роботы решили исправить то, что можно. Не знаю, может, Коремблит и прав, когда говорит, что роботы не могут замышлять дурного и объективно они действуют в интересах человека. Но нужна ли нам их помощь — вот в чем вопрос! Ведь известно, куда ведут благие намерения. Но роботов уже не остановить. Кроме прочего, они совершенствуют и самих себя, быстро и решительно выполняют работу, на которую человек со свойственной ему медлительностью потратил бы десятилетия проб и ошибок. И вот уже начинается тайное внедрение агентов в общество, на ключевые посты — людей, действующих в интересах роботов, или даже самих роботов, которых невозможно отличить от людей. Проводится массированная атака социально

значимых госучреждений, результатом которой станет полный захват власти и потеря возможности для человечества помешать хоть чему-нибудь. Пройдет каких-нибудь сто лет — и уже не человек будет царем природы и хозяином планеты, а робот сделается полновластным хозяином, который будет диктовать все и рассчитывать будущую жизнь для всех. Эра человека на Земле закончится, не достигнув и середины своего развития, прервавшись в результате действия им же вызванных из небытия сил.

Вот такие мысли посетили меня в тот вечер. Конечно, я не имел строгих доказательств для подобных заключений, но и, однако, ничто не мешало свершиться всем этим событиям; а я руководствовался достаточно простым и давно известным правилом: если существует несколько возможностей для развития ситуации, то развитие пойдет по наихудшему сценарию. И кстати, последовавшие затем события подтвердили мои опасения — уже на следующий день положение мое резко осложнилось.

Я пришел в Департамент, как обычно, в девять часов и сразу был вызван в кабинет к Рохлину. Там меня поджидали сам Рохлин и двое мужчин — как скоро выяснилось, переодетые врачи. Они вежливо поздоровались со мной и с преувеличенным вниманием стали расспрашивать о том, что меня беспокоит в последнее время, да как я сплю, не было ли у меня галлюцинаций и все в таком духе. Я сначала отнекивался, а потом понемногу втянулся и рассказал им все — это произошло после того, как Рохлина куда-то вызвали по внутренней связи и он покинул кабинет. Уж тогда-то я разошелся!

— Слушайте меня! — закричал я психиатрам (а это были психиатры — один профессор, семидесятилетний старик, а другой его помощник: такой борец-тяжеловес с мясистым лицом алкоголика). — Вы не знаете, что здесь происходит!

— Вот вы нам и расскажите, — улыбнулся старик.

— Только не считайте меня сумасшедшим, — попросил я, — ведь я же знаю, что вам сказал про меня Рохлин.

Старичок не прореагировал на по-

Мир прогов...

следнюю реплику, а продолжал улыбаться и ласково смотреть на меня. Сидит и пялится как дурак. Я ему говорю:

— Вы понимаете меня?

— Понимаю. Мы слушаем вас, говорите!

И я заговорил! Я им все рассказал — про убежавших роботов, про их подпольный центр и далеко идущие планы, а также о людях, которые им помогают в их борьбе против людей же. Речь моя была эмоциональна, но убедительна, я говорил полчаса и сказал все, что хотел, и даже больше.

— Вы верите мне? — спросил я в самом конце.

— Верим, — последовал незамедлительный ответ.

Я этому чрезвычайно обрадовался и даже придвинулся ближе к слушателям.

— Стало быть, я могу рассчитывать на вашу помощь?

— Можете, это безусловно. Мы вам поможем.

— Ура! Я очень рад. Наконец-то я встретил людей, которые мне поверили!

Оба джентльмена поднялись, и в этот момент в кабинет зашел Рохлин.

— Ну, как побеседовали? — спросил он.

— Неплохо, неплохо, — ответил старичок и, обернувшись, многозначительно подмигнул мне левым глазом. Потом посмотрел на Рохлина и продолжил: — У нас тут возникли некоторые обстоятельства, которые требуют... уточнения, но не здесь, а в другом месте, где можно будет говорить открыто и ничего не опасаясь. Мы сейчас поедем с товарищем, и тогда многое станет ясным.

— Ну что ж, — вздохнул Рохлин, — не смею вас задерживать. Целиком полагаюсь на вас!

Я тогда ничего плохого не заподозрил — поверил гаду-старичку. Мы спокойно вышли из здания и сели в обычный гражданский автомобиль.

Так я оказался в психбольнице.

Когда я понял, какого сваял дурака, доверившись коварному старику, то пришел в такое неистовство, что прибежали санитары и сделали мне укол, после чего я резко успокоился и стал ко всему равнодушен. На меня напала

сонливость, и я уснул, благополучно проспав до следующего утра.

А утром меня повели на допрос.

— Имя, фамилия, отчество? — спросил неприветливый тип в халате.

— Павлов Андрей Петрович, — ответил я.

— Год рождения?

Я назвал год.

— Перенесенные в детстве заболевания, ушибы, травмы, испуг.

Пришлось вспомнить и это.

Затем пошли вопросы о родителях, кто чем болел, какая у меня наследственная предрасположенность и прочая ерунда. Я терпеливо ответил на все вопросы, тем более что говорить особо было нечего — я был чист, как свежевыпавший снег в лесу, — наследственность у меня была отменная и никаких отклонений в детстве не наблюдалось. Я понимал сложность своего положения — меня предали все! Поэтому следовало быть предельно осторожным, положиться мне было не на кого. Думая об этом, я разговаривал с врачом и вел себя тихо. Где-то на середине беседы в помещение зашел коварный старичок, теперь он был в белом халате и в колпаке, из нагрудного кармана его выглядывали очки. Он глянул на меня, прищурившись, и весело воскликнул:

— Ну, как наши дела? Я вижу, вы чувствуете себя лучше!

Я посмотрел на него, не переставая думать о своем, и отвернулся.

— Вы что, обиделись на меня? — спросил он. — Этого не надо. Это вы зря. Я вам добра желаю.

— Вы обманули меня, — выговорил я через силу.

— Это почему же?

— Обещали разобраться во всем, а сами засадили меня в психушку.

— Во-первых, я вас никуда не засаживал. А насчет разбирательства, вот давайте теперь и поговорим — спокойно, без лишних эмоций.

— Давайте.

Старик взял стул и сел возле меня.

— Скажите, вы все еще настаиваете на своей... версии?

— Настаиваю. Скажу больше: мне открылись новые обстоятельства этого дела. Только...

— Ну-ну, говорите!

— Я не уверен, что вы тот человек, которому я могу сказать все.

— Это почему же?

— Я подозреваю, что вы с ними заодно.

— С кем?

— Ну, с роботами, которые хотят переиначить мир.

— Мир переиначить? Роботы хотят переиначить мир?

— Ну да, я же вам вчера объяснил. Вы что, забыли?

— Нет, не забыл. Но я надеялся, что, может быть, вы перестали так думать.

— Вы надеетесь, что я отступлюсь? Что я смирюсь? Что я буду равнодушно смотреть, как все это происходит?

— Да ничего не происходит! О чем вы говорите?

— Пока не происходит. Но когда начнется все, будет поздно. И тогда вы вспомните мои слова и пожалеете. А может быть, обрадуетесь. Я не знаю, может быть, вы и обрадуетесь, — проговорил я с горечью и опустил голову.

Старик несколько секунд молчал. То ли прикидывал, как получше вывернуться, то ли задумался над моими словами. Потом он шумно вздохнул и поднялся.

— Вам придется пробыть у нас какое-то время, — сказал он.

— Все ясно, — покачал я головой. — Вы тоже с ними.

— Да, я с ними, — проговорил он тихо и нагло улыбнулся.

Я обомлел. Или мне послышалось?

— Что вы сказали? — переспросил я, привстав.

— Я?

— Да, что вы сказали только что?

Старик сделал удивленное лицо.

— Я сказал, что вам придется побыть у нас некоторое время, пройти комплексное обследование...

— К черту обследование! Что вы сказали потом?

— Когда?

— Ну, после этого?

Старик смотрел на меня и делал непонимающий вид.

— Ведь вы признались, что вы тоже с ними? Ведь признались? Вот он тоже слышал, — показал я на мужика.

— Я ничего не слышал, — отрезал тот.

— Понятно. Вы все тут сговори-

лись! Круговая порука. Все мне теперь ясно.

Старик и мужик обменялись взглядами, полными тайного смысла.

— Вы больны, — сказал старик. — Вам необходимо серьезное лечение.

— Это вы все больны! — заорал я. — Уроды! Предатели! За сколько вы продались? Что они вам пообещали? Но вы пожалеете потом, вспомните мои слова, но будет поздно. Когда они захватят весь мир, вас уничтожат первых, как предателей и провокаторов, вас сотрут в порошок, вы будете гореть в аду, вам не будет прощения!..

Я кричал что-то еще, порывался куда-то бежать, что-то сделать, но куда тут убежишь? Откуда-то со всех сторон вдруг бросились на меня медбратья, заломили руки за спину, согнули в три погибели, волочили по коридору, потом привязывали к столу, помню еще, как прижимали холодные электроды к вискам, а затем — яркая вспышка, жаркий взрыв в голове, и мрак, тишина и недвижность небытия.

Так я стал сумасшедшим. Меня лечили, ко мне ходили разные специалисты и пытались как-то на меня повлиять. Они вели со мной умные беседы, смотрели в глаза и задавали хитрые вопросы. Но я упорно стоял на своем, подсмеиваясь про себя над собеседниками и делая про них разные невыгодные выводы. Меня умиляли их уверенность в себе, надутость и полная неспособность встать на точку зрения собеседника. Одно то, что они были в халатах, а я в больничной пижаме, убивало всякую возможность серьезного разговора и сводило на нет все мои попытки доказать хоть что-то.

Допускали ко мне и простых посетителей. С ними было не так грустно, но все равно тяжело, потому что они смотрели на меня слишком уж сострадательно и боялись сказать лишнее слово, чтобы не навести меня на опасную тему. Побывал у меня Рохлин, за ним — Петухов, еще пара человек из Департамента. Через день приезжала Энрика, но я встречал ее хмуро, считая, что ей не место в подобном учреждении; хотя, конечно, я был благодарен ей, что она меня не забыла и пыталась подбодрить как могла.

И никто, решительно никто мне не

Мир не знает

верил! Последнюю попытку доказать свою правоту я предпринял, когда меня неожиданно посетил Коремблит. Все-таки это был ученый, к тому же он хорошо знал проблему, и я мог надеяться, по крайней мере, что он меня выслушает. Но с ним оказалось не легче, чем с другими. Стоило мне заикнуться о роботах, как он замахал на меня руками.

— Пожалуйста, не надо об этом, и слушать не хочу!

— Но почему? — воскликнул я, пораженный подобной реакцией. — Чего вы все так боитесь?

— Врачи строго-настрого запретили мне касаться данной темы!

— Они что, боятся, что вы сообщите мне какую-нибудь информацию, которой я смогу воспользоваться?

— Никакой информации нет. Выбросьте все из головы — вот мой вам совет, — проговорил ученый.

— Так-так, — усмехнулся я, — и вы туда же.

— Не знаю, туда или не туда, но я не хочу говорить об этом.

— Понятно, — произнес я тихо, — значит, вы тоже мне не верите?

Коремблит покачал отрицательно головой и поджал губы.

— Ну что ж, я не виню вас. Я никого не виню, а только удивляюсь вашей категоричности.

— О чем вы?

— Мне странно, что вы так уверенно отвергаете то, чего не можете знать наверняка! Ведь согласитесь, что какими бы нелепыми ни выглядели мои предположения, как бы ни было это неправдоподобно — пока есть хоть один шанс из тысячи, из миллиона! — этот шанс надо рассматривать, необходимо подойти к нему со всей серьезностью, тем более что речь идет о судьбе всего человечества.

Коремблит поморщился, и я поспешно продолжил, испугавшись, что он встанет и уйдет:

— Задумайтесь над моими словами! Ведь вы ученый. Кому, как не вам, знать, сколь неожиданными бывают многие открытия и к каким необычным последствиям они приводят. И если даже открытие не сулило прямой угрозы человечеству (вроде изобретения пороха или открытия ядерного распада), то

все равно наносило сильнейший удар по общественному устройству, изменяло стиль жизни, и не всегда это происходило безболезненно и без потрясений.

— Но позвольте, при чем здесь это? — попытался остановить меня ученый.

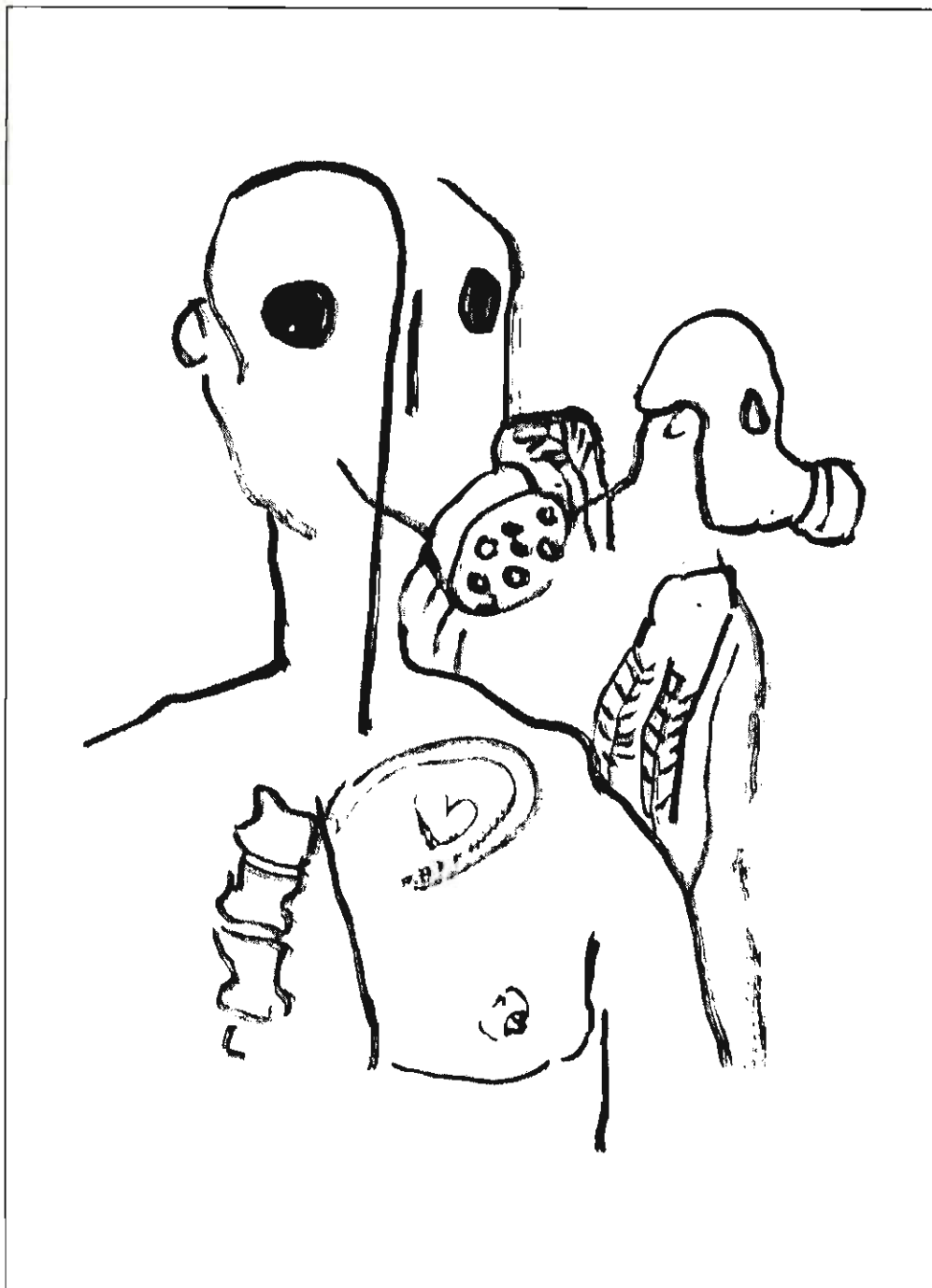
— Просто я пытаюсь навести вас на одну простую и ясную мысль, — сказал я. — Я хочу, чтобы вы задумались и не отвергали с ходу мои предположения. Пускай я сумасшедший, пусть говорю чушь. Но ответьте мне: есть у вас полная уверенность в том, что все мною сказанное ложно? Почему не могло случиться именно так, как я сказал? Почему роботы действительно не могли убежать и не организовать в какой-нибудь подпольный центр? Ведь до сих пор ни у кого нет полной ясности, почему произошел взрыв в лаборатории! Следовательно, нам неизвестна перво-причина всего, отправная точка. А не зная истоков, мы не можем уверенно говорить о последствиях. Вы подсознательно наделяете роботов человеческими качествами и ограничиваете их возможности собственной планкой. Но вы же сами говорили, что роботы уже сегодня превосходят человека по многим важнейшим параметрам, что они способны решать задачи, которые людям не по силам и никогда не будут по силам. А что же будет завтра? Когда сами роботы возьмутся за свое совершенствование? К какому результату они придут? И придутся ли по вкусу всем нам плоды их деятельности?

Коремблит все молчал, трудно было понять, о чем он думает.

— Я еще раз вам говорю: не отвергайте напрочь возможность события, если есть хоть малейший шанс, что оно может произойти. Вспомните, сколько было шансов у природы на самопроизвольное зарождение жизни на Земле? И сколь ничтожна была вероятность появления человека! Теперь представьте впереди себя вечность и подумайте — к чему могут привести направленные усилия по созданию искусственного интеллекта!

— К чему же? — усмехнулся ученый.

— Произойдут такие чудеса, о которых сегодня даже нельзя и помыслить.

А. Классен. «Дырка»

Мы своими руками создаем нечто такое, что в тысячи или в миллионы раз превзойдет нас самих. И что же тогда произойдет?

— Вы что же, выступаете против научного прогресса?

— Ни в коем случае. Выступать против научного прогресса глупо, потому что вы сами знаете — научный прогресс неостановим, ничто не в силах ему помешать. Я говорю о другом: необходима величайшая ответственность в деле продвижения вперед, ибо каждый шаг сопровождается...

— Огромным риском, — закончил за меня ученый. — Спасибо за предостережение, но где-то я уже его слышал.

— Вот именно, вы его слышали, мы все его слышали, но, как обычно, чужой опыт ничему не учит, и все мы будем учиться исключительно на своем опыте и пожинать плоды собственных ошибок. Вы готовы к этому?

— Я готов ко всему.

— Сомневаюсь. Думать так довольно самонадеянно.

В этот момент Коремблит пристально посмотрел на меня. Надо полагать, он не ожидал подобных мыслей от двадцатитрехлетнего молодого человека, который ко всем своим недостаткам еще и свихнулся.

— Не думайте, я не сумасшедший, — сказал я серьезно, — я ведь все понимаю.

— Тогда зачем вы разыгрываете комедию?

— Это не комедия. Просто я честно выполняю свой долг — пытаюсь донести до людей свои опасения. Пусть я в некоторых пунктах ошибаюсь, пусть незаслуженно обвиняю тех, кого обвинять не стоило бы, но я безусловно прав в главном.

— Что существует заговор против человечества, что роботы скоро пойдут на нас войной и сметут с лица Земли? — уточнил Коремблит.

— Не совсем. Да, я говорю: возможно, существует заговор против человечества. Но что касается войны, то это совсем необязательно. Этот этап мы уже миновали. Расставьте на ключевые посты нужных людей — и никакой войны не потребуются, все будет сделано руками обывателя. По-

тому что обыватель настолько далек от понимания истинного устройства общества и механизмов, им движущих, что ничто не мешает ему разрушить здание, над устройством которого работало бесчисленное число поколений, и никакой инстинкт самосохранения тут не поможет. Но дело может оказаться еще запутаннее, — добавил я. — Ибо я вполне допускаю, что роботы и не будут замышлять истребление людей. Но возможно, они захотят так переустроить общество, что никому не поздоровится. Действуя во благо человека (искренне так думая), они могут устроить нам ад прямо на земле, при нашей жизни. Если хотите знать, я считаю данный вариант самым вероятным.

Мы еще поговорили какое-то время, и ученый ушел. Я был доволен уже тем, что заставил его задуматься. Но и сам я задумался тоже. В конце концов, чего я добиваюсь? Кому и что пытаюсь доказать? Ведь хорошо известно, что никакие предупреждения никого и ни от чего до сих пор не спасали. Как-то так получается, что история движется сама по себе, подобно трясушей телеге, влекомой медлительной клячей, не обращающей внимания ни на какие советы и указатели и игнорирующей самый характер местности. Поворачивает она только тогда, когда упирается лбом в преграду, которую не в силах сдвинуть, или проваливается в топкую жижу, грозящую ей гибелью, — тогда она, подобно раку, пятится назад, чтобы снова двинуться куда-нибудь.

«Но что же делать? Как предостеречь людей? Когда никто не хочет меня слушать и никто и ничего не боится. А я боюсь. Один за всех. Один против всех!.. Да что я, в самом деле? Разве мне больше всех надо? Почему я должен переживать за это стадо баранов? Они бредут своею дорогой и ни за что с нее не свернут. Чего я лезу им под ноги? Чтоб меня затоптали? Кому от этого будет легче?.. Ответ известен: никому, и мне меньше других».

Проведя в клинике два месяца и проверив на себе все современные методы излечения сумасшедших, наговорившись и надумавшись вдоволь, я решил, что с меня хватит. Однажды во время утреннего обхода я сказал докто-

ру с многозначительным видом, когда он подошел к моей кровати:

— Доктор, мне кажется, что вам пора меня отпустить.

— Вот как? — нисколько не обиделся он на такое необычное предложение. — Стало быть, вы уже здоровы?

— Да, я уже вылез из и хочу домой. Сообщите мое пожелание своему руководству, проведите необходимые проверки и оформляйте меня на выписку.

— Гм... — сказал доктор и взял себя за подбородок. Это был крупный мужчина с большой головой и круглым лицом, лет ему было чуть за пятьдесят. Он особо не вникал в дела своих подопечных и, я думаю, правильно делал, поскольку настоящего психика ни за что не вылечишь, ну а тем, кто притворяется, помощь и не нужна.

— Так что, вы сообщите своему руководству? — спросил я с нажимом.

Доктор поправил очки и ответил:

— Сообщу.

А после обеда ко мне нагрянула целая делегация. Там было человек шесть — все в белоснежных халатах, все умные и с хитрыми глазами. Но я их не испугался, а решил держаться предельно просто и хорошо.

Вот они меня спрашивают: что, дескать, со мной произошло? И я им безбоязненно отвечаю:

— Ничего особенного. Просто ваши методы дали результат и я выздоровел.

— А что вы понимаете под выздоровлением? — спросили.

«А вы что понимаете?» — хотел я спросить, но удержался. А вместо этого сказал:

— Все, что я говорил вам насчет роботов и мирового заговора — это неправда. Я тут подумал и понял, что это полная ерунда, никакого заговора нет, это у меня просто помутнение было.

Врачи все разом пошевелились, как будто недовольные такими речами, и один мне и говорит:

— То есть как вас понимать? Выходит, что вы нас сознательно обманывали? Или вы действительно думали, что заговор есть, и лишь теперь поняли свою ошибку?

Я почувствовал в этом вопросе подвох и насторожился. В самом деле, как

мне следовало ответить? С этими ребятами ухо надо держать востро!

Я постарался расслабиться и заговорил так, словно бы рассуждал вслух.

— Видите ли, — проговорил я, двигая шейю, — вы с самого начала неправильно меня поняли. Все, что я говорил насчет роботов, я говорил предположительно! Понимаете? Я лишь хотел привлечь внимание на возможность некоторых событий и пытался прогнозировать их продолжение.

— Но как же, ведь вы прямо утверждали, что замышляется заговор, что кругом враги и жизнь всех нас в опасности!

— Я говорил предположительно! — повторяю еще раз. А излишнюю горячность могу объяснить своей... молодостью. Да! Я молод и неопытен, и отсюда все мои несчастья. — Я сделал огорченную мину и сокрушенно покачал головой.

Но доктора смотрели на меня недоверчиво, словно ожидая какой-нибудь новой пакости. Я это заметил и говорю им прямым текстом:

— Чего же вам еще от меня надо? Я повинился, признал свои ошибки, веду себя тихо, чего вы ждете от меня?

— А где гарантия, что вы снова нас не обманываете?

— Такой гарантии нет. Но рассудите сами: если я способен на такой обман, если могу составлять в голове подобные комбинации и заранее рассчитывать вашу реакцию, то какой же я сумасшедший после этого? Меня можно обвинить в чем угодно, но только не в сумасшествии. В противном случае окажется, что сумасшедшие умнее здоровых, а это, сами понимаете, нонсенс.

Врачи во все глаза смотрели на меня, будто впервые увидели. Можно было подумать, что я сказал им что-нибудь необыкновенное.

— Ну так что, отпускаете вы меня или нет? — спросил я.

— Мы должны посоветоваться, — был ответ.

— Ну что ж, советуйтесь, только побыстрее, — сказал я, и делегация удалилась.

А через три дня я выходил их решетчатых больничных ворот. Осень

Мир уродов

наступила, днем уже было прохладно, а ночью просто холодно; деревья пожелтели и готовились сбросить на землю листву. В природе наступило успокоение, воздух стал прозрачнее, небо выцвело и потеряло сочность и густоту. Я шел по тротуару и вдыхал вечернюю прохладу; мимо проносились с шуршанием автомобили, урчали двухэтажные автобусы и просто шли люди — ничего не подозревающие граждане Земли. Каждый спешил к себе домой, и никому в голову не могло прийти, как скоро все это может кончиться — эти урчащие автобусы, это шуршание машин и это ежедневное возвращение домой, в лоно семьи.

Мир так непрочен. Так мало нужно для того, чтобы покачнуть эту пирамиду, нарушить тончайший баланс, сме-

стить равновесие. И тогда все рухнет. Не останется ничего.

Это вполне может быть! Возможно, что я не прав. Быть может на самом деле у меня навязчивая идея. Но я не сумасшедший! Я — осторожный, я — бдительный, я — охраняю невидимую границу благополучия Земли. Пусть я сегодня один, но завтра нас будет много, мы объединимся в звенья, в отряды, мы создадим боевую организацию — ничто нас не остановит! В конце концов, право выбора путей развития человечества может принадлежать любому, надо только суметь его взять!

Спрашивается: почему не я?

Дойдя до перекрестка, я повернул направо и углубился в оживленные кварталы, в суету жизни и в самую гущу никогда не прекращающейся борьбы.

Алексей Рудевич

Родился в 1985 г. в г. Иркутске. Окончил среднюю школу № 62. Сейчас учится на 2 курсе филологического факультета ИГУ. Увлечен парусным спортом. Автор многочисленных поэтических и прозаических произведений. В прошлом году вышел его «самиздатский» сборник «Пыль», венчающий, как считает сам автор, первый этап «недозрелого творчества». Живет в Иркутске.

БЮРОКРАТИЯ

Черную чернил
 Плюются
 Ручки больших воротил.
Кровоточат перья учителей,
 Заполняя ведомости
 Непослушных детей.
Способна исцелить
 Убить,
 Погубить,
 Заживить
Подпись одна на полоске листа,
 Шершавого папируса.
До абсурда порой доходит.
 Страшно. Смешно.
 Бумага стала совестью,
 Без нее ты не вправе
 Родиться, жить и умереть.
 Больно и грустно на это смотреть!
Не верят
 в слово
 нынче...
— Подпись! Нет?! Иди! Свободен!
 Будет подпись, приходи...
— Получил? А где печать? Без печати — уходи!..
Так и ходишь по термитнику
 Кабинетов
 С лысыми дядями.

Ради ручки плевка, ради штампа.
 Без штампа — лампа не вправе гореть!
 Без печати никто не может умереть!..

— Примите рифму, товарищ редактор.
 — Рекомендовал кто?
 — Иван Иванович Пихто.
 — Знаю его. Где росчерк его?
 — Иванович Пихто.
 — Знаю его. Где росчерк его?
 — Не взял, извиняюсь, поверьте мне так.
 — Иди-ка, сынок! Словам сейчас верит только дурак!

* * *

Кровью исписан весь лист!
 На нем мои страдания о
 Жизни.

 Прносящейся мимо меня
 свои худые мощи!
 К черту!!!
 Опять я зря залил
 Весь лист своей слезой!
 А мог бы
 Сделать самолетик и отправить его в
 Небо,
 чистотой и грозой поражающее
 Всю мою грешную суть.
 Но не примет
 ОН мою плаксивую экспрессию.
 А жаль...

НАЧАЛО

нелепо и смешно
 родилось на свет оно
 Слово
 было белым-бело
 пусто
 по-весеннему сыро
 когда вечность рождала
 в яйце
 его самого
 еще мокрого и слепого

* * *

Чую, знаю и боюсь,
Захлебнусь я, задохнусь
Словами сказанными.
Ну и пусть! Жизнь не
Встанет, только канет в
Никуда судьба моя,
Заржавевшая от кори,
Боли и задора!
Поднимусь туда. Привет,
Скажу небу, Богу.
Но заштопаю душу и
Отправлюсь в дорогу,
Нацепив на спину рюкзак
С хламом жизни прожитой,
Пропитой не мной.
Не надсадиться бы этим
Грузом, не сломать бы хребет.
Заведен давно уж брегет,
Отчитает положенное,
И сломается о край моей
Судьбы. И НЕТ НИЧЕГО!!!

НОВЫЙ ГЕРОЙ

Новый герой. Человек — точка,
Человек без лица, без идеи, без «Я»,
Неосознанный плод, перезревшая почка,
Выпавший из потока сознания.

Он никак не рождался, нигде не живет,
Ни в кого не влюблялся, никогда не умрет,
Он — ничто и он — все, в этом вся его суть.

Между двумя точками
В пространстве
Один только путь.

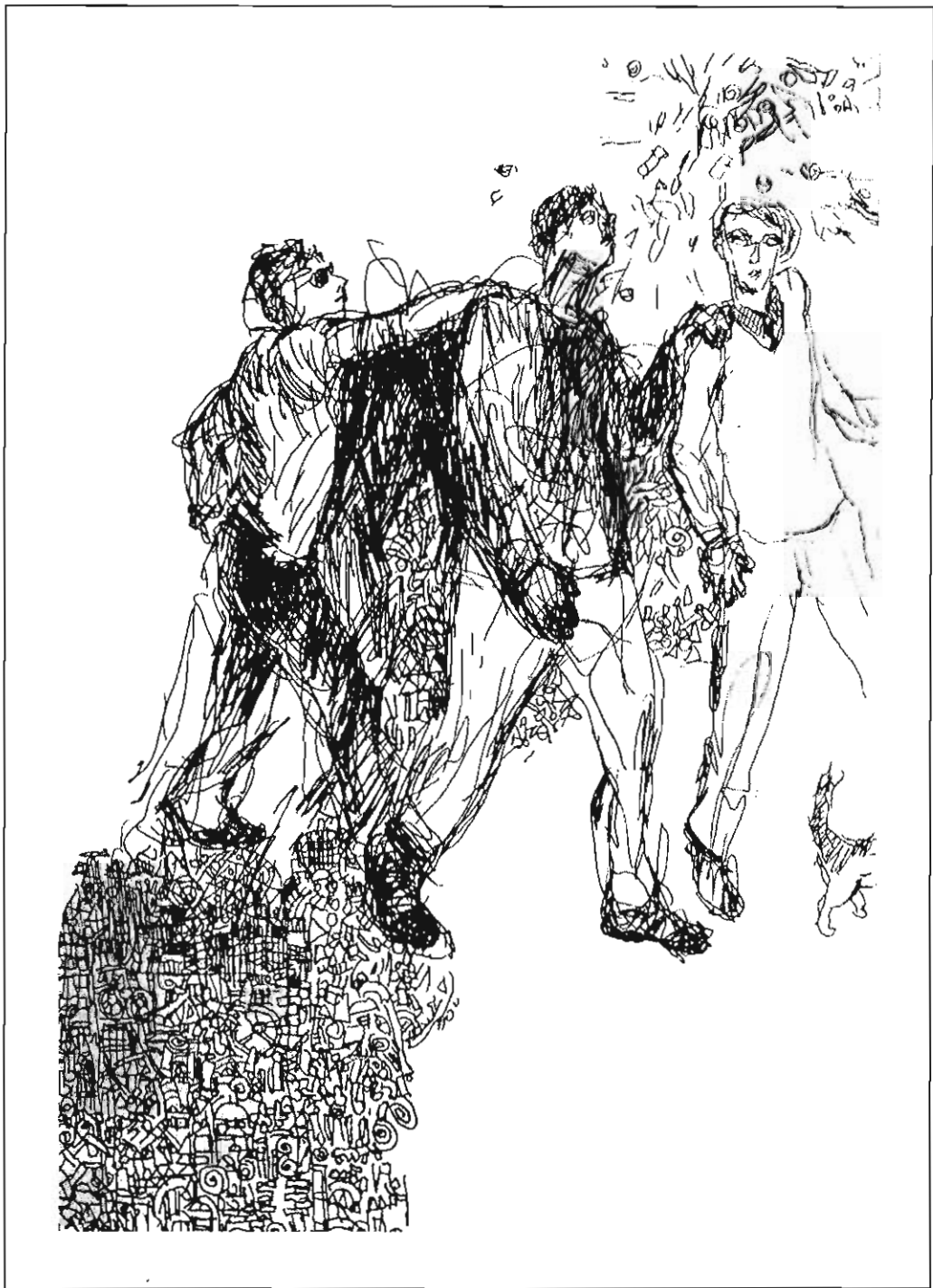
* * *

На Эверест бы мне залезть
Залезть, а не взойти.
Восходят пусть другие,
Мне же лезть — лезть, лезть.

.....
И не залезть.

.....
Упасть.

.....

А. Классен. «Три слепых музыканта»

А альпинисты мерзнут, бедолаги,
Там наверху,
А я лежу
Лежу внизу

.....
Курю...
И в легкие несутся мириады
Мертвых лошадей.
Затяжка глубже —
Дохнет слон во мне
От бочки никотина.
А я лежу.
Лежу,
Курю.

.....
А альпинисты уж спускаются
Ко мне
И руки тянут...
На них халаты,
А в руках шприцы.
Берут мою ладонь и помогают мне идти,
Идти, чтобы взойти,
Взойти на Эверест.

* * *

Нелепый синтаксис
Последнего письма.
Барьерная, лихая
Запятая,
Тире, прицеленное острием в —
Извне,
Строка, намеренно кривая.
Весь оттиск жизни
На смертном отпечатанный одре,
Такой оставил след
Он,
Умирая,
Итожно и надломлено
Дыша.

ONE WAY TICKET

Испепеляя мыслей ровных строй
Глумливыми потугами сомнений
Я якая и своею личною душой,
Вступаю в сферы призрачных видений.
Мне видится, что Север жизни —
Не за горизонтом

Умме

И станет холодно и страшно здесь,
 Что жить нам станет очень уж непросто
 И что разъест мои мозги шизофреническая спесь...
 Сошел с ума я, в принципе, недавно,
 Но сколько сладостных мгновений
 в безумье и зауми
 Душевной пустоты.

АДЬЕ!

Когда Тесей унизил Минотавра
 И снес ему рогатую главу,
 Когда Добрыня шастал по Поволжью,
 Ломая о татар поганых булаву.
 И царь Кощей пока над золотом чахнул,
 А Пушкину А. С. стреляли в грудь,
 Когда Буслаев чарку водки бахнул,
 Отправившись в священный путь.
 В тот миг, когда убили Гришку,
 В реке топили и травили мышьяком,
 Когда сапер откупоривал крышку
 Гранаты, разорвавшей его дом.
 От взрыва умерли его родные,
 Вся мебель приняла печальный цвет,
 Соседи, маразматики больные,
 Несли со страху несусветный бред.
 Что, мол, при коммунизме лучше было,
 И Сталин бы не дал соседей их взорвать,
 Что, мол, дешевле было раньше мыло...
 (под рифму надо было что-то подобрать).
 Но что-то отошел от общей темы,
 Так вот когда Сережа дунканил,
 Когда кому-то шарф на обод намотало
 А Блок про Куликово поле пел.
 Когда размазал мозг по стенке Маяковский,
 Кобейн несмело прострелил гортань,
 Когда тонула Янка по-офельски,
 А. Башлачев шагнул в пугающую даль.
 Я слышал, как хрипел в петле Есенин,
 Как Гаршин чрез перила сделал шаг,
 Как умирал в постели мертвый Ленин,
 Как женщин в Лондоне гнобил маньяк.
 Сижусь и наблюдаю через призму жизни
 За всем, что умерло и родилось во мне.
 Я помню гильотины, харакири, казни,
 Все то, что, погибая, начинается в войне.
 Война и смерть рожают новые основы,
 Убили Александра — Михаил пришел,
 И засияло солнце-кровь над миром новым,
 Как только я с земли этой ушел.

Ушел, махнул рукой: «Адье вам, человече!
Живите и рожайте без меня,
А я буду болтаться в жизни вечной,
Себя за шалости наземные коря...»

ПОМНИ...

Посвящаю Ей

Помнишь ли Ты этот алый закат
Над лиловой водой,
Что украсил бы опытным
Штрихом шедевр любого,
Даже самого убогого
Или Богом любимого Ван Гога?

Вспомни все бессонные,
Бесконечные, полные
Нежной завидной страстью,
Ночи под диском подруги луны
Что подглядывала в сквозняки
Между созвездиями Девы и Волопаса
За двумя, обреченными общим чувством,
А под утром краснела с наивностью
Невинной девицы и обращалась
Солнцем.

А помнишь рассвет, обрубающий
Шею ночи? Рассвет,
проливший на землю
И воду девичью жидкую кровь?

Вспомни же, помни и сохрани!
Пусть эти вехи шагающей жизни
Запечатлятся на сердце твоём.
Потому что я — все забыл, вырезал
Скальпелем эти минуты,
Сбросил в кювет подсознательной
Тьмы...
Помни... Я дарю это время Тебе
Прими же, прими и храни!

Галерея

Андрей Классен

Родился в г. Иркутске. В 2001 г. поступил на живописно-педагогическое отделение Иркутского художественного училища. Участник многочисленных выставок, в том числе: ежегодной студенческой выставки «Татьянин день», персональной выставки «Цветы на голове» и «Темная комната», II традиционной выставки молодежного объединения СХР «Дорогами творчества», дипломант конференции «Молодость. Творчество. Современность». Летом 2004 г. примет участие в выставке «Биеннале-графика» в Санкт-Петербурге.

ЕСТЬ ТАКОЙ ХУДОЖНИК

«В искусстве главное истина, а не искренность», эти слова принадлежат известному русскому авангардисту XX века Казимиру Малевичу. Но речь пойдет не о великом русском художнике. Мне хочется поведать о творчестве простого студента Иркутского художественного училища Андрея Классена, который, несмотря на юный возраст, уже избрал для себя путь художника. Общаясь с Андреем, понимаешь, насколько для него важно быть именно искренним по отношению к себе, к своему творчеству, к друзьям и зрителям. «БЫТЬ ИСКРЕННИМ» — это его девиз, это та цель, к которой он стремится, приступая к каждой работе.

Стоп. Пред нами два понятия «истина» и «искренность». Задумывались ли Вы над этими словами, терминами, тождественны ли они или это два взаимно противоположных явления. Соглашусь с тем, что каждый интерпретирует их по-своему, но все же обратимся к простому словарю. Обнаружилось, что понятие «истина» имеет целых три значения: во-первых, в философии истина — это адекватное отображение в сознании воспринимающего того, что существует объективно (не слишком ли сложно?). Во-вторых, истина — это правда. В-третьих, истина — это суждение, утверждение, проверенное практикой, опытом. Следовательно, тот художник, для которого «истина» стоит на первом месте, тщательно продумывает логический ход своих действий, создавая значительные теоретические выкладки по поводу своего творчества и искусства в целом. Теперь необходимо прояснить понятие «искренность». «Искренность» — это существительное от слова «искренний». В свою очередь «искренний» — это тот, кто выражает подлинные чувства, правдивый, откровенный. Для искреннего художника более важна интуиция, которой он доверяется полностью. Кто-то скажет: «Не слишком ли рискованно всегда доверять своему сердцу?». Поверьте на слово, с чувством интуиции стоит считаться, оно редко обманывает. Мы не будем спорить с великим авангардистом и оставим в покое понятие «истина». Поговорим лучше об искреннем, интуитивном творчестве Андрея Классена.

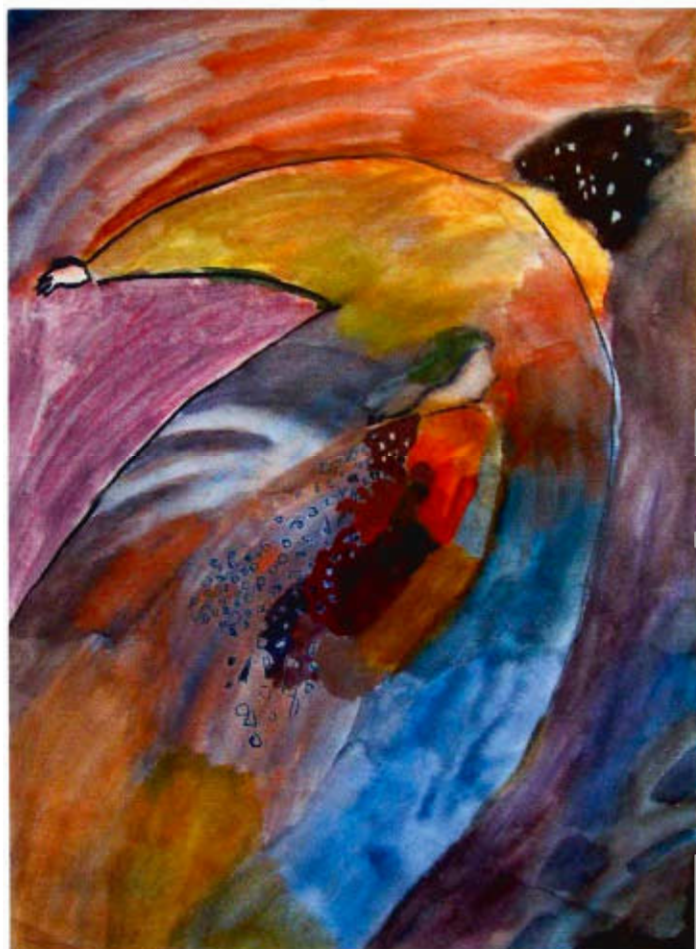
Андрей Классен. «Смерть канатного плясуна»

Андрей Классен. «Инструмент»

Андрей Классен. «Комната»

Андрей Классен. «Полеты во сне»

Андрея рано потянуло к творчеству. Окончив общеобразовательную школу, он твердо решил поступить в художественное училище, что собственно и произошло в 2001 году. Училище многое дает молодому художнику. Раньше среди его работ преобладали графические рисунки, слабые по композиции, без использования цвета и цветовых отношений, сейчас Андрей смело и грамотно использует все выразительные средства. Но в свободное от выполнения академических рисунков время молодой художник создает картины, которые говорят о его внутреннем мире, об отношении к окружающему.

Работы Андрея наивны и непосредственны, чем и располагают зрителя к себе. Он никогда не делает подготовительных рисунков и, выбрав для себя одну из самых сложных техник — графику, сразу приступает к работе. Такой подход можно назвать — творческий процесс на подсознательном уровне. Когда юный художник видит перед собой абсолютно чистый лист, он не продумывает тему и не может сказать, что получится в конечном результате. Начиная рисовать с одной маленькой точки, художник минует цепь доказательств и приходит прямо к выводу, то есть к завершеному произведению. С этого времени изображение на картине начинает жить своей жизнью, не зависимо от окружения.

Всею душой, искренно любя театр, Андрей интуитивно наделяет своих персонажей какими-то чертами характера. В итоге, смотря на законченную работу, зритель видит не просто изображение с заложенным в нем смыслом, а просматривает целый спектакль или небольшой этюд («Конферансье», 2003 г.). Он ощущает то, что хотел передать, сказать своей работой художник.

Молодым художникам свойственно находиться в постоянном поиске и подвергаться различным влияниям, Андрей не является исключением. Главное, чтобы влияние других не поглотило полностью творческую личность. Он умело использует достижения других художников. Некоторые его работы («Лодки», 2003 г.) напоминают японскую графику, где основными выразительными средствами являются пятно и линия. Часто можно заметить, что художник не покрывает всю плоскость, что создает впечатление бесконечного пространства. И в этом мы можем увидеть влияние японского искусства, где не покрытые рисунком места тоже являются частью композиции.

Значительна и интересна серия графических работ художника «Арлекины», которая была создана под непосредственным влиянием театра и живописи Пикассо. В этой серии Андрей умело использует цвет, композицию и окружающее пространство. Чтобы подчеркнуть характер изображаемого, сделать образ более выразительным, художник прибегает к искажению фигур, намеренно удлиняя силуэт, что придает некую гротескность. Приступая к работе, художнику хочется показать то, что его окружает. Андрей пропускает через себя увиденное и через призму своего взгляда передает это в картине. Он не намерен останавливаться на достигнутом, следуя правилу его любимого художника Пабло Пикассо, который утверждал, что «художник не ищет, а находит».

Сейчас Андрей продолжает учебу на живописно-педагогическом отделении Иркутского художественного училища, участвует в выставках. Он живет, любит то, что его окружает. С нетерпением ждет 2015 года, а что произойдет тогда, знает только он сам, но никому не скажет. Пожелаем ему находиться в дружественных отношениях со своей интуицией, пока она его не подводила.

Ольга Ращенко

Галерея

Елена Сафронова

г. Москва

МЕЖДАННЫЕ ХЛОПОТЫ

1.

То не солнышко ясное закатилось за тучи октябрьские сизые, то мне дядя Степа мыльный тазик на срочную доработку вернул.

Дядя Степа — это не добрый милиционер, а мыльный тазик — это не стиральные помои. Они, соответственно, означают в моей жизни главного редактора Степана Васильича и мелодраматические истории, где любовь, морковь, злая свекровь, которые я ваяю в каждый номер еженедельника. Очень хорошо у одинокой бабы с хронической эрозией личной жизни получается, гладко и складно, по законам жанра. Но сегодня, каюсь, промашку дала, не учла рабоче-крестьянское происхождение дяди Степы, написала поэзу о студенческом чувстве, и дядя Степа мне ее вернул, «богемой» громогласно обозвав. Не поняла я, кого — меня или героев. И прибавил:

— Ты пиши так, как прошлый раз, чтоб наборщицы плакали...

Прошлый раз — то есть летом. Красивая, верно, получилась, и слезная сказка, как они любили друг друга, а потом он с головой в Интернет ушел и выцепил там себе красотку с порносайта. Типа, фотомодель. И сказал: «Надоела мне моя Матрена!»

Дядя Степа, противу моих тогдашних опасений, оценил:

— Актуально! А то, черт их, лезут все молодые в компьютер — вот пусть почитают!

А наборщица Зинаида Ивановна носом шмыгала и корвалол пила:

— Как у тебя, Наденька, все жизненно получилось!..

Еще бы не жизненно — всерьез вены вскрыть хотела. Фотомодель — это выдумка, конечно, упрощение. Было круче.

Самым душещипательным моментом показался сентиментальной Зинаиде Ивановне долгий поцелуй на вечерней автостраде в лучах проносящихся по касательной фар. С него начиналась мыльная жвачка.

Ну что ж, надо студентов заменить на пэтэушников, а плохой финал на хороший, тогда дядя Степа расплывется в улыбке, а Зинаида Ивановна — в слезах. Вот только закурю, а то вовсе без сигареты не работается...

— Здравствуй...

Что за чудо природы материализовалось в моем кабинете? На вид несовершеннолетнее, кроссовки 40-го размера, само — 34-го, прическа вся из челки состоит. Ну его (или ее?) в болото, я кислотной молодежью не занимаюсь. Поди, будет на очередную тусовку каких-нибудь «Пауков» или «Сверчков» звать.

— А кто тут Степнова?

— Я. Проходите. Присаживайтесь, слушаю вас...

Незадача какая — одна в кабинете, все прочие журики в разъездах.

— Это... я с вами лично поговорить хочу.

— Вот как? Я готова. Только не могли бы вы объяснить, почему именно я нужна вам?

У посетителя (или — льницы, елки-палки?) на лице написано: «Чаво?» Я опять слишком изысканно разговариваю с народом — вслух. Про себя выражаюсь гораздо понятнее: «Черти тебя принесли!»

— Ну... я спросила, где тут Павлова сидит, а мне говорят — это Степнова. Ну... я и пошла к вам.

«Спросила» — значит, она. Но, между прочим, кто это мой псевдоним с полпинка раскрывает?

— А кто сказал, что Павлова — это я?

— А... там морж на лестнице курил.

Экая наблюдательная! Дядя Степа в усах и с зальсиной, низенький и мешковатый — и вправду вылитый морж. И закон о печати, пункт о раскрытии псевдонимов только по суду, ему не писан.

— Итак, что вы хотели мне сообщить?

— Это...

Ну, ясно, не то. В смысле, ничего умного.

— Курить можно?

— Можно. Но вредно.

Она меня раздражает. Рожай скорей, девочка, свое приглашение на стрелку, и я запущу мыловарню! Так нет — закуривает долго и нудно.

— Ты Пашку давно видела?

Кто это меня спросил? И о чем?

Эта странная визитерша в тертых джинсах с художественной бахромой, в майке с эффектом вечной мятости под брезентовкой, с чубом до сигареты. Она перешла на «ты» и назвала Пашку. Как понять? Морда лица у меня тренированная (научилась за 30 лет!).

— Во-первых, мы с вами, юная леди, на брудершафт не пили, а во-вторых, какого именно Пашку вы имеете в виду?

А когда я волнуюсь, у меня болит желудок. Вот, пожалуйста — сдавило, как лапой в резиновой перчатке, и перчатка прилипла.

— Ну... сама знаешь. Дзюбина. Ты про «ты», что ли, обиделась? Это... ну... мы ж с тобой как бы заочно знакомы.

Современный брудершафт — это знакомство через одну и ту же постель. Конечно, я сразу догадалась, о ком речь. И можно ли было не догадаться? Если восемь минут назад чуть не разревелась. Если десять минут назад дядя Степа похвалил мелодраму с главным героем — фанатом Интернета. Если с утра я как раз злобно подумала: ну и где ты теперь, паразит, дегустируешь вкус жизни? — а сама подавилась поганым кофе от обиды на жизнь... или на означенного мужика?

— Пусть так — мы с тобой заочно знакомы. Хотя... каким образом ты меня нашла?

— А... это... он говорил про тебя. Типа, он в тебе сильно завяз. Хвастался. А потом я вашу газету прочитала. Твою статью.

Дым от ее сигареты перед глазами. Не дым, а серо-сиреневые летние сумерки.

Краснодарский край. С неба хлопьями падает темнота. Эстакада моста — проезжая часть, тротуар, гранитный парапет в полроста. Мы обнялись и присосались друг к другу. Мимо с воем — скорость запредельная — машины. Я сквозь закрытые веки ловлю череду вспышек во мраке — как след трассирующей пули. Угловатым комом на нас катит жуткий музон, и чья-то луженая глотка орет, не жалея связок: «Так держать!»

Другие левые возгласы: «Во дают!», «Раз, два, три, четыре!», «А со мной слабо?» «Пашка, а если им тоже захочется?» «Их проблемы. Тебя я у кого угодно отобью!»

И чего я так распереживалась? Даже не единственный мой красивый роман. Кто бы только объяснил, почему мои чарующие «лав стори» кончаются всегда уродливо?

Мир чужой

— Это... а куда бычок деть?

Уборщица опять выбросила пепельницу — неприлично распертую окурками кофейную банку, и в другое время я бы ее обругала, а сегодня мне это на руку. Тяну ладонь, не поворачивая лица, хватаю бычок — и в окно его! Вместе с моим волнением. Лишнюю секунду девка не видит моих глаз... а сейчас я уже могу на нее посмотреть.

— Я, знаешь ли, рада, что мой... наш Пашка про меня тебе говорил. Но мне-то про тебя рассказать было некому.

— Чего?

Господи, ну и дура! Ученица школы для умственно отсталых детей!

— Зовут-то тебя как? Ты вообще кто?

— Я? Дашка.

Пашка — Дашка, надо же...

— Учишься? Работаеть?

— Не. Хипую. В Москве.

— А что, за это платят?

— Чего?

Даже если бы я возжелала подарить дяде Степе репортаж про новых хиппи, у меня бы ни фи́га не вышло. Яркая особь их популяции двух слов связать не может.

— Живешь на что, говорю?

— А-а... Так. Когда пою в переходах. Когда на общак. Раньше черепа подбрасывали.

— Черепа в Москве? — это, чтоб вы не пугались, «родители» значит.

— Отец. Мать тут. Сестра.

Думала еще спросить, много ли можно напеть таким вялым невыразительным голосом... да ну ее на хрен! Не прикалывает меня жизнь хиппи! А вот Пашка относился к ним с пиететом. Особенно, говорил, в юности. Да и сейчас, вижу, не остыл интерес к экзотике.

— Ну и зачем ты меня искала — специально, поди, из Москвы приехала?

— Ага. Это...

У хиппарей есть свой особый язык. Какой-то квакающий. Они на нем шпарят ну очень бойко, а слова лохов забывают. Дашка все время словарик в голове листает.

— Ну, я, короче, к тебе — а то к кому еще?

— Смотря зачем.

— А я беременная.

На мой хохот Зинаида Ивановна из коридора заглянула. Нет, лучше пойдем мы с этой дурехой во двор — там спокойнее.

— Я тебе что — женская консультация? — спрашиваю, усадив Дашку на кроватую со вчерашнего дождя лавку и плюхнувшись рядом своими кожаными штанами.

— А я от Пашки беременная.

— И все-таки я не акушер-гинеколог.

— Чего?

— ...Деда моего! Ты другие слова какие-нибудь знаешь?!

От моей ярости скамейка ходуном заходила. А она — тормоз тормозом — смотрит сквозь лохмы.

— Закурить дай.

— Тебе вредно... мать-героиня.

Но даю — подавись!

Откуда ей знать, что самая жгучая язва моей жизни — дети, которых у меня нет... или мужики, которые не хотят, чтобы дети у меня были? Дашке на мои годы смотреть снизу, задирая подбородок, и не высмотреть ни фи́га. Кстати, о возрасте...

— Тебе лет сколько?

— Восемнадцать.

Совершеннолетняя, значит. Не светит Пашке статья. Хотя какая там статья у хиппи...

— Знаешь что, Даша, — говорю, — у меня твоя... наш Пашка восемнадцатым номером записан, и после него еще десяток, — вру, конечно. — И хотя мы с ним классно провели время, это время кончилось почти полгода назад, в июне, въезжаешь? Так что чем я могу тебе помочь, при условии, что не принимаю роды и не выписываю колеса, ума не приложу. Направление на аборт — тоже не ко мне...

— Не... мне не аборт. Это вообще нельзя. Не по природе. И колеса не нужны. Пока есть, а заламает — знаю, где взять.

— Господи, кого же ты родишь?!

— Кого по природе положено.

Удушила бы за такое хладнокровие! А может, я просто к ней ревную?

— Я пошла, Даша, приятно было познакомиться, но меня работа ждет.

— Не, погоди. Это... я тебе главного не сказала... Хочешь, я тебе своего ребенка отдам?

Не судьба мне оказалось со скамейки встать — коленки задрожали, как отбойные молотки. Рука сама в карман за сигаретой нырнула.

— Я... это... уже решила. Пашка говорил, ты детей хочешь, а они у тебя не родятся. Может, природа против. А мне ребенка куда? Пашка дальше уехал. — Облегчением от этой новости ошпарило. Я точно ревную.

— В Читу, к буддистам. Сказал: «Вкус московской жизни за десять лет не изменился. Я опять, как в студенчестве, соскучился. С тобой стало пресно». — Может, я и сомневалась в правдивости Дашки, может, подсознанием перебирала знакомых — какая сволочь приготовила такой занимательный розыгрыш, — но услышала эту цитату... Пашка, из неопубликованного... короче, она не врет ни грамма. Это его фраза. Наивной хиппачке такую не сконструировать. Моим недоброжелателям неоткуда почерпнуть Пашкин лексикон. «С каждым, в принципе расчудесным человеком может стать пресно! Даже с самым-самым-самым сказочным, например, как ты, заяц». Нашел зайца, — фыркала я, — нам с тобой под четвертый десяток. Фыркала, чтобы не выдать потайного: похоже, снова здорово шарик рулетки мимо моей ставки! Очередной мужик, которого я питаю своей энергией, уйдет, счастливый, мнящий себя настоящим меном. Так и вышло...

Опять отвлеклась.

— Видишь ли, Даша, если бы я могла позволить себе роскошь иметь ребенка, я бы родила сама. Но образ жизни мой таков, что я не вправе этого делать, потому что мы в ответе за тех, кого приручили. Пока я одна, у меня не будет детей от случайного на пути человека. Я не понимаю, когда говорят: «Завести ребенка пора!» Стрость — плохой советчик. Не хочу, чтобы мой ребенок не знал отца, чтобы ему отмерена была лишь половина по природе положенной любви. Это негуманно.

— Чего — от случайного? Не от случайного, а от Пашки.

— Да сам-то Пашка где? Не вынуждай меня на рифму...

— Неправда все. По природе женщина должна иметь детей. И мужчина тоже. Тебе он особенно нужен.

— А тебе, выходит, нет, раз хочешь отказаться.

— Не отказаться. Тебе отдать. Он же Пашкин. Ты его любить будешь, как Пашку. Я... это... статью читала...

— Ты уже говорила.

— Чего ты врешь про восемнадцатый номер? У вас любовь была. Он тебя тоже... ну... это... просто он такой, на месте не умеет сидеть. Ты на него не злилась. Если, конечно, тебе бэбик совсем не нужен, ну, я... это... разберусь как-нибудь. А только я это... Ну, решила. Типа, ты девчонка клевая должна быть. А я, прикинь, с бэбиком в переходе? Мать говорит, из дома поперет. Уже поперла. А Пашка, он... это... он не знает ничего. Он вообще легкий.

— Легкий. Работа ему везде найдется, где есть компьютеры. В Чите тоже. Больше всего он любит вкус жизни. Мне бы такую жажду — а то кисну по месту прописки.

Мир природы

— Срок маленький, два месяца. Пашки уже полтора месяца нет. И не будет. Я хотела к матери, а она все время говорит: типа, нагуляешь — погоню, от людей стыдно. А ты... это... подумай... Ты девчонка клевая, конкретно...

— Тебе денег дать?

— Ну... это... разве на билет. В Москву поеду. — Сую ей, не считая — лишь бы ушла.

— Даша... ты лучше больше не приходи. Мне жаль тебя и твоего ребенка, но... с тобой, наверное, ему будет лучше... у меня работа не для семейной жизни... Я сама легкая, не хуже Пашки... Вдруг ты с матерью помиришься? Вернешься домой? Я бы тебе советовала. Ведь по природе у всякой живой твари должен быть свой угол...

— Не, мне... это... у матери делать нечего. У нас колония в Москве. Надо жить там, где тебя понимают. А черепа никого из наших не понимают. Ну и фак их... Ты мне лучше нравишься, чем мать. Че, тебе пора? Ну, бай-бай.

Мало того, что в курсе наших с Дашкой гинекологических дел весь редакционный двор — разговор-то шел на повышенных тонах, — так еще в лестничном окне, у какого курят только самые законопослушные сотрудники редакции, топорщатся злые усы дяди Степы. Надо понимать — времени полшестого, смерклось, в кабинетах свет позажигали, а мыльного тазика с исправлениями нет как нет. И, судя по моему душевному раздраю, сегодня уже не будет.

2.

Дядя Степа взялся меня в двадцать четвертый раз увольнять. Нынче — за нарушение трудовой дисциплины: целый день без строчки, а материал в понедельник в полосу ставить. Но Дашка заразила меня хиппарским пофигизмом. Степан Васильич мне, для начала: — Написать мелодраму человеческую не можешь!

Я ему: — Сами напишите, посмотрим, что у вас получится.

Тут-то все и началось. На вид поставили. Дерзость начальству — не по уставу. Хорошо, пятница.

Два выходных — непреходящая ломка. Легкий человек Пашка, а действует — как тяжелый наркотик. Одно воспоминание о нем — сверхдоза героина по венам. Чтобы не ломало, прибегла к национальному русскому наркотику традиционным образом: с одной подругой, с другой, с третьей и ейным мужиком... Короче, на пути домой — отправила провожатых, загорелось пешком пройтись по осенней ночи — меня раскачало ой-ой-ой как, тут подрулила машина с каким-то кадром за рулем, и он меня возил по городу, поил пивом и пытался склонить сами понимаете к чему, я его грубо обломала, вышла из машины, обнаружила, что вокруг меня микрорайон Прибрежный, и шкандыбала весь остаток темноты до родной квартиры, покупая в каждом лотке то пиво, то джин-тоник. В вытрезвитель не угодила, видимо, потому, что Боженька пьяных оберегает. Все думала: как он мог с этим унисексом!.. А потом блевала в ванной, и с каждой порцией зелья, извергнутой из себя, светлела головой. Как мог, как мог... Мог он всегда неплохо. Дашка молоденькая, если ей под челку заглянуть, наверное, хорошенькая, а в неразборчивости пола есть некая пикантность. И нечего постфактум по стенкам ползать. Есть у меня одно испытанное средство переболевания — мелодраму написать в газету. Или что посерьезнее, но в стол. В понедельник с утра и написала махом. Душевно получилось, Зинаида Ивановна опять сердечные глотала: «Да как же это так — ребеночка-то в чужие руки? Моей-то уж двадцать лет, и то вся душа изболит, как уйдет куда...» Далее по исконно российскому бабьему жалостливому тексту.

3.

Весна пришла и ушла, будто капризная гостья. Май впадает в июнь, сады цветут — один раз в год, как известно.

Будильник провизжал нечто раздраженное, наверное, с полчаса, как — все

валяюсь. Туристская песня «Что-то не удалось» в голове лязгает, как товарный состав. Началась она, когда я еще спала — с какой-то дальней станции, из травы по пояс, вышел унылый поезд, на боках пульманов — строчки песен. Едет и едет сквозь меня. Не к добру Пашка приснился, вот песни и вспомнились. Шли по обочине той почти горной дороги, обнявшись, и горланили весь репертуар шестидесятников — туристские, бардовские, дворовые. Потом перешли на Розенбаума. А потом дошли до хибары, что снимали, и там воровато замолчали. Вот черт, до сих пор живы детали декоративного фрагмента моей долбаной жизни!..

Май на дворе, любимый месяц, а я в прострации лежу брюхом кверху и прикидываю, как еще придется мне маяться в эти благоухающие дни. Худшей маемой мнится мне командировка в Прутвино по на редкость идиотскому письму: даму изнасиловали лет 20 назад, теперь она очнулась и жалуется в газету. У меня лично сложилось впечатление, что торопится поделиться подробностями, пока не забыла. И все, что можно, она уже через пень-колоду изложила. Переписать живописнее я могу себя за столом, — заметила я вскользь, как бы в пространство, но дядя Степа услышал, понял правильно и изрек, что мы должны знать, каково живет народ. Тем самым выводя нас, творческую интеллигенцию, за рамки этой категории. И предстоит мне сей полет фантазии на текущей неделе, а Прутвино, между тем, — это Залесский район, название которого очень точно отражает его местоположение. Три часа в один конец. Оттого и вставать в лом. Новое верещание. Будильник с ума сошел, что ли?

Мамин голос — такую интонацию я зову «с перекошенным лицом»:

— Надя, вставай срочно! Скорее сюда!

— Ну что-о, Господи, за пожар... Ни-че-го себе!

Десять минут в башке единый вопль: «Ничего себе, мать-перемать!»

На пороге квартиры — коробка из-под бананов. Пищит. Мама пошла было выносить мусор, споткнулась о коробку — та вякнула. Моя родительница, не побоявшись ни чеченского теракта, ни чего бы то ни было, открыла верхние створки и взвыла сиреной. В каком-то грязном одеяле — младенец. На животе, подобно ценнику из магазина, пришпилен белый листок. Мать читать, что в нем, не стала — естественная реакция человека, — а бросилась выдергивать из спячки меня, видно, печенью почуяв, что экзотическое нынче деяние связано со мной. А я пялилась на весь комплект — упаковочная тара, тряпки, темно-бордовая мордашка и белая блямба наверху — и знала заранее, какие слова увижу, если соблаговолит наклониться и детку на руки взять. Но человечьего детеныша поднимать страшно — он такой чрезмерно настоящий, слишком живой, с ним — только очень осторожно, а откуда в моих не знавших грудничков руках бережность?

Мать опередила меня («Ну что же ты стоишь? Давай его хоть в дом внесем...»), подхватила «посылочку» с пола, и я прочитала то, к чему была готова:

«Надя, я решила, ей с тобой будет лучше. Назови как хочешь. Претензий не имею. Беспокоить тебя не буду. Может, еще встретимся, если это будет по природе, а нет — бай-бай. Мне говорили, нужен отказ от ребенка. Короче, не въеду, как его писать. Как смогла, так и написала. Адрес твой мне Пашкины друзья сказали. А Пашку я с тех пор не видела».

Из-под первой записки — в точности аптечные навороты на микстуре — выглядывает вторая:

«Я, Митяева Дарья Викторовна, отказываюсь от своей дочери, родившейся 4 мая этого года. Я хочу, чтобы ее воспитала гражданка журналистка Надежда Степнова, отчества не знаю. Обещаю Н.Степновой не мешать и ребенка не отбирать. Делаю все сознательно.

13 мая 2001 года».

Типа, подпись — страшная каля-маля.

Сучка! Найти и убить. Задолбить ногами...

— Господи Боже, этого не хватало! Что за люди, ну что за люди! Как можно бросить такое чудо! — это мать во время моих раздумий втащила «люльку» в

Мур муров

прихожую, вынула тельце, давай разворачивать... Кому как, конечно, по мне, чудо какое-то неаккуратное. Страшенькое, под стать банановой коробке, одеялу и...

Рвотный позыв сдержала только утренняя пустота желудка — пуповина новорожденной, сантиметров едва не двадцать, завязана отвратным узлом. Где же Дашка, паскуда, рожала?.. Ох, как мама причитает!

Безымянная Пашкина дочка издает невнятные страдальческие звуки и корчится у мамы на руках. Одеяло сзади мокрое. Мне это кажется трагедией:

— Мам, смотри, она описалась! Что делать?!

— Она не раз описалась за ночь, — сердито откликается мать. — С детишками это, знаешь ли, бывает, и голосок свой умерь, а то она может даже обкакаться, — маленька моя с юмором. Иногда — с черным. И с золотыми руками. А у меня вместо рук — «золотые перья». — Накормить ее надо и перепеленать, — продолжает.

— И только потом что-то делать.

— Да, — вроде как шучу и я, — снять штаны и бегать, потому как вариантов нет. — Подкидывали ее мне, как видно из записки. Ты, мам, рада?

— Потом поговорим...

Дебет-кредит, актив-пассив: ребенок рожден черт знает где, неведомо кто принимал роды, может, братья-хиппи, сознательно избегающие больниц. Их здоровье — их проблемы. Меня-то волнует другое: у девочки нет никаких документов, кроме явно неформальных Дашкиных писуллек. Вся бумажная процедура отождествления ее с человеком ложится на меня. Оно мне надо?! В уме — провал, в сердце — смута, в руках не держится кружка с молоком, которое мать велела подогреть для мелочи пузатой. Как ее, кстати, кормить, если последняя моя соска выброшена 28 лет назад? Теперь мне ее заменяет сигарета. Вся надежда на маму — что она еще не забыла, как с грудными обращаться. Гляди-ка — не забыла! Глаза боятся — руки делают.

Пока я очертенело курю в прихожей, пугаясь собственных глаз, пойманых зеркалом, она шумит водяной струей, трещит разрываемой фланелью, звякает ложками и наконец командует:

— Иди сюда! Молоко разбавь в этой кружке водичкой кипяченой. Давай мне!.. Сейчас, моя лапочка, я тебя покормлю, — это уже не мне. Непобедимая сила младенческой незащитности рождает в мамином властном голосе нежнейшие нотки. Разогретое молоко с ложки вливается в крохотную складку на мордочке, которую я бы лично не сочла ртом (но его всасывают с жадным присвистом, значит, еда попала куда надо). — И, может, ты мне все-таки расскажешь, в чем дело?..

— Ну... одна девчонка разыскала меня... нет, не так... помнишь, я ездила с одним кадром на Кавказ? Так вот это его дочка от одной хиппарки...

— А ты тут при чем?

— Ну... — отзываюсь я не хуже Дашки и тяну из кармана халата новую сигарету, — она решила отдать мне свою Пашкину дочку... потому что она Пашкина... а у нас была любовь... а она хиппует в Москве и живет нигде, понимаешь? — и затыгиваюсь. И схлопатываю:

— Ничего я не понимаю! Но курить теперь изволь на лестнице! Ребеночку вреден дым!

От эдакой жесткости тона в свой адрес я чуть сигаретой не поперхнулась, аж загасила ее и довела всю историю до логического завершения. А по истечении истории мать совсем уже по затылку меня долбанула:

— Значит, ты теперь будешь ее удочерять?

— Чего?! — непобедимая Дашка, ты словно вселилась в меня. — С какого переляху? Зачем еще?..

— Мне так показалось. Я не утверждаю, мне просто так показалось. В общем, если все же захочешь удочерять, учти — надо с маленькой в детскую консультацию сходить, пройти полный осмотр...

Мама не сразу увидела мои восьмиугольные глаза. А как увидела, сказала тихо и просто:

— Нет, от тебя проку не будет, я сама по врачам пойду.

И есть теперь мое бытование — неравномерный пунктир: тут — вижу себя, тут — вижу ее, такую элементарную и бесконечно сложную, как атом. Моя замечательная мама, будто веник с моторчиком, — по врачам, по магазинам, по аптекам, и, гляжу, уже сетует, что к молочной кухне не приписывают. Конечно, кто ж туда припишет перекасти-поле без роду, племени и документа! Этой кухни на проштампованных детей-то не хватает, мамыши на ее пороге зубами грызутся за место... знаем, писали злобную публицистику. Девочки полмесяца от роду как бы нет на свете. Она — фантом. Фантом плачет ночами, будто осознает все свои проблемы, а мама его укачивает. Я тем временем курю на лестнице (спать под крик несуществующего существа довольно проблематично) и голову ломаю. А один раз, накачавшись дымом, как клещ кровью, с надутой головой вернулась в квартиру и взяла малышку на руки. Вот прикол — она уснула быстрее, чем у опытной мамы! С того момента мне почему-то стало думаться так: у меня есть ребенок! Мы ее прозвали Кнопкой.

А штрихи моей биографии, не связанные с Кнопкой, все то, что раньше было важным, теперь кажется мишурой. Хотя от этой мишуры многое зависит...

Оскомину набившая диспозиция: я в кабинете главного редактора, докладываю обстановку.

Дядя Степа цедит сквозь сигарету:

— Это твои проблемы. С тебя мелодрама и заметка о переменах в горсовете, — и утыкается в гранки моржиными усами. Аудиенция окончена.

— Отлично, — говорю его почтенным седидам с высоты каблуков, — тогда я в мелодраме про себя и напишу. Мне ребенка подкинули — вы представляете, какой сюжет!

В нашем до боли родном, до изжоги прокуренном кабинете Игорь Елкин слушает меня издевательски внимательно, как клиента с психопатологией, а потом начинает глумиться на плоскую тему: а может, это все-таки твой ребенок? Я посылаю его в пень, а вместе с ним — весь наш мужской коллектив, неделикатный и жизнерадостный.

В контексте статьи о службе опеки и попечительства меня оплескивает озарением: там же работает одна душевная баба, которая все знает, всех видела, ничего и никого не боится, даже журналистов!

Кинув недописанную публицистику, я — в линолеумно-фанерный коридор службы опеки и попечительства, а там очередь. Вообще-то я хорошо воспитана, но не сегодня. Красную книжку наперевес — и ходу сквозь шеренгу потенциальных усыновителей:

— Граждане, не волнуйтесь, пропустите, без паники, без возражений... — тук-тук-тук под табличку «Инспекторы». — Нина Семеновна, можно к вам?

У Нины Семеновны очки вместе с глазами лезут на лоб, и в каждой линзе — встрепанная я.

— Надя!..

— Нина Семеновна, вы мне очень нужны.

— Пойдем выйдем!

На улице — теплынь, благоухание, зеленое марево. Свернули за угол. Я закурила.

— Рассказывай!

И я захлебнулась прямой речью, и где-то на середине тирады обнаружила себя плачущей. Началась нервная икота и спазмы в горле, перевитом дымом. Потому что начала, дура, с конца: как мама открыла дверь и увидела ее в коробочке. Синевато-бордовую, мокрую, страшенькую. Бедная Нина Семеновна восемь раз вынуждена была поинтересоваться, что к чему. Я провела эмоциональную часть и перешла к фактографической. Представьте себе фабулу романа эпохи сентиментализма, где непонятая в любви героиня рождает ребенка от легкомысленного соблазителя,

Мир иродов

мысленного соблазителя, упорхавшего вдаль по жизни, и, томимая противоречивыми чувствами, оставила плод несчастной любви сопернице, которую чаяла счастливой — а я все это выдавала всерьез. Закончив сетованием — мол, в лубочном Средневековье с формальностями было проще, типа, поклянешься на распятые, что не предашь это дитя, и оно твое с потрохами, а мне вот как поступить, чтобы наверняка?..

— Постой, так это тебе оставили ребенка?

— Ну, а я о чем!

— Надежда, срочно тащи его сюда, я созвонюсь с Натальей Викторовной из дома ребенка, эту девочку у тебя примут безо всяких яких, как подкидыша. А ее письмо порви. Ты знать не знаешь, чей ребенок, почему он под твоей дверью оказался...

— Нин Семен! Теоретически я могу удочерить девочку?

— А оно тебе надо?

— Ну, все-таки объясните...

Объяснила. О величие непостижимого абсурда нашей родины! Дитя, скажем, своей лучшей, любимейшей, безвременно усопшей подруги, даже если она письменно завещала его под мое покровительство, я могу принять под крылышко лишь в единственном случае — когда у малыша нет на всем свете никаких родных. Или когда они официально отказываются от опекуна и прав на малыша. Тогда я могу ходатайствовать, чтобы эти права передали мне. Могут передать, могут отказать...

Я сама не заметила, как скольльзящим, легким движением эфы по песку переместилась к испугавшимся зрочкам Нины Семеновны:

— Вы можете сделать так, чтобы мне передали право опекуна? Или даже удочерения?

Она отклоняется от меня в искреннем шоке:

— Надь, ты в своем уме? Надя! Какая-то хиппарка родила не пойми от кого... Они все наркоманы, спидозные через одного... Ребенок наверняка болен... Если тебе так хочется усыновить кого, давай я тебя на очередь поставлю, хоть проверенного тебе отдадим... А этой ты только на лекарства работать будешь! А пеленки, а памперсы... Да ты вообще знаешь, во что тебе обойдется ребеночка этого выходить? Да и любого другого? Это, подруга, не роскошь, а разорение страшное! Куда тебе ярмо на шею? Ты у нас дама одинокая, безмужняя, ты бы о себе подумала...

— Да, Нина Семеновна, да. Я одинокая. Я безмужняя. Я о себе хочу подумать. — Губы говорят, а глаза следят — сумерки цвета дымчатого топаза, пухлые светочи фонарей вдоль моста, узор звезд над лицом, когда Пашка подхватил меня на руки, перекинул над парапетом: «Боишься?» — «Нет! Я же тебя не выпущу!» — «Тогда тест на доверие: а если вместе упадем?» — «Вместе ничего не страшно» — «Ты храбрый маленький заяц...» Но поскольку эта картина сокрыта от Нины Семеновны, ей не понять моего решения.

Она пытается говорить что-то безусловно справедливое, на лице у нее выражение школьной учительницы.

— Нина Семеновна, спасибо за то, что обещали поддержку...

— Я обещала?!

— Я так поняла. Разве нет? Короче, я сейчас пойду, вы мне уже очень помогли, и я надеюсь, что в следующий раз вы меня просто спасете. Моей же благодарности не будет границ — иногда, знаете ли, и журналисты бывают полезны...

Недаром же мне все коллеги говорят: лиса ты, Надька! Совершенно лисьей пробежкой, заметая следы хвостом, скрываюсь через дыру в заборе.

Я снова на работе, за столом, с ручкой в руке, замерла над листом бумаги — срочно дошиваю тематическую полосу. Не шьется.

Игорь: — Надь, дай сигареточку!

Я (рассеянно): — Нету. Я курить бросила.

— ?!

Три пары ошалевших мужских глаз, три дурацких улыбки направлены на меня одну:

— Ну, даешь, кормящая мама! Война в Чечне прекратится, наверное!

Я иду на должностное нарушение — в смысле, использую профессиональные возможности в личных целях. Есть списки всех жителей города, с адресами, с телефонами. В компьютерах. Есть такие ребята, которые из компьютеров не то что наш адрес — домашний телефон Моники Левински достанут. Если их хорошо попросить. Я хорошо попросила... знала, кого обаять. И на экране монитора возникает череда Митяевых, из которой мой ищущий взгляд выцепляет Митяеву Дарью Викторовну, 1982 года рождения, прописанную в самой что ни на есть Тьмутаракани, на Северном, и Митяеву Алевтину Петровну, 1960 года рождения, в чьем имени сразу видится многотрудная житуха рабочей окраины, неудачный безрадостный брак с Митяевым Виктором Савельевичем (пометка «выбыл, 1990 год»), постоянное подавленное раздражение на дочек не-таких-как-хотелось-бы, ибо в той же, судя по всему, частной халупе значится еще Митяева Виолетта Викторовна, 1978 года рождения (как раз тогда мода с западных имен перекинулась на кондовые). Мне очень не хочется ехать туда, еще сильнее, чем в Прутвино, которое висит надо мной дамкловым мечом неизбежной командировки, но... как иначе?

Северный — не то место, чтоб утопать в садах. Цветущие яблони, груши, сливы за дощатыми заборами — как неряшливые ляпы белил. Между неряшливо проведенными оградами — безнадежно захламленная торная улица. Асфальт здесь, похоже, известен как коммунизм — недосыгаемой мечтой. Чувствую, как неуместны в этом закутке мира мои клетчатые джинсы и очки-хамелеоны. Через калитку, которую страшно трогать — нашпигуешься занозами:

— Здравствуйте! — пустому двору. — Митяевы здесь живут?

Вековое неприятельское молчание в блочных стенах (финский дом) и треснутых окнах.

Да что ж это я теряюсь? Калитка-то держится на проволоочной символикке. Снимаю петельку, пинаю доску...

— Алло! — входя во двор.

— Чего еще?

У них это «чего?», стало быть, фамильное. Женщина в китайских тренировочных штанах на смолоду не задавшейся фигуре, в перманенте образца начала 80-х, в заношенной майке. Взгляд очень и очень недобрый. Но как ее винить, она всей жизнью приучена никому не верить и не ждать хорошего. Как и я, впрочем. Просто на моих эмоциях больше лоска.

Стоит ли пересказывать наш с нею разговор? Органическая вежливость моей речи, чужеродный для улицы Первомайской в поселке Северном вид и задетое больное место, непутевая младшая дочь, «засветившаяся перед журналистами». Можно было бы вести себя и попроще, но тогда кто знает, как бы дело повернулось. А так — Алевтина провела меня в сени, больше для того, чтобы соседи не совали нос в наши дела. Она физически страдала от моей посторонней причастности к изнанке их семейной жизни. Она в транс впала от известия о Дашкиной дочке — прикиньте, узнала, что стала бабушкой, от меня! И с ходу отказалась «кормить, поить, воспитывать — коли нагуляла, пусть сама разбирается! И ее-то больше на порог не пущу!» Сама того не осознавая, она вытряхнула передо мной все прочие личные дела — и как муж, строитель, от нее в Москву перебрался по лимиту, хоть официально не развелись, а уж восемь лет носа не кажет, и как старшая шалавится леший знает с кем, и как ее мать, бабка, то есть, девчонок, помирала на вот этих узловатых руках, а никому из семьи и дела не было, и каково ей работается смолоду намотчицей катушек. Я ее перебила тем, что шлепнула на угол пожившей деревянной скамьи лист бумаги, авторучку:

— Пишите, я продиктую! Хоть одной проблемой у вас станет меньше!

Надо же — она провела меня в комнату, убранную в соответствии со слободскими понятиями о красоте, сесть не предложила, но сама нацепила очки и на-

Мир прогов...

писала отказ от внучки с тяжелой покорностью выходца из народа, глубоко верящего, что кому-то виднее, что делать. И расписалась, и число поставила.

— Вы, что ль, хотите удочерить?

— Почему бы и нет?

В ее лице читалось: «С жиру бесится!»

— Алевтина Петровна, а где Виолетта?

— А кто ж ее знает! Небось, со своим новым шлындает. Не ночевала. Зачем она вам-то?

— Я бы хотела, чтобы она тоже расписалась, что не возражает против устройства судьбы вашей внучки моими силами. Ну, для формальности...

Еще одного визита сюда мне бы не хотелось наносить.

Из монолога Алевтины я поняла все и о старшей дочери. Тошно передавать. Но Бог подыграл мне, и, громыхая каблуками, в комнату ввалилась девица, состоящая из форм, очень похожих на материнские, и жующей челюсти. С ней мы договорились еще быстрее. Дашку тут откровенно не любили. И она семью не любила. Недаром не появилась даже на роды.

— Адреса мужа у вас нет?

— Какой он мне муж! На Дашку алименты забыла, когда и переводил последний раз. Небось, работает там без трудовой. А может, уж и не жив... Мне, что ль, по-вашему, дел больше нет, как ему письма писать?

Резонно.

Хватит ли мне подписей трех Митяевых?

Я кладу на стол Нине Семеновне отказы ближайших родственников от той, кому лишь предстоит оконкретиться в человеческую единицу.

— Как ее зарегистрировать в ЗАГСе? Или где там?

— Ты все же решилась?

— Не отговаривайте. Помогите. Любые деньги!

— Прекрати, дуреха! Зарегистрируем, потом с тобой начнем работать. Заявление о желании войти в ряды кандидатов на усыновление напишешь...

Мое заявление ложится сверху.

... — Митяеву Елену Павловну? С присвоением ей фамилии Степнова?

— Да. Пусть ее зовут Еленой. Пашке нравилось это имя.

Нина Семеновна сморкается ни с того ни с сего. И очень сурово говорит:

— Ну, тогда справки начинай собирать. И медицинские, и социальные, и об окладе...

Свидетельство о рождении Митяевой Елены Павловны у меня на руках.

— Надежда! — орет дядя Степа, когда я в очередной раз отпрашиваюсь на заседание очередной комиссии по ставшему моим до подкорки вопросу. — Ты последнее время совсем не работаешь! Я тебя уволю к чертовой матери!..

— А вы у нее спрашивали — я ей нужна? — роняет мой поганый язык, и дядя Степа раздувается, как аэростат на старте — вот-вот взлетит и сбросит на меня бомбумонаршего гнева. Но меня куда больше заботит, признают ли мои жилищные условия и месячный доход достаточными, чтобы отдать мне моего ребенка.

Она еще не может говорить, но тянется ко мне цепкими лапками, и в ее молочном прищуре мне мерещатся желто-зеленые Пашкины глаза. Они задираются: «Ну, что будем делать, маленький храбрый заяц?»

Я тоже не лох последний — об этом вслух не говорят, но кое-какие деньги в неподписанных конвертах подсунуты кому надо. Иначе, боюсь, дело было бы признано спорным. А еще мы с Ниной Семеновной сочинили премилую историю Ленкиного появления на свет, в которой фигурировало мое журналистское знакомство с Дашкой, сердечное покровительство последней и гуманистическая

невозможность пройти мимо чужой беды. Подтвердить ее трудно. Опровергнуть и вовсе нельзя.

Меня просветили X-лучом официальных органов и ничего противосоциального не нашли.

Кнопке Ленке я купила коляску. Под вечер мы чинно гуляем по парку.

...Не верю! Глазам своим репортерским не верю!

«...удовлетворить ходатайство Степновой Надежды Аркадьевны об удочерении Митяевой Елены Павловны, родившейся 4 мая 2001 года, с присвоением ей фамилии Степнова.

26 августа 2001 года».

Заключительный аккорд в музыкальной пьесе, что все лето разыгрывалась на моих нервах.

Я снова и снова вынимаю бумаги, таращусь в них: не верится! А вот Игорь Елкин сразу поверил:

— Ну что, причитается с тебя... мать-героиня?

Бумерангом летает это прозвище. Я его бросила, не думая, а оно ко мне же и вернулось.

— Потом. Не сегодня. Надо маму и дочку обрадовать.

Миниатюры

Мария Комарова

сон

Однажды, прохладной сентябрьской ночью, я проснулась и долго не могла заснуть. Я вставала, смотрела на звезды... А потом усталость взяла свое, провела мягкой рукой по лицу, и я уснула. И мне приснился сон.

Итак, я увидела во сне пустыню. То есть, не совсем: там не было ни желтых песчаных барханов, ни редких кактусов, ни чьих-нибудь костей, обточенных ветерком. А были просто горы, пыль, чахлая трава. И все это какого-то коричневого цвета. Ничего особенного. Вот только где-то (за ближайшим холмом?) слышались плач и вздохи. Мое любопытство так и потянуло меня посмотреть, кто там убивается. Я выглянула из-за холма: никого. Только ручей, наполовину занесенный песком. И вот что странно: это его журчание показалось мне плачем, а теперь впечатление не только не пропало, но даже усилилось. Я посмотрелась в воду. Ой! Это мое лицо? Это я такая грустная? Ай, а где же мой длинный крысиный нос?!? Я схватилась за нос. Отражение не повторило моего жеста. И тут я сообразила, что вижу в воде не себя, а кого-то другого. На меня смотрела незнакомая девушка.

— Кто ты, — спросила я.

— Я родник... — раздался голос, похожий на плеск воды.

— Это ты плачешь?

— Я.

— Потому, что тебя заносит песком?

— Нет. Меня заносит песком потому, что я тоскую, а не наоборот.

— Тоскуешь?

— Да... Нет того человека, который приходил сюда, садился на берегу и смотрел на мои воды. Ты его случайно не встречала?

— Я тут никого не встречала, — возразила я, — а кто он?

— Не знаю. Но каждый вечер он приходил ко мне и смотрел. И думал о чем-то... С заката и до первых звезд. А теперь его нет...

Вода в ручье помутнела.

— Может, ему некогда?

— Раньше он всегда предупреждал меня, если не мог прийти на следующий день. В прошлую субботу он сказал: «До завтра», но на завтра не пришел. Я чувствую: что-то произошло.

— Ты не пробовала спросить кого-нибудь о нем?

— Кого тут спросишь? Разве что тебя.

— Здесь поблизости течет река.

— А... моя старшая сестра. Ничего она не знает. Да если и знает, то не скажет... — Наступило маленькое молчание. Вода в ручье то мутнела, то светлела, текла то быстрее, то медленнее, и тут...

— Я вспомнила! Говорят, в этих горах много пещер. И в одной из них течет очень древняя река, которая знает все о самом маленьком ручейке, даже о дождевой капле! Я спросила бы ее!.. Послушай, я превращусь в зеркало, а ты отнеси меня к ней!

И не успела я согласиться, как в моих руках очутилось небольшое овальное зеркальце. Из него на меня смотрели те же глаза, но теперь в них светилась надежда. Я зажмурилась и почувствовала, что куда-то лечу...

Мы очутились в какой-то пещере, где действительно текла река. Впрочем, я ее не видела, так как с яркого света попала в темноту.

— Здравствуй, река! — сказала зеркальце.

— А, родник! Я знаю, зачем ты здесь. Но подумай, стоит ли спрашивать о нем. Глупо тосковать из-за того, что в твоих водах не отражаются чьи-то задумчивые глаза!

— Ах, я просто не могу без этого! Я текла... Тысячу, сто лет, минуту... безо всякого смысла!

— Ты разве не считаешь смыслом жизни давать воду тем, кто томится жаждой?

— Раньше — может быть. Но сейчас — нет. Просто однажды он пришел. И сел на берегу... Горел закат... До этого я никогда не замечала закатов, а теперь мне показалось, что нет ничего прекраснее! И звезды... Они отражались в воде и в его глазах.. Мы смотрели друг на друга сквозь эти звезды... И потом он приходил. Не каждый вечер, но я не тревожилась. А когда он не пришел в то воскресенье, то... как бы объяснить... как будто началась песчаная буря! Что-то с ним случилось, но что?

— Я слышала, что такие истории происходили с русалками. Но чтобы ручей... Я не представляю себе, как ты полюбила человека! На тебя у меня были большие надежды. Лет этак через двести ты стала бы речкой. Но теперь...

— Скажи мне, что с ним!

— Надо ли тебе знать? Может, лучше забыть и снова течь — сто лет за минуту?

— Нет, я должна узнать.

— Хорошо, знай. Его убили.

Тишина. Слышно лишь, как падают капли с потолка пещеры.

— Я не верю, — сказало, наконец, зеркало.

— Если бы я умела говорить неправду, я сказала бы, что он забыл тебя.

— Тогда мне остается лишь...

— Нет, не только это. Скажи, что с тобой произойдет, если в твои воды вдруг посыплются осколки?

— Ничего. Они лягут на дно.

— А если бы подобное случилось с этой девочкой?

Я и так сидела, словно на иголках, а туи еще разговор зашел обо мне!

— Наверное, почти то же самое. То есть, она все-таки не река...

— Вот именно — не река. Скажи, девочка, что бы получилось? (Милый вопрос!)

— Ой, я думаю, ничего хорошего!

— Да, ты права. И это очень больно. Девочка, опусти зеркало в воду. Мне надо кое-что сказать роднику по секрету.

Я поднесла руки к воде, и что-то выскользнуло из них. Я села на берегу и стала ждать.

Неожиданно из реки выпрыгнула девушка (в темноте я различала только очертания фигуры). «Спасибо, река!» — крикнула она, а затем, взяв меня за руку, сказала: «Пойдем. Больше нам здесь нечего делать». И мы в одну секунду очутились возле какого-то небольшого городка. Солнечный свет показался мне настолько ярким, что некоторое время я вообще ничего не видела. Затем я смогла разглядеть свою спутницу. Сомнений не было: это родник, ставший девушкой. То же лицо, что глядело на меня из воды и отражалось в зеркале: точеное, с огромными глазами. Тот же голос, в котором слышался плеск. Те же движения — быстрые и плавные, как переливы струй.

— Она сказала, что я могу его спасти! Знаешь, какой сегодня день?

— Только девятое сентября! Мы перенеслись на полторы недели назад! Ты пойдешь со мной?

— Да, разумеется. Но куда?

— Сейчас... видишь вон тот домик? — (весь городок лежал перед нами как на ладони) — Туда.

Мы взяли за руки и полетели. Не прошло и мгновения, как мы стояли уже у двери.

— Теперь я войду, а ты останешься снаружи. Если заглянешь в дверь, то прикрой лицо рукой. Спасибо тебе за все... и прощай! — с этими словами девушка-родник распахнула дверь и вбежала в дом.

Мистификация

Все, кто находился в маленькой комнате, повернулись в сторону неожиданной посетительницы и замерли. Я пробежала взглядом по их лицам. Вот те на! Репортеры с микрофоном и видеокамерой! («Может, мы не туда попали?» — подумала я). Видимо, до нашего прихода они брали интервью. А вот тот, кто отвечал на их вопросы, заслуживал гораздо большего внимания. Лет ему было... ну, примерно, как моему папе. Задумчивые, чуть усталые черные глаза внимательно поглядели на вошедшую, и на его лице изобразилось удивление. (Такая же привычка, что и у меня: поднять брови и наморщить лоб).

Все размышления о привычках посетили меня не в тот момент, а несколько позже — когда я проснулась. А сейчас я просто смотрела. И чего-то ждала. Одна секунда показалась мне чуть ли не часом!

— Девушка-Родник улыбнулась (она стояла ко мне спиной, но я поняла по голосу) и сказала: «Извините, что я не вовремя и без приглашения...» Журналист у камеры вытер пот со лба. («Непонятно!» — подумала я.)

— Но... — продолжала она, — спасайтесь, бегите!!! Скорей! — и, не дожидаясь реакции на такое неожиданное восклицание, она бросилась к человеку с задумчивыми глазами и обняла его. В то же мгновение в комнате словно что-то взорвалось: раздался страшный грохот, затем — дым и вспышка пламени. Ой! По руке чиркнуло чем-то острым, обожгло, как кипятком. Дверь распахнулась так, что чуть меня не прихлопнула. Некоторое время ничего не было видно из-за дыма и пыли, стоявших в воздухе. Затем пыль начала оседать.

Да, видимо, здесь и в самом деле был взрыв! На месте окна зияет громадная дыра, весь пол усыпан осколками (хорошо, что не стекла: окно вылетело наружу). Я огляделась. Репортеры исчезли. Родника-девушки я тоже не видела, но тот, кого она обняла, остался сидеть в кресле. Он был, кажется, цел и невредим; по его щекам текли слезы. Я подошла к нему. Он взглянул на меня и сказал:

— Ничего не осталось. Только жизнь, которую она спасла... Ей было так страшно. Ведь вода не чувствует боли, а она стала не водой. Зачем она спасла меня?

— Она вас любила.

— Да, кажется. Перед взрывом, за долю секунды, она взяла меня за руку и сжала ее. И что-то шепнула, но я услышал только плеск... Но что это: как будто до сих пор я чувствую ее руку в своей!

Он раскрыл левую руку. На ладони лежала капля. Осторожно он поднес каплю к лицу и прикоснулся к ней губами.

— Какое счастье! — раздался тихий голос. — Какое счастье жить! Это говорила капля.

— Ты живешь! Действительно, какое счастье! Спасибо тебе!.. Ты жертвовала собой, чтобы спасти меня.

— И тебе спасибо. Я живу благодаря тебе. Своим поцелуем ты вернул меня к жизни.

— Я поцелую тебя еще и еще раз, джани*.

Раздались тихие, как падение лепестков, звуки поцелуев.

Знаешь, мне было так страшно, но так сладко умирать в твоих объятьях! Я чувствовала, как бьется твое сердце и знала, что оно не остановится сегодня.

— Отныне наши сердца будут биться вместе.

— Да... да...

Капля соскользнула с его руки и превратилась в девушку. Они обняли друг друга.

— Такая хрупкая и нежная... Кажется, ты вот-вот выскользнешь из моих рук. Но мы теперь не разлучимся.

Она спрятала голову у него на груди, и его тонкая рука — рука поэта и мечтателя — прошла по ее волосам, шелковистым, как водная гладь.

Что им было за дело до меня, до целого света! Они нашли свое счастье.

Мне же не оставалось ничего другого, как проснуться. Я открыла глаза, под-

* Джани — дорогая (дари).

няла руку... Ай! Поперек предплечья протянулась длинная царапина, которой не было вчера. Я вспомнила взрыв, клубы дыма, а перед тем — фигурку, метнувшуюся к тому человеку и закрывшую его от смерти. «А ведь тогда она шепнула ему: «Любимый!» — подумала я.

УДАР ЖУЖЖАЛА

Он тоже кончил трагически: женился.

Виктор Гюго

В один из дождливых осенних дней, в одном городке, а точнее, в единственной его библиотеке, у окна стояла девушка. И она была одна: не только в небольшой комнате с книгами, но и в жизни. У нее не было друзей, не было родных. Ей исполнилось уже двадцать три года, а она не вышла замуж — более того, она понимала, что это ей вообще не суждено. В нее никто никогда не влюблялся, ее сторонились. А между тем, девушка была очень красива. Даже сейчас, когда дождь лил, словно из ведра, немногочисленные прохожие останавливались посреди улицы и мокли по целым минутам, чтобы только разглядеть сквозь запотевшее стекло темно-рыжие кудри, овал лица и изящную руку, чертившую на стекле какие-то линии. Девушка не замечала любопытных. Взгляд ее карих, почти черных глаз, был устремлен вдаль; узор, который выводила ее рука, ничего не означал — она обдумывала свою жизнь. Девушку звали Беатой.

Она принадлежала к роду, уничтоженному почти целиком из-за кровной вражды. Вражда двух родов передавалась по наследству, из поколения в поколение, никто уже не помнил ее причины — однако враги с завидным постоянством продолжали истреблять друг друга. В конце-концов от обоих родов осталось всего лишь по одной семье и вендетта была приостановлена: в каждой семье росло по ребенку.

Пока дети — Беата и Гораций — подрастали, их родители старались всеми силами избегать друг друга, чтобы не возобновить вражду раньше времени. Впрочем, отменять ее никто не собирался: нарушителя древнего обычая ожидало бы презрение всего города. Просто на неопределенный срок было заключено «перемирие» между двумя враждующими сторонами...

Здесь нужно добавить кое-что очень важное. Если в семье, ведущей с кем-то вражду, рождалась девочка, она была в меньшей опасности, нежели мальчик. Причина довольно проста: стоило только девушке выйти замуж и сменить фамилию, как она этим самым переходила в другой род. Требовалось лишь выбрать тот, который не вел собственной кровной вражды — и девушка спасалась. Родители Беаты, само собой, прекрасно это знали и хотели только одного: уберечь свою девочку до поры от врагов и затем выдать ее за достойного человека. «После, — говорили они, — мы сможем спокойно перейти в мир иной». Но, как известно, человек предполагает, а Бог располагает — и судьба распорядилась иначе.

Теперь вам, конечно же, хочется узнать: а как именно распорядилась судьба? Вы можете спросить об этом хоть первого встречного: такие вещи в городке известны всем. Вот, например, идет тетушка. Спросите-ка ее!

— Простите, сударыня, я приезжий и очень интересуюсь вашим городом. Не могли бы вы мне рассказать...

— Да, милоч, с удовольствием! Что тебе рассказать?

— Об этой девушке, если вас не затруднит... — (Вы находитесь как раз напротив окна библиотеки, и Беата все еще стоит там.)

— О какой девушке? Я знаю много историй о разных девушках. А... ты о библиотекарше? Если хочешь знать мое мнение, милоч, не занятие это для девицы, нет, не

Мистификация

занятие! Тут, правда, кое-кто поговаривает, будто ей даже нравится — но разве этому кто поверит? Просто она не от хорошей жизни пошла в библиотекари, вот и...

— Позвольте, мне хотелось бы узнать, почему она так одинока.

— Как? Ты, милочка, разве не знаешь? Да почему ж ей не быть одинокой, если никто ее замуж не берет? Бедняжка! А все из-за этой штуки, кровной вражды! Из-за того, что Гораций, будь он не ладен, поклялся убить несчастную девочку... тебе и это неизвестно? С луны ты, что ли, сюда свалился? Ну, ничего, ничего, я тебе расскажу — и поверь, никто здесь лучше меня не расскажет!..

Тетушка начинает рассказ, и вам приходится во второй раз выслушивать историю о двух враждующих родах. Из вежливости вы делаете вид, будто полны внимания — но затем вы начинаете прислушиваться по-настоящему.

— ...А когда девочке было лет двенадцать, ее папаша и папаша Горация повздорили: тут сразу, разумеется, вспомнили о кровной вражде, да и кончили друг друга! Как именно? По правде говоря, я уж и не припомню точно. Кажется, из пистолетов палить стали... Ну, потерпели бы еще лет этак с пять, а то, вишь, как петухи!.. Ее-то отец сразу помер, а Горациев еще пару дней промучился. И знаешь, что он сделал? Заставил сына дать клятву... как там? А, вспомнила! «Ты, сказал, — поклянись мне, что девочку эту убьешь! Потому как у нас кровная вражда, ну и, значит, не должен от их рода никто остаться. Да ты, мол, погоди, сейчас ее не трогай, а лет через десять хоть из-под земли достань». Ну, это бы ладно, у каждого свои причуды — а она, глядишь, и замуж успела бы выйти, через десять-то лет! Так ведь он, злодей, на этом не кончил. Жестокий был человек! «Если, мол, сынок, она замуж выскочит, — это он, значит, добавляет, — то ты ее не оставляй в покое, а все равно найди и убей. И мужа ее убей, и деток». Неслыханное дело! Где ж такое видано? А Гораций взял и поклялся. «Да, мол, клянусь: или ее убью, или сам от ее руки погибну». Он юнец был, ничего не соображал. Схоронил папашу и уехал из города. Матери ведь у него не было. Та, добрая душа, ничего бы подобного не допустила, но только папаша за несколько лет перед тем ее в могилу свел... А Беата — Беата в городе осталась. Никто теперь ее замуж не берет. И вообще, сторонятся бедняжки. Совсем она одна! Ее-то мать, как узнала о Горациевой клятве, так с горя и слегла... и больше не встала, вот как оно бывает!

— А Беата не пробовала уехать?

— Не пробовала. Что толку, если Гораций все равно собирался ее из-под земли достать! Я так думаю, он и на краю света ее отыскал бы!..

Тут тетушка понижает голос до шепота:

— Знаешь что, милочка? Сдается мне, Гораций уже вернулся!..

Тетушка права: Гораций действительно вернулся. Примерно полгода назад Беата столкнулась с ним на улице. Словно разыскивая кого-то, он случайно взглянул на девушку, и оба остановились. Странная это была картина: со стороны казалось, будто каждый из них смотрит в зеркало, видя при этом не свое отражение, а нечто ужасное. Каждый понял, что перед ним — его враг. Ошеломленные, девушка и молодой человек замерли друг против друга. Они были не в силах не только пошевелиться, но даже отвести глаза... Первой пришла в себя Беата: она побежала прочь, стремительно, будто вечерняя заря, спасающаяся от полуночи. Гораций же остался на месте и стоял как вкопанный, пока не затих вдали стук ее башмачков.

Тем же вечером Беата решила на то, тщетность чего она прекрасно сознавала. Собрав самое необходимое и покинув свой дом, девушка бежала. Она остановилась лишь на другом конце страны, в маленьком сонном городке, где сняла комнату и с тревогой стала ждать момента, когда Гораций ее отыщет.

— Постойте, постойте! — говорите вы. — Нам разве не расскажут, как она жила на протяжении десяти лет до встречи с Горацием? И почему она работала в библиотеке: неужели девушка получила образование? А почему? Почему вы не задали всех этих вопросов тетушке?... Ну, хорошо, догонять любезную «сударыню» уже поздно, и я отвечу вам сама. Когда Беата осиротела, весь город принял участие в решении ее дальнейшей судьбы. Это выглядело примерно так: все кричали, что бедняжку необходимо удочерить, но никто, тем не менее, ничего не предприни-

мал; каждый надеялся, что сиротку приютит кто-нибудь другой. В конце концов нашелся престарелый профессор, которому не было никакого дела до кровной вражды и прочих глупостей, но который нуждался в том, чтобы ему находили его очки и чинили перья. Он взял девочку к себе — в качестве «ученика» — и, действительно, научил ее всему, что знал. Точнее, всему, что помнил, так как у него был склероз. Весь город, конечно, кричал: «Безобразия! Зачем девушке образование? Она должна, самое большее, уметь читать и писать!» — но профессору не было дела и до криков. Его «внученька» изучила философию, латынь, медицину и даже, поговаривали, алхимию — теперь он был уверен, что знания эти не пропадут... Когда профессор умер, то завещал девушке свои книги и свое состояние. Беата пошла тогда работать в библиотеку: не сидеть же без дела! Вот, пожалуй, и все. Правда, можно еще добавить, что Беата всегда помнила о Горации и боялась его.

Когда она бежала из родного города и поселилась в другом, страх ее только возрос. Каждую секунду она ожидала второй встречи со своим врагом. Беата старалась не выходить на улицу без крайней необходимости, и если выходила, то не иначе как по вечерам, закутанная в плащ. Нередко от нее шарахались запоздалые прохожие: она скрывала лицо под капюшоном, а это вызывало опасения. По городу начали ходить слухи не то о разбойнике, не то о привидении — кто мог подумать, что под плащом скрывается девушка, которая сама боится любой тени!

И все же Беата считала, что так безопаснее. Возможно, она была права: слухи о призраке сослужили хорошую службу, и ее никто не трогал... однако сама она вздрагивала всякий раз, когда видела не то чтобы случайного прохожего, но даже какую-нибудь статую в стенной нише.

Прошло три месяца, а о Горации все не было ни слуху ни духу, и девушка начала понемногу успокаиваться. Ночные тени уже не казались ей такими опасными, статуи — такими ледяными и равнодушными, а новая встреча с врагом — такой неизбежной. Но однажды вечером, когда она шла в булочную...

Тем вечером на улице было темно, словно в мешке с сажей — только несколько одиноких окошек светились трепещущим красноватым светом да в небесах мерцала какая-то робкая звездочка. «И зачем я не вышла вчера?» — думала Беата. Вчерашний, прозрачный и ясный вечер был, на ее взгляд, слишком ясным, потому девушка и осталась дома. Теперь Беата в этом уже раскаивалась: с того момента, как она сделала десяток робких шагов по улице, ей все чудилось, что во мраке одновременно с ее шагами звучат чьи-то другие. Она пошла быстрее, потом медленнее... Странный глухой звук соответствовал каждому удару ее башмачка о камни. — Тук, тук, тук, — звенели во тьме каблучки. — Тук, тук, тук, — вторило «эхо». Тогда девушка остановилась. Тишина, которая наступила тут же за остановкой, была ужаснее всяких звуков. Беате показалось, будто кто-то смотрит ей в спину. Ей даже послышалось чье-то дыхание... Мгновения текли... Вдруг Беата повернулась назад — резко и внезапно, как только могла. В темноте она разглядела что-то, похожее на смутную тень. — Кто это? — спросила девушка. Тень в ответ словно бы шевельнулась.

Тут Беату покинули остатки самообладания: она проскочила мимо страшного силуэта и на одном дыхании домчалась до дома (благо, она не успела отойти от него далеко). Лихорадочно распахнув входную дверь, Беата побежала вверх по ступенькам; кто-то, казалось, продолжал преследовать ее... ближе... ближе... И лишь очутившись у себя в комнатке, девушка поняла: на этот раз в ушах у нее звучали не шаги, а удары ее сердца.

Всю ночь Беата провела без сна: она сидела на кровати, судорожно закутавшись в одеяло, и глядела на огонь свечи. Однако утром, когда первые лучи восходящего солнца проскользнули к ней в окно и принялись играть в завитках ее чудесных рыжих волос, девушка серьезно задумалась. «Так больше продолжаться не может — решила она. — Вчера на улице никого, кроме меня, не было. Мне померещилось. Мои нервы порядком расстроены. Я должна вернуться в свой родной город»... Сказано — сделано: Беата тотчас же собрала вещи и отправилась туда, откуда в панике бежала каких-то три месяца назад. Теперь это было ее последнее пристанище.

Отныне Беата пыталась быть спокойной и, так как не могла без содрогания

Мистический

вспоминать о столкновении с «тенью» (которой, по идее, «не существовало»), то пошла к оружейнику — заказать себе кинжал. Оружейник с пониманием поглядел на девушку, что-то пробормотал насчет «кровной вражды» и протянул Беате небольшой (но острый) кинжальчик с красивой серебряной рукоятью.

Указывая на изумруд, украшавший рукоять, оружейник обратился к девушке: «Возьмите. Вы и сами — ровно драгоценный камешек». И, спохватившись, добавил: «Камешек, от которого владельцу одни несчастья».

Надо сказать, что этим он задел в душе Беаты самую чувствительную струну. Девушка всегда болезненно ощущала свое одиночество. Расплатившись с оружейником и придя домой, она расплакалась от обиды... Ей никогда не было понятно, почему ее мать вышла замуж за человека, который принадлежал к роду, ведущему кровную вражду. Мать, когда была жива, говорила, что пошла на такой риск из-за любви. «Так почему, — недоумевала Беата, — почему множество девушек рискуют подобным образом, а из множества мужчин не находится ни одного, готового на жертву?»

Когда Беата жила в чужом городе, у нее не было времени для этих печальных мыслей — но теперь слова оружейника разбудили все ее сомнения. «В самом деле, почему?» — и она сделала вывод: «Мужчины здесь ни при чем. Дело во мне: меня, наверное, не за что любить». И чем больше она думала, тем сильнее убеждалась, что не заслуживает ничьей любви. Как ни мало она была знакома с другими девушками — жительницами города — но все же сознавала, что не походит на них, и видела в этом какую-то свою вину. Какую — она не знала, однако мысль об этой вине не покидала ее ни днем, ни ночью.

И сейчас, в осенний день, когда звук дождя наводил на грустные думы, Беата размышляла все о том же. Словно школьник, бьющийся над арифметической задачей несколько часов подряд (и выбирающий, в конце концов, самое невероятное решение), она заключила: «Значит, жизнь моя была ошибкой... Скорей бы все кончилось». Тут она повернулась к двери, так как услышала легкий шорох (а ей вовсе не хотелось, чтоб какой-нибудь посетитель библиотеки застал ее врасплох).

В дверях стоял Гораций. Девушка вскрикнула и выхватила свой кинжальчик.

— Беата! Пойдите, Беата! Я не причиню вам зла! Вы видите, я пришел к вам без оружия! — и Гораций протянул к ней обе руки, очевидно, показывая, что в ладонях ничего нет — однако Беате почудилось, будто он молит ее о чем-то.

— Зачем же вы тогда пришли? — спросила девушка.

— У меня к вам просьба... но, если можете, выслушайте меня сначала; я не отниму у вас много времени.

Беата молча кивнула. Она никак не могла понять, почему ее враг медлит с исполнением своей клятвы да еще и собирается просить... чего? «Что нужно от меня моему врагу?» — изумленно думала она — и не могла найти ответа.

Гораций тем временем собрался с духом и начал говорить:

— Вы встретили меня с кинжалом в руке — вам, конечно, известно о моей клятве. Это было не просто детское обещание — это была клятва, данная мной умирающему отцу, нечто священное и нерушимое. Я помнил о ней каждую минуту на протяжении десяти с лишним лет, и если бы кто-нибудь осмелился сказать мне, что я ее нарушу — я рассмеялся бы тому в лицо. Я счел бы такого человека презренным клеветником, недостойным даже хорошего удара шпагой!.. Со всем нетерпением я ждал момента, когда смогу выполнить то, что обещал... и вот я вернулся в этот город. По какому-то странному стечению обстоятельств первой, кого я встретил, были вы.

Гораций на секунду замолчал, и стало видно, как он побледнел.

— Когда я вас увидел, мне под ноги словно упала звезда и разлетелась на тысячи пылающих осколков... Я почувствовал, как никому не видимые раскаленные иглы пронзают меня насквозь — одна из них попала мне в сердце. Боль была настолько сильной, что я не мог сдвинуться с места и лишь смотрел на вас... Вы были слишком красивы...

Беата чуть слышно вскрикнула.

— Да, я вижу, что вы поняли... О, простите мне: я люблю вас!

Девушка хотела что-то сказать, но Гораций умоляющим жестом остановил ее: — Погодите! Я должен рассказать вам все. Я думал, что сумею справиться со своей любовью и исполнить клятву. Я погнался за вами, нашел вас... Это произошло гораздо раньше, чем вы, вероятно, думаете: два месяца я жил в доме напротив вашего и из окна моей комнатки мог видеть, как вы задерживали у себя занавески! Два месяца непрерывной пытки! Я твердил себе, что обязан выполнить свой долг, а мое больное сердце говорило: «Твой долг в другом: ты должен на коленях вымаливать у нее прощение!» И едва я начинал соглашаться с сердцем, как мысль о том, что, упав к вашим ногам, я сделаюсь преступником, становилась невыносимой. Тогда моя борьба с самим собой возобновлялась...

Однажды вечером мне показалось, будто долг одержал победу над любовью; я видел, как вы вышли из дома, и последовал за вами в твердом намерении убить вас. Я не отставал от вас ни на шаг, думая, что никакая сила не в состоянии мне помешать — но тут вы оглянулись. И я вдруг понял, что бессилен перед вашей красотой и никогда не посмотрю на вас иначе, чем с благоговением; что скорее суну руки в пасть ко льву, чем осмелюсь дотронуться до вас. А еще я вспомнил: я не взял с собой никакого оружия...

Всю ту ночь я бродил по улицам, не зная, что делать, а наутро решил пойти к вам — с тем, чтобы рассказать все и исчезнуть из вашей жизни. Однако вас я уже не застал...

— Но в чем же заключается ваша просьба? — спросила девушка после некоторой паузы.

— Моя просьба... Пожалуйста, скажите мне, что никогда меня не полюбите! Беата в крайнем изумлении посмотрела на Горация.

— Я понимаю: для вас это нечто, само собой разумеющееся. Но какие только безумные надежды не появляются у приговоренного! Прошу, скажите, что ваша любовь ко мне невозможна, и, если можете, простите меня за все! Тогда я уйду и больше вас не потревожу.

Моя тень никогда не омрачит вашей солнечной жизни, вы, наконец, будете счастливы... и, быть может, вспомните обо мне без содрогания.

Девушка молчала, глядя с жалостью на того, кто недавно вызывал у нее страх. «Так вы любите меня!» — прошептала она наконец.

— Да! Я вас люблю — так, наверное, ужасная летучая мышь любила бы радужного мотылька: зная, что не может и не должна к нему приближаться!.. О, я отлично сознаю, что не могу быть вместе с вами! Даже если бы вы, по доброте душевной, простили меня, я все равно остался бы клятвopреступником: а выполнить мою клятву я уже не могу. . . Если б вы знали, как я проклинаю свою судьбу! Цветок, у которого вы отрываете один лепесток за другим, счастливей меня... Я бы согласился быть этим цветком. Я с радостью стал бы камнем, который вы, идя по аллее, поддаете носком башмачка!.. Удар кинжала я принял бы от вас, как поцелуй...

— И вы думали о поцелуях?

Краска выступила на щеках Горация; он опустил голову.

— Безумная надежда! — сказал он наконец. — Но ведь я прошу вас...

— Убить эту надежду?

— Ах, скорее! Она разрывает меня на части; сжальтесь!

— А хотите, я сделаю для вас больше?

— Больше?

— Да. Хотите, я убью вас? Ведь, кажется, вы клялись либо покончить со мной, либо погибнуть от моей руки. И, значит, вы не будете клятвopреступником! Хотите?

— И вы правда сделаете это? Вам не будет... неприятно? Ведь вы девушка...

— Ведь у нас вендетта, — ответила Беата. — Вы думаете, я просто так ношу с собой кинжал? Или, может... то, что вы говорили о поцелуе и кинжале — всего лишь слова? В таком случае, можете идти.

— Даже вы были не вправе так подумать обо мне! воскликнул Гораций. — Хотя... раз вы подумали, значит, я, наверное, заслуживаю.

Митинаторы

— Нет, нет! Вы не заслуживаете! Вы просто решили, что я не сумею. Так? Ничего — я много лет изучала медицину, а это прекрасная наука: учит и как спасти жизнь, и как ее забрать... Отвечайте мне: удар моего кинжала, страшит ли он вас? — Беата подняла руку, в которой держала свое оружие, походившее больше на драгоценную безделушку, чем на что-то опасное; клинок блеснул, словно дождевые капли.

— Нет, если удар нанесет ваша рука, — сказал Гораций и вдруг встал перед девушкой на колени. — Вы так великодушны! Прошу, не откажите мне в последней милости: за мгновение до того, как вы пронзите мне сердце (а ведь оно все равно уже ранено)... за мгновение до этого — обнимите меня другой вашей рукой... и будьте со мной рядом. Две-три секунды счастья — надеюсь, это не так уж много...

— Хорошо, — кивнула Беата. — Это и правда немного. Мне кажется, я знаю, как сделать, чтоб вы не почувствовали боли. Не бойтесь.

Она помолчала, словно что-то обдумывая, и, наконец, сказала:

— Ну же!

Гораций закрыл глаза. Девушка легким, чуть слышным движением опустилась рядом с ним; его лица коснулось дуновение воздуха, полное каким-то неуловимым ароматом. Вот... это ее рука... неужели она все-таки исполнила его просьбу?! Горацию показалось, будто он в траве, на лугу, и его обвивает дикий шиповник. Цветы и шипы. Сейчас уже...

...Что может быть печальнее старой сказки? Много ночей подряд смотрел соленок на розу, которая ждала своего соловья, и однажды не выдержал — слетел с ветки, чтобы обнять прекрасный цветок. Увы: роза ждала соловья, а не совенка — и шипы ее были остры...

!!!!!!!

Вдруг та рука, что должна была нанести Горацию удар... Нет, этого не может быть! — обняла его так же, как и первая; и вместо холодного лезвия, пронзающего сердце, Гораций почувствовал что-то, проникшее в самую его душу... он почувствовал поцелуй. Даже предположение о том, что такое происходит на самом деле, казалось невероятным; Гораций подумал, будто он убит и это всего лишь предсмертный бред. У него закружилась голова, похолодели руки, в ушах послышался звон... откинувшись назад, он распростерся на полу, у ног Беаты.

Впрочем, он всего лишь потерял сознание... Через несколько секунд Гораций очнулся и открыл глаза (кстати, глаза у него были черные, словно тушь). Девушка внимательно глядела на него. Он в ответ посмотрел на нее: с изумлением и растерянностью. Гораций все еще не мог понять, почему он жив и что произошло; очевидно было, что единственное объяснение, которого он не мог допустить — поцелуй. Беата не целовала его даже во сне (хотя и снилась каждую ночь), а тут, наяву... Нет, нет, прочь эту мысль; она оскорбительна!

Девушка, судя по всему, поняла, какие сомнения терзают Горация.

— Да. Я вас поцеловала. Вы не верите? — улыбнулась она. — Хотите доказательств?

Наклонившись к нему, она повторила свой поцелуй и зарделась, как тюльпан весной. Гораций покраснел не менее сильно. Тут же, не позволяя ему сказать ни слова, Беата заговорила сама:

— Вы сказали, что удар кинжала и поцелуй для вас одно и то же, не так ли? Значит, одно можно было заменить другим! Понимаете? Вы теперь свободны от вашей клятвы — а я убила моего врага. Мы оба свободны!

— Свободны?

— Да! И можем делать, что хотим! Например... — и Беата что-то шепнула Горацию на ухо.

Но я считаю нескромным подслушивать далее их разговор. Поэтому скажу только, что произошло несколько часов спустя. А произошло следующее...

Во-первых, кончился дождь, разъяснило и над городом поднялась такая радуга, что ни в сказке сказать, ни пером описать. А во-вторых, этой радугой любовались

по крайней мере два человека; они уезжали из города навсегда — и, глядя в небо, смеялись. Понятно, что это были Беата и Гораций. Они обвенчались и поехали... куда? Отчего же мне знать! Скорее всего, в одно из таких мест на земле, «где больше солнца, больше деревьев и синего неба» — если подобное, конечно, существует. Но, думаю, существует: были бы влюбленные, а звезды, закаты и восходы, цветы и роса на траве всегда найдутся!

Сергей Воробьев

г Иркутск

ЗАЩИТНИК

Летний день клонился к вечеру. Запыленное солнце зависло над краешком леса, не решаясь скатиться за его темную стену. В противоположной стороне, за рекой, клубились облака, в них изредка поблескивали неяркие сполохи. При каждой вспышке люди с надеждой смотрели на небо, но тучи собирались каждый день, а дождя все не было.

Виталька сидел за ужином тоже хмурый, как туча. Ему только что попало от матери, и он угрюмо тыкал вилкой мимо картошки. До этого непоседа, ерзая на стуле и стараясь подслушать разговор взрослых, нечаянно опрокинул кружку с молоком. Оно пролилось на колени сестренке, и та громко заплакала.

— Ах ты, егоза! — мать шлепнула Витальку по спине полотенцем. — Не дадут с человеком поговорить. Ну-ка, доедай быстреей и марш из-за стола!

Отец с гостем примостились на пороге летней кухни. Курили махорку, выпускающая едкий дым на улицу. И тут к нам пожаловал дед Пушкарь, рассыльный при начальнике леспромхоза. Кузмичев держал его на этой должности, жалея одинокого старика, ценил за знание лесного дела, прислушиваясь порой к его советам. Пушкарю это льстило, и он частенько вставлял в разговор: «Вот мы с Кузмичем...» (За глаза начальника называли Кузмичем, переделав фамилию на отчество.) Вот и сейчас глуховатый Пушкарь неторопливо сосал свою трубку, ведя обстоятельный разговор о чем угодно: о погоде, о покосе, об урожае.

— Для покоса погода хороша.

Мать возражала:

— Огород сохнет.

Пушкарь с достоинством соглашался:

— Сено хорошо сохнет, да-а. Каждая травинка звенит.

Мать махнула рукой:

— С тобой говорить — только время терять. Выкладывай, с чем пришел!

Пушкарь заговорил о деле.

— Кузмич леспромхозовских на погрузку зовет. Всех зови, говорит, мужиков и баб. До утра погрузить надо, а не то вагоны опять заберут, и будем сидеть да на море глядеть! — Пушкарь хрипловато прокашлялся, добавил: — Аккордом заплатим!

Мать всплеснула руками:

— Да как же дети одни-то. Бабка ведь больная лежит, а, Степан? — Она взглянула на отца. Вот тут и получилась у Витальки неприятность с молоком.

Отец поплевал на окурочок, потыкал его о порог, поднялся и, ничего не сказав, ушел в сени одеваться.

Мать не успокаивалась:

— Люди на работе целый день, руки к вечеру отваливаются, а тут еще в ночь работать, ишь, что надумали со своим Кузмичем! — Пушкарь понял, что пора уходить подобру-поздорову, пока... Кто этих баб разберет, что у них на уме.

Мать шумела с досады, конечно, Виталька это понимал. Она сразу успокоилась, как только ушел Пушкарь. Не впервой вот так, в ночь, их вызывают на погрузку

Митинаторы

ку леса. Вагоны дают редко, и леспромхоз вечно лихорадит с отгрузкой. Кузмич день-деньской висит на телефоне, выбивая вагоны, но безрезультатно. Тогда он срывается с места и направляется то в район, то к железнодорожному начальству, мотается, пока вагоны не начинают поступать. Потом объявляется аврал. Все выходят на погрузку. Работают день и ночь. Мужчины по наклонным следам веревками затягивают огромные бревна, женщины внизу помогают подкатывать хлысты, закрепляют по концам канаты.

Платит Кузмич хорошо, и люди, в общем-то, идут на такие авралы охотно, считая это за дополнительный заработок.

Отец вышел одетый в рабочий костюм, в кирзовых сапогах. Высокий, сильный. Виталька залюбовался им, прижался к его пахнувшей лесом куртке. Отец взлохматил ему волосы:

— Смотри, мать, какой у нас парень уже здоровый! Никого не боится. За хозяина останется. Да, сынок?

Он взглянул ободряюще на сына. Виталька согласно кивнул. Отец взял его на руки и поднял над головой:

— Ох, тяжелый ты стал, Виталик! Скоро в школу уже. Вот заработаем денег, купим тебе форму. Чтобы все было чин чинном. А ты тут порядок соблюдай. За бабушкой, за сестренкой посматривай. Понял?

Виталька счастливо улыбался, упираясь в надежные отцовские руки.

Мать, тоже почти собранная, но строгая, без улыбки, хлопотала по дому. Прибрала со стола, умыла сестренку, торопливо прошла в дом.

— Пойду матери скажу!

Бабушка была старенькая и вот не ко времени заболела. Лежит в своем уголке тихонькая, спокойная, нашептывая что-то себе одной понятное. Виталька любил бабушку, но такую вот, от всего отрешенную, почему-то побаивался.

Мать уложила сестренку, сунув ей лучшую куклу, и погрозила сыну:

— Ты смотри у меня. Будешь баловаться, я... — она не договорила, не найдя нужных слов, и еще строже погрозила пальцем.

Виталька насупился:

— Не буду баловаться. Я их охранять буду!

Мать не ответила, торопливо собираясь, и только перед уходом наказала:

— Закрывайтесь на крючок и спите.

За родителями хлопнула калитка.

В доме стало тихо и неуютно. Сумерки затягивали окна.

Виталька подошел к сестренке, она спала. Из-за занавески послышался бабушкин голос:

— Это ты, што ль, Виталик?

Виталька подошел к ней.

— Попить принеси, родимый.

Он напоил ее, поправил одеяло. В глаза бросились руки бабушки — маленькие сморщенные кулачки с синеватыми прожилками вен. Бабушка лежала, плотно смежив веки. Он тихонько отошел от нее, чувствуя свое одиночество в большом доме. Стало почему-то жалко бабушку и себя. На глаза навернулись предательские слезы, но Виталька смахнул их и плакать не стал.

Он вышел во двор, присел на крылечко. В светлом небе блестели неяркие звезды. Над рекой собрались облачка тумана, чернел загадочный лес. Когда Виталька был маленький, еще совсем маленький, он любил слушать сказку про Бабу-Ягу и Иванушку. И всегда представлял, что в том лесу за рекой и живет злая колдунья. Теперь не верил в такие сказки, но сам лес напоминал ему о лесных разбойниках, которые живут в других сказках, похожих на правду.

Подумав о разбойниках, Виталька вздрогнул. Не от страха, нет. Он забеспокоился о родных ему людях: сестренке и бабушке. Вдруг представил себе, что в такую ночь разбойники вполне могут выползти из своей ямы, где они прячутся, и прийти в деревню, чтобы украсть что-нибудь, а то и убить.

«Ну, подождите, я вам покажу!»

Виталька решил, что надо действовать. Поискал глазами какое-нибудь оружие и, заметив заготовленный отцом черенок для лопаты, схватил его. Этого оказалось мало, и на кухне он взял нож. Вот теперь другое дело. Виталька почувствовал себя богатырем. Он обошел дом, стараясь первым увидеть разбойников, чтобы поднять тревогу. Но те так и не рискнули показаться в деревне. Тишина стояла поразительная. Даже собаки не лаяли. Лишь изредка со станции доносились протяжные, как выкрики, гудки паровоза.

Между тем наступила ночь, и звезды ярко выступили на небосводе. Воздух потяжелел и стал прохладным. В легкой рубашке Виталька продрог, и ему пришлось вернуться домой. На вешалке долго шарил, стараясь найти что-нибудь теплое. Плащ не годился, велик. Фуфайка тяжелая и неудобная. Он искал свой пиджачок, но не находил. И тут рука его коснулась отцовского кителя, в котором тот пришел с фронта. Китель этот знал и лучшие времена, когда его надевали только по праздникам, но со временем пообтерся, да и новую одежду завели, а китель повесили в дальний угол, прикрыв занавеской.

Подставив табуретку, Виталька осторожно снял его и торжественно, с манерной неторопливостью, одел. На улицу он вышел с таким видом, будто у него вся грудь в орденах. Жаль, никто из друзей не видит. Длинные полы висели ниже колен, но этого мальчишка не замечал. Главное — в нем было тепло и уютно.

Виталька промаршировал вокруг дома, то держа черенок, как винтовку на плече, то целясь в невидимого врага и посылая пулю за пулей. Игра была в самом разгаре, когда за спиной раздался какой-то шум, идущий от реки. Виталька остановился и прислушался.

Расползшийся от реки туман закрыл луга, упираясь в заплоты огородов. Виталька почти успокоился, как вдруг из тумана вновь раздался шум, прерываемый дробным топотом. Оттуда же доносились приглушенные хрипы и тонкие голоса, похожие на повизгивание. У Витальки перехватило дыхание. «Лешие!» — подумал он.

Топот приближался, мальчуган прижался к тыльной стороне дома, чуть выглядывая из-за угла. Над туманом прыгали, плясали, обгоняя друг друга, неясные тени с большими головами и обрубленными туловищами. Что-то очень знакомое показалось Витальке в кивках продолговатой головы, в неровном скоке. «Лешие» приближались к огородам и тесной кучкой ринулись в проулок, направляясь к крайним домам.

И тут, как в сказке, странные чудовища стали превращаться в леспромхозовских лошадей. Табун вырвался из тумана, который падал с лошадей клочьями, как мыльная пена. Кони были чем-то сильно напуганы, даже пасть бросили. Ноги у них были стреножены, оттого так неровен и спутан бег. На ходу они косились, храпя и скалясь друг на друга, обнажая огромные зубы, хватая ими за круп тех, кто загораживал дорогу. Маленькие жеребята жались к взрослым лошадям, ржали тоненько и жалобно.

«Волки», — пронеслось в голове у Витальки. Он слышал, как взрослые ругали этих зверей, жаловались, что много развелось их в здешних местах. Виталька подумал, что лучше находиться во дворе, чем на улице. «Если волки сунутся в деревню, я их первым замечу», — так объяснял он себе свой поступок, утаивая, может быть, настоящую причину, — ему стало жутковато. Что делать дальше, он просто не знал. Лошади ускакали на конный двор, собаки, поднявшие было брех, умолкли. Событие, всколыхнувшее ночную тишину, осталось никем не замеченным.

Тишина успокаивала, завораживала. Хотелось спать, но Виталька держался. Ему непременно надо было дождаться отца, чтобы тот увидел, как он может держать данное слово. И чтобы отец обязательно погладил его по голове. У отца такая сильная ладонь — шершавая и ласковая одновременно. И когда он ерошит сыну волосы, значит, у отца хорошее настроение. То ли в мыслях это было у Витальки, то ли ему показалось, что отец прикоснулся к его голове, но только усевшись на крылечке и завернувшись в китель, Виталька крепко уснул.

Он не слышал, как утром хлопнула калитка, и с первыми лучами солнца вошли уставшие родители. Как мать обеспокоено вскрикнула и кинулась к крыльцу, увидев

здесь Витальку в столь неурочный час. Как отец освободил его ручонки, до сих пор крепко сжимавшие черенок, и поднял на руки. Улыбнулся, прижав к груди сына:

— Гляди, мать, защитником сын у нас растет. Опора к старости будет!

Мать смахнула набежавшую слезу:

— Господи, лишь бы войны не было!..

Ничего этого Виталька не слышал. Запах леса и смолы от отцовской одежды вдохнул он и еще крепче уснул, удобно устроившись на руках у отца.

Людмила Гарднер

г. Хабаровск

ЛАГЕРЬ

Ночь. Вернее, конец ночи — первые предутренние часы, самые сладкие, когда спят все. Дети спят на веранде на свежем воздухе — девочка постарше и ее маленькая сестренка.

Этот лагерь особый — для детей, чьи родители — элита, власть области и города. Попасть сюда не так-то просто. Но уж если попал — прекрасный отдых обеспечен.

Скоро утро. В это время на кухне, рядом с которой стоит их корпус, уже начинается работа. Слышно звяканье посуды, голоса. Но сегодня тихо. Две собачки, что постоянно живут возле столовой, как-то тревожно и в то же время трусливо взлаивают, неуверенно несколько раз бросаются к воротам, но вскоре затрусили вглубь лагеря, решив все-таки, что лучше не связываться.

Старшая проснулась от ощущения страха, сдавившего сердце. А ведь ничего страшного не приснилось, и вокруг было тихо. Но эта тишина давила, парализовала. Так не должно быть! Должна петь птичка, она не знала, что это за птичка, но думала, что соловей: кто еще может так красиво петь; должна слышаться работа в столовой, должны ворчать, играя, собачки. Тишина. Еще темно. Спальные корпуса освещены снаружи лампочкой, но массив деревьев — натуральный лес, заботливо вычищенный и ухоженный, специально оставленный на всей территории лагеря — полон мрака. И эта темнота, в которой неясно проступали деревья, пугала и против воли притягивала взгляд. Страшно смотреть, но еще страшнее не смотреть: вдруг, пока ты не смотришь, оттуда выскочит что-то ужасное, и ты не успеешь спрятаться. Возле соседнего корпуса боковым зрением заметила какое-то мельтешение, с трудом оторвав взгляд от темноты, глянула туда. Там сбились в стайку девочки, неодетые, в одних маечках и трусиках. Одна бежала от ворот к ним, подбежала, что-то возбужденно стала шептать. Послышались восклицания: «Ах! ой! ужас! ой, девочки, я боюсь!» Одна опять оторвалась от стайки и, подбежав к их веранде, уже вполголоса заговорила: «Ой, девочки, что творится, вожатых нет, никого нет, телефон не работает, ужас, что делать, мы боимся...»

...Откуда она могла знать об этом? Где, в каком этаже подсознания было заложено это знание, предзнание, предощущение грядущего ужаса? Почему в последнее время сердце часто сжималось от невыносимой тоски, так что девочки пугались ее вдруг изменившегося лица, со страхом спрашивая: «Что с тобой?» Может, это от бабули-шизофренички, свихнувшейся после перенесенного инсульта, которая среди бреда вдруг четко произносила: «Ой, бяда будеть»? Мать плевалась через левое плечо, сердито говорила: «Опять раскаркалась!» И она — как будто уже жила когда-то на свете и знала о том, что будет. Она вообще часто знала о том, что случится, но никогда никому не рассказывала. Зачем? Мать, когда-то изучавшая психологию, говорила, что старшая дочь — интраверт, а младшая — экстраверт. И опять же, не зная этих слов, она знала, что они означают.

И теперь, увидев у ворот военных, она все поняла. Значит, они все-таки решились. И сразу: «Отец!» Не с ними, это точно, но где он, что с ним?

Отец. Сердце сжалось от тоскливого предчувствия. Ее самый любимый и любящий, все понимающий и все знающий отец, им порой не надо было слов, взгляд — и все ясно. Как она взревновала, когда он, играя с маленькой Юляшкой, назвал ту солнышком; это она была его маленьким солнышком, пока не было сестры, только она была его единственным маленьким солнышком! И отец тут же почувствовал ее боль, взглянул: «Ты мое солнышко, ты мое единственное». И Юляшка стала «Юляшкой-неваляшкой». А той было все равно, лишь бы любили, лишь бы играли с ней, она всегда хотела быть в центре внимания. Мать, сама интраверт, иногда уставала от такого навязчивого, требующего постоянного внимания и любви холерического темперамента дочери, которая не давала ей погрузиться в свой внутренний мир — почитать, просто посидеть, подумать. Когда отец был дома, мать отдыхала от нее, а та просто забывала об остальных, отец становился центром вселенной. Он мог весь вечер играть с младшей на ковре, быть то страшным медведем, то тигром, а то каким-то «бьяком-закобьяком», от которого со страшным визгом вырывалась и не хотела вырваться маленькая тиранка. Шум стоял ужасный. И это было счастье, их семейное счастье.

Что теперь будет? Что будет с ними? Этот вопрос, видно было, мучает всех. Самые отчаянные шалунишки притихли, призадумались. Все поняли, что они, дети, стали заложниками взрослых. Вот, оказывается, зачем в начале лета развилась бурная деятельность по организации этого элитного лагеря. Как это было сделано, что сюда собрали детей председателей, начальников, управляющих, командиров и т.д.? Чья это гениальная идея? Вот как просто можно взять всех в кулак — взять в кольцо один-единственный лагерь, и вся верхушка в их руках, никто и пикнуть не посмеет. Кто решится рисковать своими детьми? Они, дети, стали разменной монетой в страшных играх взрослых.

Светает. Тишина. Все подавленно молчат. Даже собачек не слышно и не видно, они забились под корпус и затихли, чувствуя общее настроение. Рассвело. И тут стали различимы военные, рассредоточенные с внешней стороны по периметру забора. Они тоже молчат. Вооружены: за спинами виднеются автоматы. Так прошло утро. Завтрака не было, есть не хотелось, волнение подавило аппетит. Но неужели и обеда не будет? На кухне по-прежнему тишина, обслуги вообще нигде нет. Значит, всех вывезли ночью, тихо, без шума. Правильно отец говорит: «Мы можем все и даже больше. Когда захотим.» Но вот наконец какое-то движение. Через ворота проехал армейский «козлик» и остановился возле столовой, из него вышло несколько военных, одни зашли в столовую, двое направились к складу напротив, открыли его ключами, зашли внутрь. В одном из них девочка уловила что-то знакомое. «Юра?» Сердце дрогнуло. Юра — интендант по хозяйству или продуктам, она еще в этом не разбиралась. «Юра!» Опять толчок в сердце: «Не торопись!» Почему он здесь? Значит, с ними? Нельзя! Но... ведь он знает нашу семью, знает папу, он может увидеть его и передать... что передать? Что мы здесь, что все нормально. Господи, о чем она думает, что нормально? Что они живы и что с ними ничего не случилось, да, вот так, и чтобы он не волновался. Надо попросить Юру... В семье часто говорили: надо Юру попросить, надо Юре сказать, заказать. И выполнял, и приносил с добродушной улыбочкой деревенского простака-губошлепа. Черные прямые волосы ежиком, живот, большие влажные губы, и — псориаз. Откуда у этого увальня псориаз, ведь это, говорят, болезнь нервов? Мама как-то (она слышала ее разговор с соседкой) говорила, как неприятно, наверное, жить с таким человеком, — с него, когда он чешется, на пол сыпятся чешуйки отмерших болячек. Фу! Девочка была болезненно брезглива и, представив это, содрогнулась, ее чуть не стошнило. С тех пор ком в горле: он ведь и продукты им привозил. Хотя все было упаковано не им, он только развозил коробки.

И вот теперь ее чуть не трясло от внутреннего напряжения: подойти, не подойти? Желание узнать о семье пересилило, но она не бросилась прямо к нему, а начала как бы от нечего делать прохаживаться вокруг. Когда он отошел немного в сторону, под

Министерство

дерево, разбираясь в своих бумагах, бормоча под нос какие-то цифры, она подошла, встала перед ним и молча в упор стала глядеть. Было видно, что он очень озабочен, пыхтел, копаясь в бумагах; было неудобно, некуда их положить, приходилось пере-кладывать из руки в руку, ставить крыжички, держа бумаги на ладони. Юра несколько раз шепотом зло выматерился, в их доме она никогда этого не слышала.

Она стояла и глядела, выжидая, зная силу своего взгляда, испытывала не раз. Один раз — в школе, на молодом учителе математики. Он объяснял новый материал у доски, быстро, воодушевленно, но постепенно его речь и движения стали какими-то замедленными, неуверенными, он несколько раз останавливался, сбиваясь с мысли, что-то мешало ему. До этого он бросал взгляды в класс, отрываясь от конспектов, но так, обще, ни на кого конкретно, теперь он стал смотреть на них испытующе, на каждого по очереди, и когда наконец наткнулся на ее взгляд, взвизгнув, крикнул: «М-ва, выйди из класса!» Она спокойно: «За что?» «Выйди немедленно!» Она неторопясь вышла, улыбнувшись ему на прощанье. Класс недоуменно молчал, никто ничего не понял. Теперь, заходя, он опасливо взглядывал на нее, она же снисходительно смотрела в окно. Слабак, и за что все девчонки повлюблялись в него? Про себя она прозвала его «истеричкой».

Юра был побежден быстро. Сбившись со счета, он еще раз выматерился и, резко подняв голову от бумаг, уставился со злым выражением на нее: кто это еще здесь мешает? Как в замедленной съемке она увидела метаморфозы его лица: злая маска медленно сползла, уступая место льстиво-угодливой улыбочке, так знакомой ей, она успела даже обрадоваться: ведь когда он так улыбается, можно просить его о чем угодно, даже в шутку приказывать, а он ведь может, может!.. Но вот до него дошло, где они и что происходит, улыбочка сползла, и лицо застыло в непроницаемой маске, неподвижной и холодной. Он ее не знал. Не хотел знать. Она поняла, что просить бесполезно, только унизишься. Отец будет недоволен, для нее это самое страшное — неодобрение отца. И она никогда в жизни не унижалась, и ее не унижали. Она еще не подходила к этому рубежу и — не смогла преодолеть его, как не могла победить в себе брезгливость к Юриному псориазу. Может, он всегда чувствовал это и мстил теперь? Девочка резко развернулась и пошла в корпус, к Юляшке.

Обед все-таки выдали, сухим пайком: тушонка, хлеб, печенье, соки. После обеда начали подъезжать машины и забирать детей. Детей тех, кто согласился. Девочки уезжали молча, не глядя на оставшихся, не прощаясь, не обмениваясь адресами. Торопливо собирали вещи, садились в машину и уезжали. Сразу почувствовалась разобщенность; гнетущее молчание нависло в корпусе, дети не знали, завидовать уехавшим или жалеть их. Разве они виноваты в чем-то? Откуда им было знать? Как они, дети, могли знать и судить дела взрослых?

Ночью сестренки спали в одной постели, Юляшка боялась, прижималась к ней и все хныкала: «Когда папа приедет, хочу к папе, почему папа за нами не приехал?» Девочка обнимала ее, защищая, утешала: «Завтра папа приедет, обязательно приедет и заберет нас». «А почему он сегодня не приехал, за другими приехали, а за нами нет?» «Папа не смог, у него машина сломалась, завтра наладят и он приедет». «Ну и что, что сломалась, взял бы другую, у них в штабе много машин...» Сестра не знала, что сказать на это, гладила маленькую, целовала и приговаривала: «Ну все, спи, спи, Юляшка-невалышка». Юляшка поплакала и уснула. А она не могла спать. И отец тоже не спит, она знала это. Как он мог спать в этой ситуации, когда при любой простуде у них он страшно волновался, сам ставил им градусники. Это потом они с мамой смеялись над Юляшкой, как та температурила и капризничала: «Не хочу болеть, хочу градусник...» Да, потом, а тогда он стоял на коленях перед кроватью, бледный, беспомощный, и сердце его разрывалось от любви и жалости.

Уснула под утро. Приснилось: зимний сумрачный день, какой-то тоскливый, то ли день, то ли вечер, серое войлочное небо низко-низко над землей, давит. Она бежит по лыжне, а за ней тоже на лыжах гонится странный человек: вместо головы у него телевизор и вместо лица — экран, потухший экран телевизора. Ей страшно, он размеренно и неотвратимо нагоняет ее, движения его механически неутоми-мы, как у робота. У нее уже нет сил бежать, она задыхается, сердце, кажется, вот-

вот лопнет, и тогда она взлетает и летит, а он продолжает бежать по лыжне. Она хочет взлететь повыше, чтобы быть подальше от него, но вокруг много столбов с проводами, они опутывают все небо, она бьется как птица, не может прорваться сквозь них. Не может найти прохода, чтоб вырваться в небо. Проснулась с бешено колотящимся сердцем, со страхом вспоминая этого ужасного человека с лицом потухшего телевизора. Какая нелепость.

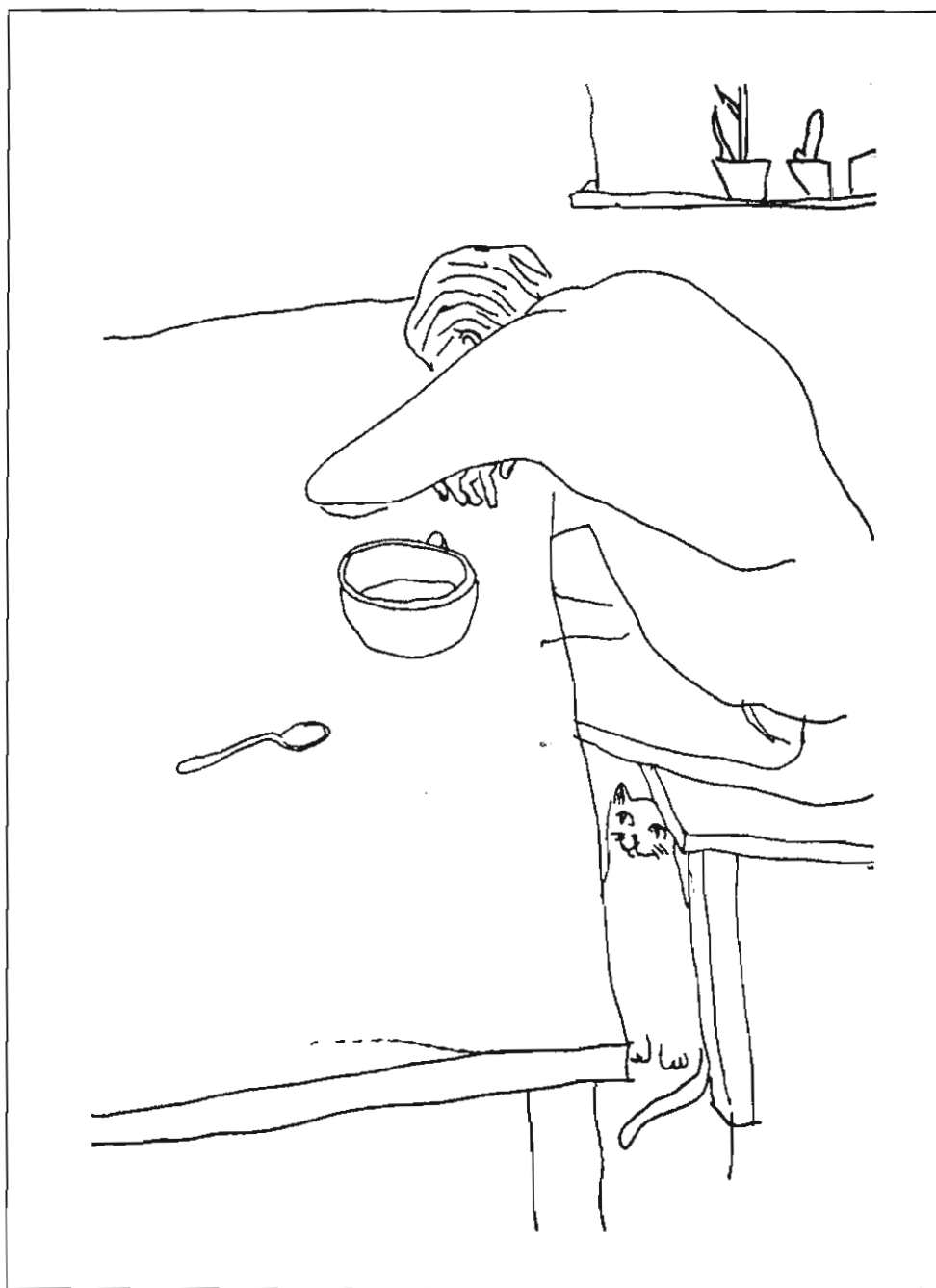
Их вывезли на следующий день. Всех. Подъехал один большой автобус, и все в нем разместились. Лагерь опустел. Ворота долго не хотели закрываться, где-то заело, створки не сходились. Солдаты возились с ними, приподнимали, стучали, пытались захлопнуть с размаху. Лагерь сопротивлялся. На этот прощальный грохот и скрежет вылезли наконец-то собачки и растерянно заметались у ворот. Сердце сжалось: а как же они? Но автобус уже тронулся. Никто их не сопровождал, у шофера был список и адреса, он останавливался, открывал двери. Дети молча выходили, шли домой, притихшие, подавленные.

Открыла мать. Девочка не сразу узнала ее, до того та стала похожа на свою мать — их бабушку. Страшно осунувшееся лицо, черные обводя вокруг глаз, и — глаза, безумные бабулины глаза. Мать стояла и смотрела на них этими страшными чужими глазами. Стояла и молчала. Не бросилась к ним, не целовала, не рыдала от счастья, что они живы. Разглядывала их как-то отрешенно, словно видела впервые. И тут из-за ее спины бросилась к ним, упав на колени и чуть не сбив с ног, тетка, схватила их в объятия и закричала — запричитала: «Ой родненькие вы мои, сиротинушки вы мои бедные, ох, горюшко — горе какое, Господи, спаси и защити бедных деточек!» Кто сиротинушки? Они? Почему? А тетка продолжала свой плач: да как он, сокол ясный, страшно боялся за них, как маялся, места себе не находил, потому что им сообщили, что дети вывезены в другое место, чтоб сами не искали их, а то будет хуже для детей. Как побелел да упал, как в кровь изодрал себе грудь, когда разрывалось его сердце.

Она освободилась от теткинх объятий, прошла и села. Юляшка наконец опомнилась и разревелась; мать очнулась, закричала страшным голосом на тетку: «Замолчи!» Но поздно. Она уже все узнала. Инфаркт. И сразу в мозгу вспыхнуло: «Юра!» И следом: «Гадина! Сволочь! Он ведь мог, мог! Он ничего не сказал папе!» И нахлынула ненависть, заполнила, затопила ее всю, она чувствовала ее даже в кончиках пальцев. Ее трясло от ненависти: «Гадина! Гадина!» Мать подошла и стала гладить ее по голове какими-то размеренными механическими движениями. И она, пережив как острый приступ аппендицита, этот приступ ненависти, прислушивалась к этим движениям, чувствуя, как уходит, стихает ненависть, оставляя звенящий гул во всем ее обессилевшем теле, оставляя пустоту в сердце, холодную, как после наркоза; но она уже знала, что это скоро пройдет, наркоз кончится, и сожмет, навалится, накатится на нее боль, боль ее отца, и что будет она умирать за него, и мучиться, и все чувствовать, что чувствовал он, умирая; и будет она кричать и рыдать; и пройдет по затылку холод, и поднимутся волосы от ужаса перед его муками, и впервые обратится она к Богу: «Боженька мой, дай мне силы устоять, выжить, пережить это», — ибо знала уже, что осталась одна теперь в целом мире для них — для Юляшки и для матери — опорой вместо отца.

Приступ ненависти откатывал, как в океане огромная волна, спокойно, лениво, оставляя в душе холодную пустоту. Но так же неумолимо и неотвратно накатывает другая, — и никуда не деться от нее, не убежать, не спрятаться на отцовской груди — никогда. И, зная это, она цеплялась за передышку, всеми силами стараясь продлить ее, сосредоточив все свое внимание на движениях материнской руки, продолжавшей размеренно, бездумно гладить ее: от лба — к затылку, на затылке рука отрывается и снова: от лба — к затылку. Она, как замороженная, прислушивалась к этим движениям, в них было что-то магическое, вековое, утешающее. Но она знала, что и это не вечно. И вот, как она ни боролась, но что ее силенки, ее сопротивление, а оно вот — подступает все ближе и ближе к горлу, давит беспощадно, не дает дышать, она уже не слышит материнской руки, не чувствует ни себя, ни своего тела, ничего вокруг, — есть только оно, которое лезет наружу,

Мистическое

А. Классен. Без названия.

которое ни проглотить, ни выплюнуть — вот оно: по сведенному судорогой горлу, ломая, выворачивая гортань, рвется крик!

— Па-а-а-п-а-а-а!!!

Зачем?!!! Зачем ей надо было узнать эту боль, его боль, почувствовать, как разрывается его сердце?! Разве детское сердечко сможет выдержать то, чего не выдержало сердце этого огромного сильного мужчины? Почему она должна выдержать его боль?! Она не успела, бедная пташечка, захлопнуть свое сердце, не думать об этом, она еще не знала, что об этом нельзя думать, она пропустила момент — и боль хлынула в нее, заполняя, переполняя, переливаясь через край. И она закричала, слыша себя со стороны, ужасаясь себе; крик рвался из нее, боль надо было выкричать, иначе она разорвет ее сердце. Вот почему: отец не мог кричать и плакать, — и боль убила его. Отец умер потому, что был сильным.

И она будет кричать, будет долго кричать, не замечая ни суматохи вокруг, ни белых халатов врачей, вырываясь, не давая поставить укол. Потом, когда кончатся силы и крик иссякнет, — придут наконец-то рыдания. Вначале глухо взлаивая, давась, не умея — она зарыдает. И хлынут слезы, спасительные слезы...

...Оказывается, и это не самое страшное. Самое страшное — увидеть его мертвым. Этого она не могла представить — он, большой, сильный, умный, любимый, самый любимый на свете — как он будет лежать здесь, холодный, чужой, с закрытыми глазами? Куда он ушел? Эта загадка существует столько, сколько существует человек, каждый пытается разгадать ее и никому это еще не удалось сделать...

...Самое страшное — это жить теперь без него.

Опять кто-то выключил телевизор. Она встала и включила снова. На нее осуждающе посмотрели, но ничего не сказали. По телевизору один за другим на балконе Белого Дома выступали победители. Никита Михалков своим специфическим голосом все просил: «Дайте сказать интеллигенции!» — а ему все не давали. Девочка бездумно смотрела на экран, не воспринимая событий. Подошла Юляшка, прижалась к ее коленям, спросила, заглядывая в глаза снизу вверх: «Мы больше никогда не поедem в лагерь, правда?» Тут она впервые за эти дни вгляделась в сестренку, с болью отметив похудевшее серьезное личико, вспомнила, что с тех пор, как они приехали, Юляшка не шумела, не смеялась, никому не мешала. Бедная моя Юляшка-неваляшка, ты тоже повзрослела! Она прижала ее к себе, глядя по голове, ответила: «Да, мы больше никогда не поедem в лагерь». «Никогда. Не поедem. Никогда не поедem в лагерь. Лагерь». Почему-то вдруг вспомнилось, как мама, разглядывая ее первые учебники, смеясь, рассказывала про свой букварь. Запомнилась странная фраза: «Мы не рабы, рабы не мы». Непонятно было про рабов, то ли рабы «не мы», то ли «немы». И теперь эти две фразы слились в ее мозгу, они бились в ритме колес поезда: «Мы-ни-ког-да-не-по-е-дем-в-ла-герь-мы-не-ра-бы-ра-бы-не-мы...» Она гладила сестру теми же материнскими движениями, не замечая, что говорит вслух: «Мы-не-ра-бы-ра-бы-не-мы...» Юляшка замерла, завороченно слушая ее.

Раздался звонок в прихожей. Все взрослые были на кухне. Она нехотя отстранила Юляшку, встала, пошла, открыла дверь.

Юра. Он стоял на площадке, увешанный свертками и коробками, улыбался добродушно-сочувственно: «Вот, генерал приказал, чтоб все по высшему разряду. Тут сервелат, сыр, рыбка...»

Она молчала, потрясенная. Видела: большие влажные губы шевелятся, открываясь и закрываясь. Звук не было, как в сломанном телевизоре, зато изображение четкое, как бы увеличенное. Она впервые разглядела его лицо, мясистое, оплывшее. «Юра! Гадина!» Оглохнув от вновь нахлынувшей ненависти, она вдруг услышала: в голове ее что-то хрустально лопнуло, как перегоревшая лампочка, и тихо-тихо зазвенело. Желудок свело мучительной судорогой: на плечах его лежали белые жирные чешуйки. А звон стремительно нарастал, усиливался и приближался, приближался...

Михалков

Владимир Еселевич

Родился в Красноярском крае. В 1988 г. окончил Иркутский медицинский институт. Работает врачом-хирургом. Автор пьес, рассказов, стихов. В этом году в издательстве «Папирус» выходит сборник прозы «Звонок с того света». Живет в г. Железногорске.

7: 0 В ЕЕ ПОЛЬЗУ

Эксцентрическая комедия в двух действиях с эпилогом

Действующие лица:

Г о р о д и л о в Вячеслав Юрьевич, школьный учитель, литератор
К с е н и я, его жена, предприниматель
Л ю с я, их дочь, 16 лет
П а ш к о в Николай Ильич, школьный учитель
С в е т л а н а, его жена, врач
Г е н а, Люсин одноклассник
1-й покемон } подростки 16–17 лет
2-й покемон }

Действие первое

Картина первая

Городской вокзал. Лето. Толпа разгоряченных июньским солнцем людей перед светящимся оранжевыми буквами и цифрами огромным электронным табло. Среди них Вячеслав Юрьевич, высокий худощавый блондин с задумчивым, несколько отрешенным взглядом. Рядом с ним его жена Ксения, в отличие от своего мужа живая, подвижная, в нетерпении постукивает каблук по гранитной плитке.

К с е н и я. Не представляю его взрослым. Он такой чудак... Неужели изменился? Помнишь, как он ухаживал за мной? Я тогда на восьмом месяце ходила, и никто даже не догадывался — живота-то у меня совсем не видно было.

Г о р о д и л о в (сухо). Он-то изменился, а вот ты все кокетничаешь. Не надоело?

К с е н и я (не замечая его тона). Каким он смешным мне тогда казался... милым, смешным. А когда узнал, что мы с тобой уже год как женаты, — так

расстроился. Мне его до слез жалко было.

Городилов. Я сейчас заплачу.

Ксения (в сторону). Вот зануда.

Городилов (не расслышав). Ты что-то сказала?

Ксения. На четвертый путь прибывает.

Городилов. Вижу.

Они уходят в полумрак тоннеля и вскоре появляются оттуда вчетвером, увешанные с головы до ног сумками и пакетами, оживленно переговариваясь на ходу.

Пашков. На целый час опоздал тихоход. Я чуть было в Тайге не вышел, чтобы на другой пересечь. Задали мы вам хлопот.

Городилов. Ну что ты, подумаешь час, зато мы с женой целый час общались.

Светлана. Вы так редко общаетесь?

Ксения. Нет, мы так редко гостей встречаем.

Пара, которую они только что встретили, примерно одних с ним лет. Мужчина уступает в росте Вячеславу Юрьевичу, заточен крепкого сложения, загорелый и, по всему видно, энергичный. Его спутница очень красивая женщина, вероятно моложе его. У нее несколько странный для такой красивой внешности нахмуренный и серьезный вид, как будто она все время чем-то раздосадована. Такой она остается на протяжении почти всей пьесы. Перед выходом в город останавливаются, чтобы немного передохнуть.

Пашков. Братцы, сколько же мы не виделись с вами?

Городилов. 15 лет.

Пашков. Бог ты мой! Значит, Люсе уже 16. Футы-нуты, палки гнуты.

Светлана (одергивая его). Прекрати эти свои дурацкие присказки, ты не у себя в деревне.

Ксения (заступаясь за него). Ну что вы, Светочка, это же он от удивления.

Светлана. Нет, это его обычный деревенский жаргон. С тех пор, как я за ним замужем, он на другом языке не говорит. Чему он детей учит — ума не приложу.

Городилов. Нельзя же все время высоким стилем выражаться. В школе

Николай Ильич, по-видимому, по-другому себя ведет.

Светлана (резко). Ошибаетесь. Точно так же и ведет, уже почти запа nbrата с учениками.

Городилов (успокаивая ее). Хорошо, хорошо. Мы с ним разберемся.

Пашков (делая вид, что сконфужен). Уж вы разберитесь со мной.

Продолжая движение, скрываются за сценой. Оттуда доносятся звуки хлопнувших дверей, урчание мотора отъезжающей от привокзальной площади машины.

Картина вторая

Квартира Городиловых. Все предметы: мебель, вещи в квартире в несколько хаотическом состоянии из-за того, что здесь многие годы идет упорный ремонт, который никогда не заканчивается, то ли из-за нехватки средств, то ли из-за каких-то внутренних распрей. В зале некоторое подобие современного евроремонта: выкрашенные в светлые пастельные тона стены, потолки с лепнинами, авангардистская люстра из переплетенных между собой блестящих металлических дуг, встроенные в стены полки и т. п. Справа арка, она соединяет прихожую с залом. Слева боковой гранью к зрительному залу застекленная лоджия, сквозь которую солнечный свет днем, а лунный ночью освещает комнату. На противоположной стене две точно такие же арочные ниши, за одной из которых угадывается спальня, за другой — детская. Мебель обычная: мягкий уголок, пуфики, стол-тумбочка с музыкальным центром; интерьер дополняют несколько не очень понятных картин. Скорее всего, это копии великих в довольно примитивных безыскусных рамках, развешанных на стенах в таком порядке, какой, вероятно, показался хозяевам наиболее правильным. Над музыкальным центром, который находится на середине расстояния между арками-проходами, висит овальное зеркало в оригинальной оправе из черного резного дерева. Не исключено, что это антиквариат. За накрытым столом в зале сидят Ксения и Светлана. Мужчины в это время беседуют в лоджии. Светотень, высвечивая их лица, скрывает в то же время в тени женщин.

Пашков. Жаль, что Люси нет. Понимаю, что ей до нас никакого дела, а все же обидно будет не увидеть ее.

Городилов (рассеянно, не совсем понимая его). Увидитесь... Мы и сами-то видим ее от случая к случаю. То она

на танцах, то с друзьями где-нибудь общается.

П а ш к о в. У вас почему-то это словечко часто произносится.

Г о р о д и л о в. Какое?

П а ш к о в. «Пообщаться». Я пообщался, он пообщался, мы пообщались. Как будто все вдруг стали такие общительные.

Г о р о д и л о в. Не пойму, чем тебя это слово не устраивает. Оно очень позитивно, настраивает на дружеский лад.

П а ш к о в. Нет, нет, все нормально. Мы ведь тоже сейчас с тобой общаемся.

Г о р о д и л о в (усмехаясь). А ты все такой же крокодил: не укусишь, так цапнешь. И всегда себе на уме... Ты лучше расскажи о своем деревенском житие-бытие. Почему в город-то до сих пор не переберешься. Село сдохло, перспектив никаких. Как вообще там можно жить, не понимаю. Жена у тебя такая тонкая, образованная, ведь зачахнет скоро там.

П а ш к о в. А мне нравится. Не представляю себе другой жизни. Проблем, конечно, хватает, ну так разве их в городе нет? От одной только суеты вашей голова кругом идет. Каждый норовит через игольное ушко в рай пролезть, и никто, между тем, не верит ни в Бога, ни даже в черта.

Г о р о д и л о в. А ты веришь?

П а ш к о в. Если Природа — Бог, то я верующий.

Г о р о д и л о в. Хм, где-то я эту фразу слышал.

П а ш к о в. Возможно.

Тень облака, напозшая на солнце, туширует их фигуры, и в то же время ярче становится свет в комнате, и отчетливей и громче звучат голоса сидящих за столом женщин.

С в е т л а н а. Я тебя почему-то именно такой и представляла.

К с е н и я. Да? А я, знаешь, тебя нет.

С в е т л а н а (заинтригованно). И какой же?

К с е н и я. А ты не обидишься?

С в е т л а н а (нахмурившись). Ну что ты!

К с е н и я. Мы ведь с Николаем пять лет вместе проучились. Лучшие годы, студенчество, всякие там разные истории, понимаешь?

С в е т л а н а. Пока не очень.

К с е н и я. Мне всегда казалось, что он выберет себе такую же простую, веселую, с легким характером девушку, которая нарожает ему кучу детей и...

С в е т л а н а (сухо перебив ее). У меня не может быть детей.

К с е н и я (испуганно). Прости, пожалуйста, я ничего не знала.

С в е т л а н а (иронично). Мало того что я бесплодная, я еще не такая простая и уж совсем не веселая.

К с е н и я (прижав руки к груди и перейдя от волнения на «вы»). Светочка, умоляю, простите меня, это так нехорошо. Сколько раз Слава делал мне замечания за то, что я откровенно могу сказать человеку то, что о нем думаю.

С в е т л а н а (усмехаясь). Правду-матку, значит, любишь резать в глаза... Что ж, на это нынче не каждый способен. А ты молодец, и не надо так извиняться, ты ведь действительно ничего не знала.

К с е н и я (поспешно). Ну конечно.

С в е т л а н а. Ну вот, значит, поговорили.

К с е н и я. А давай о чем-нибудь другом поговорим.

С в е т л а н а. О чем же?

К с е н и я. Расскажи, как вы с Колей в деревне живете. Из его писем мы кое-что знаем, но вот с твоей точки зрения, как там у вас жизнь?

С в е т л а н а. Своей-то... Наверное, хуже, чем с его. Представь себе поселок. Три с половиной тысячи душ. Из них больше половины — дети и старики. Две улицы заасфальтированы, остальные брошены на половине. Церковь, рядом поссовет, напротив милиция. Там и сям барражируют священные животные, которым негде пастись, да к тому же единственный пастух в деревне третий месяц в запое, — и они с утра до вечера объедают придорожную зелень. В больничном саду, например, козы сожрали все молодые побеги яблонь, которые мы специально привезли из питомника. А зимой... зимой могут отключить на несколько дней свет или горячую воду, или все сразу. Труженики непонятно с каких заработков пьянствуют или маются с похмелья и от безделья. Сельская интеллигенция — врачи, учителя целыми днями, засучив рукава, не разгибая спин, пахнут на своих участках, а потом

еще ночами не спят — караулят потом политый урожай, поскольку ворья и захребетников в нашем крае нынче — хоть отбавляй. Тебе интересно?

К с е н и я. Не знаю, что и сказать... Ты с такой ненавистью об этом рассказываешь. Ну а природа? Коля всегда писал, что у вас очень красивая природа.

С в е т л а н а. Еще бы... «Природа-мать, когда б таких людей ты не давала миру, заглохла б нива жизни».

Ее фраза совпадает с появлением в зале мужчин. Они переглядываются.

П а ш к о в. Это ты о нас?

С в е т л а н а. О вас, родимых, о ком же еще.

Г о р о д и л о в. Наверное, нам всем нужно немного выпить.

К с е н и я *(вставая)*. Я за горячим *(уходит на кухню)*.

С в е т л а н а. А у нас в деревне самогон пьют. Придет какой-нибудь на прием и дышит, дышит ядом гремучей змеи. Спичку поднести — тут же все на воздух взлетит.

Г о р о д и л о в. Террористы-смертники.

П а ш к о в. Несчастные люди...

С в е т л а н а. Государство старается прикончить всех, а мы не даем: и лечим их, и лечим... Кого лечим? Зачем?

П а ш к о в *(Светлане)*. У тебя опять плохое настроение?

С в е т л а н а *(с иронией)*. Интересно, кто мог мне его испортить?

Возвращается Ксения. В руках у нее поднос с горячими блюдами. Она аккуратно выставляет их на стол, желает всем приятного аппетита, затем собирает на поднос грязные тарелки и опять уходит. Светлана с интересом за ней наблюдает.

С в е т л а н а. А вот у меня дома муж за гостями ухаживает.

Г о р о д и л о в *(с интересом)*. Да?

С в е т л а н а. Ничего мне не дает делать, все сам да сам.

Пашков удивленно смотрит на нее, но ничего не говорит.

Г о р о д и л о в. Так Коля, как я помню, всегда хозяйственным был. Он всю нашу ораву в общежитие кормил.

Привезет, бывало, из деревни картошки, сала...

С в е т л а н а. Самогонки...

Г о р о д и л о в. Нет, самогонки он не привозил. В наше время было принято пить «Тамянку», этакое сладенькое безобидное винцо. Мы его покупали вскладчину, а закусывали Николиным салом. Кстати, ты сала случайно не захватил?

П а ш к о в. Чем же ты сейчас закусывал?

Г о р о д и л о в *(удивленно)*. Так это оно? *(пробует кусочек, жует... с ностальгией в голосе)*. Знаешь, то, которое ты студентом привозил, все-таки вкуснее было.

П а ш к о в. Ты мне напоминаешь одного нашего знакомого.

С в е т л а н а. Прекрати!

Г о р о д и л о в. И кого же?

Появляется Ксения. Она успела переодеться в новое платье и выглядит очень эффектно. Николай Ильич не сводит с нее глаз. Пока она усаживается за стол, Городилов переспрашивает:

— Так кого же я тебе напоминаю?

П а ш к о в *(вполголоса, косясь на жену)*. Я тебе потом расскажу.

Г о р о д и л о в *(подняв рюмку)*. Если нет возражений, предлагаю выпить за здоровье наших очаровательных дам.

Соприкоснувшиеся рюмки и бокалы издают тонкий мелодичный звон, перерастающий в негромкую музыку. Городилов церемонно приглашает Светлану на танец. Ксения с улыбкой смотрит на Пашкова. Наконец он решается и подходит к ней. Светлана и Городилов кружатся в глубине комнаты, а Ксения и Пашков, который не умеет танцевать, неуклюже топчутся на авансцене.

К с е н и я. А ты возмужал, загорел. И руки у тебя такие крепкие. Наверное в деревне много физической работы?

П а ш к о в. Хоть отбавляй. Сколько ни делаешь, кажется, за целый век не переделать.

К с е н и я. Хочу в деревню.

П а ш к о в. А моя городом бредит. Каждое утро вместо молитвы читает проклятия. Самое безобидное: «Пропади она пропадом, твоя деревня со всеми ее престеями».

Подписи

К с е н и я. Вот почему она такая сердитая.

П а ш к о в. И поэтому тоже.

К с е н и я (*спохватившись, прикусывает язычок, заглядывая ему в глаза*). А ты часто обо мне вспоминал? Только не лги, я ведь по твоим глазам сразу увижу.

П а ш к о в. Нет, Ксения, не часто. Столько лет прошло...

К с е н и я (*продолжая смотреть ему в глаза*). Нет, не лгут (*некоторое время танцуют молча*). Когда Слава читал твои письма, где ты деликатно интересовался обо мне одной строкой, я всегда думала: почему ты не хочешь узнать обо мне больше, что это, твоя природная скромность или ты действительно серьезно относишься к переписке со старым другом? Скажи, ведь правда же, по большому счету ни один его совет тебе не пригодился? Да, да, я опять все вижу по твоим глазам. Он хороший человек, заботливый, честный, но, к сожалению, давно не замечает ничего, что происходит вокруг... хотя пишет стихи. Книжка вот недавно вышла.

П а ш к о в (*удивленно*). Да ну! Как же это он не проговорился!

К с е н и я (*со смехом*). Это я, болтливая, проговорилась. А он тебе сюрприз приготовил. Но т-с-с, молчок, больше ни слова...

Приблизившись к ним и сменив их на авансцене, танцуют и разговаривают Светлана и Городилов. Пара, которая здесь только что была, перемещается на их место.

С в е т л а н а (*с чувством*). Первый раз в жизни танцую с настоящим живым поэтом. Прочтите, пожалуйста, что-нибудь еще.

Г о р о д и л о в (*читает*). «Она сказала: «Он уже уснул» и верхний свет неловко погасила, и, съездившись, халат упал на стул. Мы с ней не говорили про любовь...»

Внезапный крик Ксении «Ой». Светлана и Городилов останавливаются. Музыка замолкает.

Г о р о д и л о в. Что случилось?

Подходят со Светланой к Ксении, которая, виновато улыбаясь, морщится от боли.

П а ш к о в (*в смущении разводит руками*). Вот, понимаешь...

Г о р о д и л о в. Эх ты, слон в посудной лавке.

С в е т л а н а (*участливо*). Давай посмотрю, я все-таки доктор (*обняв прихрамывающую Ксению за талию уводит ее в спальню*).

Мужчины садятся к столу.

Г о р о д и л о в (*наливает в рюмки*). Ну что ж, пока никого нет...

П а ш к о в (*шутливо*). Ты часом не алкоголик?

Г о р о д и л о в (*с нафосом*). Поэта может каждый обидеть. Знаешь ли ты, за что мы сейчас будем пить?

П а ш к о в (*предвкушая*). Конечно нет.

В руке у Городилова появляется маленькая тощая книжечка, которой он потрясает в воздухе.

Вот он, Коля, мой первый поэтический сборник!

П а ш к о в (*душевно*). Поздравляю, старина (*встает, обнимает друга, разглядывает книжку*).

Г о р о д и л о в (*важно*). Это мой подарок тебе.

П а ш к о в. Вот как... И уже написал? Славно, славно. От души рад за тебя. За это, старик, надо непременно выпить.

Чокаются, выпивают.

Г о р о д и л о в (*торжественно*). Годы труда, счастья, ненависти, любви — все здесь, все в этой книге.

П а ш к о в (*застыв с вилкой у рта*). Все в одной книге? А других стихов... произведений нет?

Г о р о д и л о в. Грибы, Коля, и те каждый год не растут. Тебе, как сельскому жителю, должно быть это известно. А стихи... они, дорогой мой, здесь рождаются (*он хлопает себя в грудь*) и растут здесь же, как дети, — долго-долго.

П а ш к о в. Жаль...

Г о р о д и л о в. Чего тебе жаль?

П а ш к о в. Жаль, что следующую книгу ты мне подаришь, когда нам с тобой стукнет по 50.

В зале снова появляются женщины. У Ксении немного смущенное выражение лица. Светлана, напротив, очень довольная.

Городилов. Ничего серьезного?

Светлана (загадочно). Как сказать... впрочем, перелом я исключила.

Ксения. Жить буду, не волнуйся.

Городилов. Не сомневаюсь.

Пашков. А мне Слава книжку подарил.

Светлана. Какую книжку?

Пашков. Свой первый поэтический сборник. Вот он! (показывает книгу).

Светлана (Городилову). Как же так, вы же мне обещали.

Ксения. Не переживай, у нас их как грязи. В Люсиной комнате ступить некуда — весь пол ими заставлен.

Городилов (Пашкову). Почему ты на язык ей не наступил?

Светлана. Умоляю, только не ссорьтесь. У меня есть предложение.

Все смотрят на нее с выжиданием.

Пойдемте гулять. Заодно и город нам покажете. Мы ведь к вам всего на один день заехали.

Городилов. Как на один день?! (Пашкову) Ты же писал, что на все лето приедете. Мы и дачу уже вам сняли, и на Байкал все вместе собирались... К чему такая спешка, старик?

Пашков молча разводит руками, давая понять, что он тут ни при чем.

Светлана. Да, к сожалению, мы проездом. Завтра мы должны продолжить путь. Мы едем к моим родителям в Приморье.

Ксения (разочарованно). Ничего себе расклад.

Все огорчены. Играет музыка, сначала медленно, негромко, потом темп нарастает, превращаясь в быстрый эстрадный ритм. На сцене появляются «покемоны». Они дурчатся, хохочут, толкают друг друга, потом быстро убегают со сцены. Гаснет свет.

Загорается свет. Оглушительная музыка. Танцуют трое подростков. Люся, одетая в топик и короткую юбочку, довольно профессионально исполняет танец рок-н-ролл то с одним, то с другим «покемоном». Наконец

с помощью ребят крутит сальто и садится на шпагат.

Люся (сидя на шпагате). И чем я не звезда?

1-й покемон (подходя к столу и рассматривая, что на нем осталось).

Ты, Люся, супер!

2-й покемон (помогая девушке встать). Ты, Люся, отпад!

Люся. А вы кретины — дверь-то не закрыли, сейчас соседи носы повывывают.

Покемоны убегают закрывать дверь. Люся, напевая, прихорашивается перед зеркалом. Вбегают покемоны.

(Хором). А дверь-то закрыта!

Люся (спокойно). 4 : 0.

1-й покемон. Опять разыграла. Как ей удастся все время нас дурачить?

2-й покемон. Больше не поддадимся.

1-й покемон. Ни за что.

Люся. Так, гоплины, я в ванную. А вы ведите себя прилично. Да не вздумайте подглядывать за мной.

Уходит. Вскоре за сценой раздаются шум и плеск воды, Люсино пение. Покемоны переглядываются.

1-й покемон. Она что, дверь в ванную не закрыла?

2-й покемон. Опять разыгрывает...

1-й покемон. А слабо сходить посмотреть?

Секунду смотрят друг на друга, затем, подражая спортсменам или крутым парням, хлопают друг друга в ладоши, крадучись, выходят из-за стола и скрываются за сценой. Через какое-то мгновение там раздаются шум, крики, обиженные возгласы. На сцену выбегают совершенно мокрые покемоны. За ними выходит Люся в той же самой одежде, в которой она впервые появилась на сцене, с ведром в руке.

Люся. Как душик, извращенцы?

1-й покемон (стуча зубами). Холодно...

2-й покемон (тоже дрожа). Хоть бы г-г-горяченькой разбавила.

Люся. Еще чего (усмехается, глядя

Подписки

на них). Ладно, раздевайтесь. Я вам полотенца сейчас принесу.

Покемоны снимают с себя мокрые майки.
Входит Люся с полотенцами.

Люся. А штаны?

Покемоны (хором). А мы без этих...

Люся. Без трусов, что ли? Ну точно извращенцы. Как это я раньше не догадывалась? Снимайте, я отвернусь.

Ребята, завернувшись в полотенца, снимают штаны.

Люся. Все?

Покемоны (трясаясь). Все.

Люся забирает у них одежду, уносит на балкон.

1-й покемон. Как в бане.

2-й покемон. Веников только не хватает.

Возвращается Люся.

Люся. Пока ваши причиндалы сушатся, буду лечить вас, бедненьких. (Идет к столу. Покемоны семят за ней.)

Люся (разглядывая бутылку). «Гжелька»... Кажется от простуды в самый раз. (Покемоны согласно кивают головами.)

Люся наливает им водку.

1-й покемон. С легким паром (опрокидывает рюмку).

2-й покемон. Смокрой задницей (выпивает вслед за первым).

Люся (налив в бокал вина и слегка пригубив). Странно, почему вы все-таки без трусов?

1-й покемон. Для усиления ощущений.

2-й покемон. Для быстроты действий.

Люся. Жаль, а я думала, потанцуем.

Покемоны (уже согревшись и повеселев, переглядываются хором). А мы не против.

Люся (ведет свою игру). Может, мне тоже в полотенце завернуться?

1-й покемон. Люся, ты супер!

Люся. А это не опасно будет?

2-й покемон. За кого ты нас принимаешь?

Люся (со вздохом). Ладно, уговорили.

Уходит. Радостные покемоны хлопают друг друга в ладоши. Появляется Люся в закрученном на груди махровом полотенце. Плечи ее оголены, она кажется смущенной.

Покемоны (с восторгом). Люся...

Люся. А теперь будем танцевать.

Подходит к магнитофону, включает его, потом берет за руку 1-го покемона, танцует с ним под музыку. Второй покемон топчется возле них, ожидая своей очереди. Наконец первый ему уступает, и Люся продолжает танцевать со вторым. Кассета заканчивается.

Люся. Еще «Гжельки»?

Покемоны (хором). Умница ты наша.

Люся. Только по полрюмки и больше ни-ни, а то возись тут потом с вами (наливает водку).

1-й покемон. За нашу звездочку.

2-й покемон. За суперзвездочку. (Выпивают.)

Люся. А ну-ка закусывайте сейчас же!

Покемоны охотно выполняют приказание, дружно жуют.

1-й покемон. Люся, а когда у нас будет «это»?

Люся (прикидываясь непонятливой). Что «это»?

2-й покемон постукивает кулаком в ладошку.

Люся. Динь-динь?

1-й покемон. Ну...

Люся. Это за то, что я вас пою здесь и кормлю? Очень мило. Вы случайно не альфонсы? (Первому покемону.) Ты, кажется, новый плейер мне обещал? (Второму.) А ты «сейку»? Ну и где все это?

2-й покемон. У нас сейчас, Люся, бабок нет.

Люся (жестко). А я в долг не даю (тут же загадочно улыбаясь). И вообще,

может у нас с вами дефекты какие-нибудь, а разочаровываться так не хочется.

1-й покемон. Люся, ты что, какие дефекты? Мы же вместе в танцевальный ходили.

2-й покемон. Точно.

Люся (*улыбаясь*). Ну и что с того, главного-то я не видела.

Покемоны (*переглядываются и начинают безудержно хохотать, показывая друг на друга пальцами*). У нас, ха-ха, у меня, ха-ха, у него, ха-ха, да мы ого-го, ха-ха.

Люся (*громко*). Есть предложение.

Покемоны замолкают.

На счет «раз, два, три» сбросить всем полотенца. Согласны?

2-й покемон (*недоверчиво*). И ты сбросишь?

Люся. Ну не я же одна, все вместе. Сразу видно будет, стоит ли с вами связываться.

Покемоны, ерзая на стульях, нервно хихикают.

Люся. Ну так что, любители острых ощущений, слабо?

2-й покемон. Ладно.

1-й покемон. Смотри, Люська, сама напросилась.

Все трое встают из-за стола, выходят на середину комнаты. Люся встает лицом к зрительному залу, покемоны спиной. Подняв одну руку вверх, другой демонстративно взявшись за скрученный на груди край полотенца, она начинает отсчет: «Один, два... три!»

Полотенца падают на пол. Ребята стоят голые, Люся в купальнике. Гаснет свет.

(*Голоса.*) Люська, зараза, где ты? Люська!

б : 0! (*торжествующий крик Люси, грохот падающих стульев*).

Картина третья

Небольшой сквер педагогического института с тенистыми деревьями. Фасад старого здания. Массивные двери парадного входа закрыты на замок. Отсюда вглубь сквера убегает асфальтовая дорожка, по которой прогуливаются Ксения и Николай Ильич.

Ксения. Давай присядем.

Усаживаются на скамейку. Над ними шумит листва больших деревьев, и причудливые тени, которые она дает, как мозаика, дрожат и переливаются на их лицах.

Ксения. Вот мы и одни.

Пашков (*усмехаясь*). Сбежали.

Ксения. Ты волнуешься.

Пашков. Может быть... немного. Но не из-за этого.

Ксения. А из-за чего?

Пашков (*осторожно*). Боюсь, мы затеяли то, во что сами не очень верим.

Ксения. Не нравится мне такой ответ. Весь день я радуюсь тому, что рядом со мной цельный, сильный, уверенный в себе мужчина. И вдруг «боюсь», «не верю»... Я-то верю, а вот ты вроде как боишься. Поцеловать — и то по-человечески не смог (*смеется*), палец вот отдал. (*Пашков смущенно улыбается.*) Где твой авантюризм, где мушкетерский дух?! Ты оглянись вокруг, мы же сейчас с тобой на том самом месте, где ты меня подбивал не идти на лекцию, а у самого уже билеты в кино были куплены.

Пашков (*недоуменно оглядываясь*). Мать честная, конница лесная! И правда, это же наша скамейка! А вон тот самый тополь, под которым мы пытались от дождя спрятаться.

Ксения (*смеясь*). И конечно, промокли как цуцки.

Пашков. Оксана...

Ксения. Да, Коля.

Пашков (*с волнением*). Неужели это мы здесь были? Неужели это все было нашим?

Ксения. Почему «было»? Оно и сейчас наше.

Грустно улыбаясь, смотрят друг на друга.

Пашков. А ты про деревню тогда серьезно сказала или только пошутила? Неужели ты бы смогла жить в деревне?

Ксения. Почему нет, мне кажется и смогла бы жить везде, если бы точно знала зачем.

Пашков (*удивленно*). Ты не знаешь, зачем живешь?

Ксения. А ты знаешь? (*со вздохом*). Впрочем, ты-то как раз знаешь. Женщины, Коля, по-другому устроены. Они чаще зависят от обстоятельств, хотя, к

сожалению, сами же и выбирают эти обстоятельства.

П а ш к о в (*задумчиво*). Кажется, я начинаю тебя понимать.

К с е н и я. А уж как я тебя понимаю.

П а ш к о в. Ты опять шутишь?

К с е н и я. Вовсе нет. Возможно, я кажусь тебе легкомысленной, но на самом деле это не так. Если хочешь знать, это своего рода защита. Так уж случилось, что материальная сторона Вячеслава — видишь, я перед тобой ничего не скрываю — всегда оставляла желать лучшего, а я с этим никак не могла смириться. Я ведь, Коля, давно не работаю в школе.

П а ш к о в (*изумленно*). Не работаешь?

К с е н и я. Чему ты удивляешься — женщины моего возраста только и занимаются тем, что занимаются не своим делом. Если бы я осталась в системе образования, мы бы уже давно пошли всей семьей по миру... А я еще содержу мужа, который пишет лирические стихи.

П а ш к о в. И чем же ты занимаешься?

К с е н и я. С моей подругой, которая такая же ненормальная, как и я, держим небольшой магазинчик на паях. Сами ездим в Китай за товарами, сами торгуем — в общем, все сами.

П а ш к о в. Неужели Слава тебе не помогает?

К с е н и я (*усмехаясь*). Пробовал... убытков принес больше, чем если бы сидел дома. Однажды он по доброте душевной занял чуть ли не весь наш кредит одному своему знакомому. Естественно, без всякой расписки. Полгода мы отбивались от бандитов, как только могли, пока не собрали все деньги. Волосы-то у меня, Коля, крашенные, а тех, которые тебе так нравились, уже давным-давно нет, зазимовали...

П а ш к о в. Милая ты моя (*притягивая к себе Ксению*).

Сидят, обнявшись.

К с е н и я (*вздыхая*). Ну вот, выложила тебе свои проблемы, а по-русски — загрузила. Мало тебе своих забот.

П а ш к о в (*улыбаясь*). Хватает, но

я к ним привык. Скажем так, это приятные заботы.

К с е н и я (*ласково*). Эх ты, Левин... Сеешь разумное, доброе. А мы предатели идеалов, кусочники. Скажи, тебе правда не надоело работать в школе?

П а ш к о в. Нет, Оксана, не надоело. Я люблю своих сорванцов, как собственных детей.

К с е н и я. Это потому что у тебя их нет? (*тут же осекшись*). Прости, пожалуйста, я не хотела. Не понимаю, как у меня вырвалось.

П а ш к о в (*нисколько не обидевшись*). Нет, ты, как всегда, зришь в корень. Вполне возможно, что я люблю чужих, потому что у меня нет своих. Но страшного в этом ничего нет. Зато я больше, чем их родители, знаю о них. А это с педагогической точки зрения весьма полезно и даже выгодно.

Стараясь не потревожить прижавшуюся к нему женщину, осторожно достает из кармана пачку фотографий.

К с е н и я. Это они?

П а ш к о в. Это Вася Голубцов, чемпион сельских игр по армреслингу.

К с е н и я. Здоровенький мальчик.

П а ш к о в. Боря Калугин. Он сейчас живет у тетки. Три года назад его родители трагически погибли. Сколько раз хотел бросить учебу, чтобы сестрам помогать — их у него две, — да я не дал. В этом году закончил школу, будет теперь работать и учиться заочно.

К с е н и я. А этот симпатичный толстячок...

П а ш к о в (*улыбаясь*). Миша Овчинников. Смышленный парень, но ужасный лентяй... и обжора. Девчонки мои про него частушку как-то сочинили.

К с е н и я (*с любопытством*). Ну-ка расскажи, а лучше напой. Я помню, как ты здорово частушки пел.

П а ш к о в (*поет*). «У меня миленок был, звали его Мишкой. На свидание ходил с буханкою под мышкой». О-па!

К с е н и я (*смеется, сквозь смех*). Да они просто таланты все. Может быть, ты идеализируешь их? Неужели ни одной сорвиголовы в школе нет?

П а ш к о в. А они и есть все сорвиголовы. Видишь, на этой фотографии озеро. Называется оно Илькана. Здесь, на берегу,

я с ними построил дом — ну что-то вроде туристической базы в миниатюре. Озеро большое, рыбное. Они у меня там все лето промышляют. Ондатры много. Ловить ее, конечно, нельзя, но Боре Калугину я разрешаю, он сам выделывает шкурки и зимой шьет шапки на продажу. Кстати, и сестры все время там возле него... А какие там вечерами закаты, Оксана, — в полнеба все горит-полыхает! Аж жуть берет — и мысль одна в голове: «С этим бы жить всегда, вечно!»

К с е н и я (*смотрит на Пашкова восхищенно*). Господи, да это же ты поэт!

П а ш к о в (*смущенно*). Да ну, скажешь тоже. Это твой муж Пегаса шпорит, а моя поэзия — литовку в руки и на сенокос (*прячет фотографии в карман и начинает махать руками, имитируя движения косы*). Раз-два, раз-два. Коси, коса, пока роса (*вместе с Ксенией*). Роса долой и мы домой.

Занавес. Конец первого действия.

Действие второе

Картина первая

Квартира Городиловых. За исключением небольшого беспорядка, оставленного покемонами, здесь ничего не изменилось.

В комнату входят Светлана и Вячеслав Юрьевич.

С в е т л а н а (*осматриваясь*). Здесь кто-то был?

Г о р о д и л о в. Мамай, кажется, прошел. (*Поднимает стулья, раскиданные на полу полотенца. Светлана ему помогает.*)

С в е т л а н а. Странно, что полотенце три, хотя должно было быть два.

Г о р о д и л о в (*не поняв*). Что? (*разглядывает, соображая, полотенца*). Ах, вот вы о чем. Нет, это наша дочь со своей компанией здесь побывали. По почерку вижу — их работа. (*Уносит полотенца, возвращается.*) А вы, Светлана, ревнивая.

С в е т л а н а. А вы нет?

Г о р о д и л о в (*уклончиво*). Ревность унижает. Надо быть выше этого чувства.

С в е т л а н а (*усаживаясь на стул*). А вот и глупо.

Г о р о д и л о в. Почему?

С в е т л а н а. Ревность возбуждает. Хотите продолжения любви — ревнуйте, беснуйтесь, беситесь. Раз Бог дает любовь, значит, вместе с ней он дает ревность. Давить в себе это чувство — все равно что идти против Бога.

Г о р о д и л о в. Странно, мне и Коля

что-то о Боге говорил. Вы там в деревне все верующие, что ли?

С в е т л а н а (*иронично*). А как же! Если в городе одни богохульники собрались, верующим теперь остается жить только в деревне.

Г о р о д и л о в. У нас с вами прямо какой-то богословский диспут.

С в е т л а н а (*ехидно*). Отчего же не поговорить, пока наши супруги и супружницы неизвестно где проводят время. Мы ведь не ревнуем их, мы с вами так только, о жизни рассуждаем.

Г о р о д и л о в (*садясь напротив нее*). А вы удивительный человек, Светлана.

С в е т л а н а (*кокетливо*). Да?

Г о р о д и л о в (*начинает ухаживать*). Я просто в толк не могу взять, как такая красивая, тонкая, изящная женщина живет, да нет, не живет — прозябает в какой-то глуши. Вы ведь не подвижница, не декабристка... скажите, каким ветром вас туда занесло?

С в е т л а н а (*тряхнув головой и тут же поправив волосы*). Это вы точно сказали, у нас, женщин, все от ветра: или в голову задует, или еще куда-нибудь... Но если серьезно, то попала я туда обыкновенно: по распределению после интернатуры. Сначала думала, и месяца не проживу, но на погибель свою встретила вашего друга. А дальше любовь-морковь и семь лет участкового врача в местной больничке. Вот и вся, в общем, история.

Г о р о д и л о в (*задумчиво*). М-да, почему-то Николай вам встретился.

С в е т л а н а. А чем же он плох?

Подписи

Впрочем, и выбирать тогда не из кого было. К тому же сначала все было очень даже романтично: вечерние прогулки над рекой, гадания на звездах, цветы... Стихов, правда, он мне не читал, хотя в поэзии, кажется, тоже разбирается.

Городилов. Да, он в институте писал.

Светлана. Наверное. А вы бы, Слава, почитали свои, я так по хорошим словам соскучилась.

Городилов. Вы действительно хотите, чтобы я прочитал вам что-нибудь?

Светлана. Ну конечно... а почему вы сомневаетесь?

Городилов. Потому что когда я читаю стихи жене, она начинает зевать или вообще куда-нибудь уходит.

Светлана. Не отчаивайтесь, большинство людей на этом свете не воспринимают поэзию и обижаются за это на них — бесполезно. Многие, например, любят халву, а я ее с детства ненавижу, и никто меня ее — даже под дулом пистолета — не заставит есть!

Городилов. Но поэзия не халва — это духовная пища.

Светлана. Тем более. Не каждому дано ее вкушать. Вам, Слава, просто надо найти своего слушателя, и всего лишь. Считайте, что сегодня я самый терпеливый и внимательный ваш слушатель.

Городилов. Значит, читать? (Светлана кивает одобряюще.)

Городилов читает.

Когда-нибудь сощуришь глаз,
наполненный теплыню ясной,
меня увидишь без прикрас,
не испугавшись в этот раз
моей угрозы неопасной.
Оправишь волосы, и вот
тебе покажутся смешными
и хитрости мои, и имя,
и улыбающийся рот...
Но ты запомнишь меж другими
меня, как птичий перелет» *.

Закончив читать, молча смотрит куда-то вниз, опустив голову. Светлана задумчиво улыбается.

* Стихи П. Васильева.

Светлана. Спасибо, замечательные стихи.

Городилов встает, в волнении начинает ходить по комнате. Подойдя к Светлане, хочет что-то сказать ей, но та перебивает его.

Светлана. Все-таки вы переживаете, Слава, а зря — может, им есть о чем поговорить, а мы бы только мешали. Сами же говорили, надо быть выше этого чувства. Сядьте же рядом, успокойтесь, будем их ждать... и немного выпивать. Честно говоря, мне сегодня напиток хочется, а вам?

Городилов (радостный от того, что Светлана неправильно истолковала причину его волнения). Да мы сейчас, да мы такой банкет с вами закатим! А дезертиры пусть гуляют, пусть... они еще пожалеют, что сбежали (начинает убирать грязную посуду).

Светлана. Я помогу вам.

Убирают вдвоем, затем вместе уносят посуду. Все это время их разговор подслушивали сидящие в детской покемоны и сама Люся, которых взрослые захватили врасплох, и они не успели убежать. Сейчас, улучив момент, они осторожными шагами, на цыпочках пересекают зал и тоже скрываются за сценой. Хлопает дверь.

Входят Светлана и Городилов.

Городилов. Вы ничего не слышали?

Светлана. Кто-то постучался?

Городилов (прислушиваясь). Нет, показалось, наверное.

Садятся за стол.

Городилов наливает вино.

Светлана. У вас красивые руки.

Городилов. Да, я не мастеровой... и вообще, для мужчин, Светлана, это не комплимент.

Светлана. Это вы зря, для мужчин это самый настоящий комплимент.

Городилов. А для женщин?

Светлана. А вы не знаете?

Городилов. У меня такое чувство, что вы все время пытаетесь меня подзавести.

Светлана. И ничего я не пытаюсь — я делаю.

Городилов (*с восторгом*). Ну что за женщина! Я буду пить за вас.

Светлана. А я за вас (*пьет вино*).

Светлана. Налейте еще.

Городилов. Так быстро?

Светлана. Я же сказала, что напиться хочу.

Городилов (*галантно*). Желание дамы — закон (*наливает вино*).

Светлана. Музыка!

Городилов по-пижонски молодцевато бежит к магнитофону и, отыскав нужную кассету, включает его. Звучит вальсовая мелодия. Городилов приглашает Светлану на тур. Огибая мебель, они вдохновенно кружатся по залу от прихожей до лоджии и обратно, захватывая авансцену и все свободное пространство, которое позволяет им танцевать. Все это время за ними следует луч прожектора.

Светлана (*шумно дыша*). Я прямо как Наташа Ростова на балу.

Городилов (*возбужденно*). Еще вина?

Светлана (*громко*). И стихов, и музыки... и к черту деревенскую жизнь со всеми ее прелестями!

Городилов. Ура! (*пьет на брудершафт*).

Светлана. Иду на «ты».

Городилов. Дорогая ты моя... (*целуются*).

Картина вторая

В том же самом сквере педагогического института сидят на скамейке Люся и незнакомый нам юноша интеллигентного вида в очках. Над крышей старого здания уже появились бледные очертания луны. Смеркается.

Люся. Знаешь, почему я тебе здесь свидание назначила?

Гена. Нет.

Люся. Потому что это мамина скамейка. Она здесь со своими друзьями к экзаменам готовилась.

Гена. Наверное, это уже другая скамейка.

Люся. Нет, та самая. Здесь вообще с тех пор ничего не изменилось.

Гена (*заметно волнуясь*). Люся, что у тебя с ними общего?

Люся. С кем? С гоплинами, что ли? Мы с ними вместе на танцевальный ходили. Да они ничего, прикольные ребята, только озабоченные.

Гена. Сексуально?

Люся. Ну конечно. Они даже трусы под брюки не надевают. Мы, говорят, так острее жизнь чувствуем.

Гена (*ревниво*). Все-таки это тебя забавляет.

Люся. А ты не будь ханжой.

Гена (*обидчиво*). Я и не ханжа.

Разговор у них не вяжется. Люся со скачающим видом смотрит куда-то в сторону. Гена оглядывается, словно ищет кого-то, кто помог бы ему найти тему для разговора с девушкой. Видимо, не придумав ничего лучшего, он достает из кармана сигареты и протягивает Люсе.

Люся. Это что, травка?

Гена. Нет, обычные.

Люся (*бравирует*). Не, я только с травкой курю.

Гена, окончательно смутившись, прячет сигареты обратно в карман.

Люся. Гена, тебе сколько лет?

Гена (*недоуменно*). Скоро 17 исполнится.

Люся. А выглядишь ты на все тридцать. Ты зачем на свидание к девушке пришел? Сказать, что она тебе нравится, что она лучше всех, что тебе только с ней хорошо и больше ни с кем — ну так говори... или ты ждешь, когда я тебе первая начну в любви признаваться?

Ошарашенный таким напором Гена ничего не может ответить, он снимает очки, протирает их платком, снова надевает.

Люся. Бедненький, совсем расстроился. Может мне тебя поцеловать? Это, кстати, скамейка влюбленных, на ней все целуются.

В кустах за скамейкой слышатся шум, возня — и на дорожку, освещенную лунным светом, выскакивают, хохоча и кривляясь, покемоны.

Люся. Вы?!

1-й покемон. А ты лучше нас, Люся, поцелуй!

2-й покемон. Нас, Люсик, нас.

1-й покемон. Не трать на него время, звездочка, — он же ничего не может.

2-й покемон. Точняк, братан (хлопают друг друга в ладоши).

Люся (гневно). А ну брысь отсюда, идиоты! Вас сюда звали?!

Гена (снимает очки). Я сейчас с ними поговорю.

1-й покемон. Кто поговорит, ты? Я ж тебя, долговязого, соплей перешибу.

Гена (встав в стойку). Ну что ж, попробуй.

Покемоны подступают к Гене с кулаками.

Люся (с криком). Прекратите сейчас же! (бросается к ним). Да прекратите же вы, остановитесь немедленно! Я... я вас сейчас в вытрезвитель сдам.

Гена делает подсечку первому покемону. С криком «Ой, больно!» тот падает. Второму покемону он ловко заламывает руку за спину.

2-й покемон. Пусти, сломаешь.

Гена. Извинись перед девушкой.

2-й покемон. Да пошел ты...

Гена усиливает прием.

2-й покемон. Ах ты сволочь...

Люся. Отпусти, ему же больно.

Гена (хрипло). Извинись, не то сломаю.

2-й покемон. Люся, извини, не буду.

Гена отпускает его. Кряхтя и отряхиваясь, поднимается первый покемон. Второй покемон дует на руку. Оба крайне уязвлены, но вряд ли кто-то из них решится на новое нападение, тем более что из глубины аллеи к ним уже бегут какие-то люди.

Пашков. В чем дело? Кого здесь обижают?

Покемоны. На нас хулиган напал.

Ксения. На вас?

Люся. Я сейчас все объясню.

Ксения (изумленно). Господи, и ты здесь!

2-й покемон. Все, нам здесь больше делать нечего (хватает первого

покемона за руку). Дергаем... (Гене.) А с тобой, каратист, мы еще встретимся.

Убегают.

Гена (кричит им вслед). Трусы не забудьте надеть, покемоны!

Пашков. Какие еще трусы?

Люся громко хохочет.

Ксения. Люся, в чем дело?

Люся продолжает хохотать.

Пашков. Может, воды принести?

Люся (сквозь смех). Нет, что вы, спасибо, не надо, я сейчас сама успокоюсь (продолжает хохотать).

Пашков. Давайте сядем.

Все четверо усаживаются на скамейку.

Ксения. Ну что, успокоилась? Почему ты здесь в такой поздний час, а не дома? (Пашкову.) Ну вот, ты хотел познакомиться с нашей дочерью.

Пашков (изумленно). Мамочки мои, Люся!

Ксения (вздыхая). Она самая.

Люся. А вы меня разве знаете?

Пашков (смеется). Видел когда-то, но не такой, а во-от такой (показывает какой).

Гена. В роддоме, наверное.

Пашков (шутит). Нет, на капустной грядке. Ее там родители нашли.

Люся. Шутка с во-от такой бородой (тоже показывает).

Ксения. Люся...

Пашков (смеется). Нет, она права. 1:0 в ее пользу.

Люся опять начинает хохотать.

Ксения. Да что это сегодня с тобой? Вот что значит гулять допоздна, совсем ты от рук отбилась. (Смотрит на часы.) Господи, первый час! Что ж мы делаем, ведь они там с ума, наверное, сходят. Наверное, уже в милицию звонят, в больницы...

Люся. Кто, мама?

Ксения. Как кто? Папа и тетя Света. (Объясняет.) Мы сегодня все вместе

ходили на выставку в Экспоцентр и неожиданно там потеряли друг друга. По всей вероятности, они пошли в одну сторону, а мы в другую.

Л ю с я. Не волнуйся, никуда они не звонят.

К с е н и я. Откуда ты знаешь?

Л ю с я. Оттуда.

К с е н и я. Значит, ты заходила домой?

Л ю с я (*опустив голову*). Да, я была дома. Никто никуда не звонит, можешь не беспокоиться.

К с е н и я. Они что... отдыхают?

Л ю с я. Еще как.

К с е н и я (*вставая*). Так, нам всем пора домой.

Л ю с я. Меня Гена проводит.

Ксения пытается возразить, но Пашков останавливает ее: «Ничего, ничего, Гена — парень надежный, двоих один не испугался, он ее в обиду не даст».

П а ш к о в (*Гене, с уважением*). Ловко ты обработал их, молодчина (*пожимает Гене руку*).

К с е н и я. Гена, а может бы у нас переночуешь — поздно ведь уже.

Л ю с я. Мама, Гена рядом с нами живет, ты забыла?

К с е н и я (*махнув рукой*). Ах да, ну тогда мы с Николаем Ильичем пойдем, только, пожалуйста, не задерживайся, а то я буду волноваться.

Л ю с я. Хорошо, мама.

П а ш к о в. Очень рад был познакомиться с тобой, Люся... и с тобой, Гена. Надеюсь, еще увидимся.

Л ю с я. Ну конечно.

П а ш к о в (*уже взяв под руку Ксению, оборачивается*). Гена, а кто такие покемоны?

Г е н а (*кивая на Люсю*). А вы лучше ее спросите, это она их так называет.

Л ю с я. Покемоны — это игрушечные человечки или очеловеченные игрушки. У них нет своего характера, они ведут себя, как марионетки.

П а ш к о в (*с интересом*). Любопытно... Ну что ж, еще раз до свидания.

Г е н а и Л ю с я (*вместе*). До свидания.

Взрослые уходят.

Л ю с я. Ну вот, скоро там начнутся разборки.

Г е н а. А что такое?

Л ю с я. Адюльтерчик. Пока он гуляет с моей мамой, мой папа клеит его жену.

Г е н а. Ого!

Л ю с я. Вот и «ого». А еще нас учат жить, непутевые. Ладно, пойдем, мой доблестный рыцарь, а то твоя дама сердца скоро замерзнет.

Гена сначала нерешительно, потом смелее обнимает ее за плечи. Так, обнявшись, они и уходят. Медленно гаснет луна, тускнеют и скрываются в темноте контуры скамейки влюбленных.

Картина третья

Квартира Городиловых. Давно за полночь. Тихо. Над балконом висит ярко-желтая луна. Из арки, за которой находится спальня, выходит Светлана. Подойдя к зеркалу, она долго рассматривает свое отражение, потом поправляет волосы и садится за стол. Немного погодя из той же комнаты выходит Городилов, застегивая пуговицы на рубашке. Он немного смущен.

С в е т л а н а. Что бы такого съесть?

Городилов молчит.

С в е т л а н а. Мы в больнице, когда дежурим, всегда ночью собираемся за столом. Больные спят, а мы животы набиваем.

Г о р о д и л о в (*тоже рассматривает себя в зеркало*). В другое время вам, наверное, и некогда.

С в е т л а н а. Когда как.

Г о р о д и л о в. Светлана...

С в е т л а н а. А вы лучше стихи, Слава, почитайте.

Г о р о д и л о в (*недоуменно*). Ты мне на «вы»?

С в е т л а н а. Ах да, извини, мы же на брудершафт с тобой пили... ну тогда почитай, впрочем, постой, я все хочу спросить тебя: почему ты мне чужие стихи все время читаешь? Ты что, не пишешь стихов о любви? Или они слишком смелые? Ты можешь прочесть хотя бы одно свое стихотворение?

Подписи

Городилов (не отрываясь от зеркала). Могу.

Светлана. Тогда я слушаю.

Городилов (глядя перед собой в зеркало, читает).

Ночь мне не в ночь.
Отшельником висну
на узком, смешном балконе.
Как Заратустра или как Вишну
вижу судьбу сквозь годы.
Только сегодня, встав у окна,
понял я: звезды мнимые.
Жуть такая, что не до сна.
Как тебе спится, милая?!
Шорохи улиц, лайнье псов
в сердце тревогу оттиснут.
Не потревожьте любимой сон,
я умоляю вас: тише!
Ни звезды не манят, ни мечты,
никому не завидуют.
Каждая звезда для меня — это ты!
Только тебя в ней вижу.
Скоро заря разорвется в крови
и задрожит, алая.
Если люди живут без любви —
жалейте их.

Светлана. Это действительно твои стихи?

Городилов. Да, это мои стихи.

Светлана. Ну вот, а то боялся или скромничал... Теперь я собой горда.

Городилов (повернувшись к ней). Почему?

Светлана. Потому что ты не обманул меня.

За сценой слышатся голоса, хлопает входная дверь. Входят Ксения и Пашков.

Светлана. Со свиданьем.

Пашков (подойдя к ней и поцеловав в щеку). Извини, что так получилось. (Городилову.) Надеюсь, ты не приревновал меня к своей жене?

Городилов. А ты меня?

Пашков (оглядываясь на Ксению). Нормальный ход. А что, у меня есть повод?

Светлана. Испугался? Не бойся, Слава в отличие от тебя очень скромный человек. Правда, он меня немного подзагрузил поэзией, но зато я получила массу удовольствия. А как вы погуляли? Надеюсь, тоже не без впечатлений.

Ксения (пристально оглядывая комнату). Погуляли... прошлись с Николаем по знакомым, но забытым местам. Кое-что вспомнили. (Мужу.) Кстати, нашу дочь отыскали.

Городилов. Ну и где же она?

Ксения. Должна вот-вот появиться. А разве она не с вами дома была?

Городилов. Нет, мы ее не видели, но следы ее бурного пребывания застали. Что они тут творили — ума не приложу. Когда мы пришли, здесь все кверху тормашками было перевернуто.

Светлана. Темпераментная она у нас девушка.

Ксения. Чересчур... Такое иной раз выкинет, что и парню никогда в голову не придет.

Городилов. У нее парадоксальный ассоциативный тип мышления.

Пашков (не без иронии). Эко загнул! А попроще нельзя выразиться?

Городилов. попроще — фантазерка, придумывает свой мир.

Пашков. Значит, артисткой будет.

Светлана. Или поэтессой.

Ксения. Упаси бог!

Пашков (поглядывая на стол). Гостей сегодня еще будут кормить? А то так кушать хочется, что переночевать негде.

Городилов. Садись за стол, балагур, твоя супруга как раз собралась перекусить.

Пашков (жене). Тебя, значит, тоже не кормили?

Светлана. Я вкушала духовную пищу.

Николай Ильич садится рядом с ней. Ксения третий раз за день накрывает на стол. Городилов по-прежнему стоит возле зеркала, сложив на груди руки.

Пашков (шутливо). Ты как Бонапарт после Ватерлоо. Заговорил, наверное, мою супругу стихами. (Жене.) Ты еще не влюбилась в него?

Светлана. А ты бы хотел этого?

Пашков. Я сначала поем, а потом скажу, не то на голодный желудок, боюсь, неправильно мысль сформулирую.

Светлана. А ты и на сытый ничего хорошего не скажешь.

К с е н и я. Не ссорьтесь. Давайте лучше по рюмашке.

П а ш к о в. С удовольствием.

Выпивает с Ксенией. Городилов и Светлана отказываются.

П а ш к о в (*повеселее и слегка развалившись на стуле*). Нет, Слава, все-таки ничего не изменилось. Все наши пути-дорожки сохранились. Прошли мы с Ксенией сегодня по нашему скверу — и такое чувство, будто прошлое никуда не уходило: те же самые деревья, тот же теплый гранит на набережной, то же волнение, как тогда, перед экзаменами.

Г о р о д и л о в. Дежа вю. Психиатрами эти ощущения давно описаны.

С в е т л а н а. Нет, неправильно, это не дежа вю, это острый приступ ностальгии: хочется видеть то, чего давно нет. На самом деле все изменилось, и изменилось бесповоротно, но кто-то продолжает (*она смотрит пристально на Ксению*) настойчиво вбивать тебе в голову мысль, что еще можно вернуться в прошлое, тогда как там нет ничего даже похожего на то, что уже было.

Г о р о д и л о в. Вообще-то да, но как-то уж больно мрачно.

П а ш к о в. А она оптимистических прогнозов никогда не дает... особенно, если ей что-то не по нраву.

С в е т л а н а (*веско*). Да, я пессимист. Зато у пессимистов не бывает разочарований. А те, кто строит иллюзии, потом непременно проливают слезы.

К с е н и я. По-твоему, любовь к прошлому — это иллюзия?

С в е т л а н а. Любовь — нет, а попытка вернуть прошлое — да.

П а ш к о в. И кто же пытается его вернуть?

Г о р о д и л о в (*вмешиваясь*). Постойте, погодите... чего вы тут друг другу на ночь головы морочите? Любовь, иллюзия... как будто нам больше поговорить не о чем.

К с е н и я (*с ехидством*). А ты почитай стихи.

Пашков неодобрительно качает головой.

Г о р о д и л о в (*возмущенно*). Оставь, пожалуйста, свои шуточки при себе. Это, в конце концов, просто подло.

П а ш к о в. Братцы, ну что вы в самом деле расшумелись — ведь ночь на дворе... и ночь-то какая: тихая, безмятежная. Такие ночи и у нас там сейчас стоят.

Смотрит на луну над балконом, будто очарованный ее видением. Вслед за ним туда же поворачивают головы и остальные.

С в е т л а н а. За это надо выпить.

Все дружно смеются. Пашков, которого отвлекли разговоры, снова принимается за еду. Городилов, стоя возле тумбочки с музыкальным центром, задумчиво перебирает диски. Женщины продолжают незаконченный разговор.

К с е н и я. И все-таки не так много мы и живем, чтобы говорить о прошлом с ностальгией. Если мы замечаем, что прошлое изменилось, то это скорее означает, что изменились мы. А в нашем прошлом все осталось, как и было.

С в е т л а н а. Правильно. Поэтому и не надо будить спящего львенка, потому что когда вы его разбудите, он уже к этому времени станет настоящим львом, а это опасно для жизни.

Пашков, оторвавшись от еды, рычит.

К с е н и я. Мы сейчас говорим о людях, а не о животных. С точки зрения человеческой жизни между тем, что произошло с нами вчера, и тем, что происходит сегодня, — ничтожный промежуток времени.

Г о р о д и л о в (*заинтересованно*). Так-так, интересно... И какой же это промежуток? Уж не 15 ли лет?

К с е н и я. Хотя бы и 15.

Г о р о д и л о в (*осененный*). Уверен, ты встретила того, кто за эти годы почти не изменился.

К с е н и я (*твердо*). Да, не изменился. Внешне, может быть, да, внутренне — нет.

Г о р о д и л о в (*торжествующе*). И это, конечно, мой лучший друг Николай Пашков! Я угадал?

С в е т л а н а. В яблочко попал. Я как только увидела их счастливые лица, сразу обо всем догадалась. (*Пашкову*.) Теперь и ты договаривай, раз уж начал.

Подписки

К с е н и я. Дайте же ему поест, наконец.

С в е т л а н а. Обойдется, ему запасов хватает. Ты бы лучше мужика своего откармливала, а то скоро как фосфор светиться начнет.

К с е н и я *(сварливо)*. А ты моего мужика не трогай.

С в е т л а н а *(ехидно)*. Может, я его уже потрогала...

К с е н и я. Что?

П а ш к о в. Опять, забабай вас леший, начали — ведь только, кажется, успокоились. *(Жене.)* Ты не дома — в гостях. Зачем бучу поднимаешь? Кстати, еще неизвестно, чем вы здесь в наше отсутствие занимались.

С в е т л а н а. Чем надо, тем и занимались.

К с е н и я. Кажется, я поняла... мы все перевозбудились, потому что нам давно уже пора спать, к тому же мы действительно столько лет не виделись.

С в е т л а н а. А нам нет смысла ложиться.

Г о р о д и л о в. Это почему?

С в е т л а н а *(посмотрев на часы)*. Через три часа приходит наш поезд.

Г о р о д и л о в. Час от часу не легче. Ты раньше-то не могла сказать?

С в е т л а н а. Раньше я не хотела говорить *(кивая на мужа)*. Он, кстати, тоже.

Г о р о д и л о в. Вы же сказали, что на день заехали.

С в е т л а н а. Так день-то уже прошел.

Г о р о д и л о в *(недоумевая)*. Действительно...

Небольшая пауза, во время которой из-за стола поднимается Пашков с очень решительным и серьезным выражением лица.

П а ш к о в. Раз времени у нас осталось немного, то я должен сказать.

С в е т л а н а *(с интересом)*. Ну-ну, закуси удила.

П а ш к о в *(с жаром, обращаясь одновременно к Городилову и Ксении)*. Слава, я люблю эту женщину! Говорю без обиняков, как друг. Всегда ее любил, и ты это знаешь. Да, согласен, прошло 15 лет и много воды утекло, согласен с твоим «где живу» *(Светлане)* и с твоей носталь-

гией — со всем, черт возьми, соглашусь, кроме того, что мы застыли и никуда не движемся. Измениться — это не означает ослепнуть или оглохнуть, стать бесчувственным или бежать сломя голову и спотыкаясь за своим временем — наоборот, это означает по-иному взглянуть на жизнь... может быть, даже воскреснуть, зная, как сильно и страстно ты нужен другому человеку и как он нужен тебе. *(На секунду он запинаятся, как будто потерял мысль, затем продолжает.)* Я понимаю, что это нелепо, абсурдно, но я так решил... вернее, мы так решили. В общем, я прошу тебя, Слава, отпусти Ксению со мной в деревню.

Соблегчением, что высказал то, что хотел, опускается на стул. Городилов смотрит на него с испугом, а Ксения с массой противоречивых чувств, от восторга до удивления, которые написаны у нее на лице и борются сейчас между собой.

С в е т л а н а *(хлопая в ладоши)*. Браво, брависсимо! Это что, прикол такой? *(Пашкову.)* А меня ты, дружок, куда денешь? Вутиль сдашь за ненадобностью? *(В волнении поднимается и отходит от стола.)* Встретились голубки после долгой разлуки... И как это быстро все у вас получилось... что ж, конечно *(горько)*, она тебе нарожает детей — от меня-то, бесплодной, какой толк?

П а ш к о в *(глядя в сторону)*. И вовсе не потому, ты же знаешь.

С в е т л а н а *(гневно)*. Да, я не хочу жить в твоей проклятой деревне! Не хочу! Она не жила там и ничего не знает. Ты, как и мне когда-то, расписал ей этот рай? *(Подойдя к Ксении и показывая на своего мужа.)* Он будет уходить рано утром и приходит, когда тебе уже надоест его ждать, и ты будешь вынуждена ложиться спать одна. А пахнуть от него будет либо силосом, либо рыбой, либо еще чем-нибудь мерзким. А его рай... его рай — это сенокос, где ты вместе с ним будешь кормить комаров. Мы забыли о детях... о, ты же еще ничего не знаешь о его сиротах, которым он отдает половину своей зарплаты...

К с е н и я *(тихо)*. Я знаю.

С в е т л а н а *(почти крича)*. Ничего ты не знаешь, ничего! Ты хочешь стать нищей? Станешь! Он мне жизнь сломал своим подвижничеством. На черта мне

его подвижничество, если я хочу обыкновенного глупого бабского счастья. Эх...

Возможно, она хотела сказать что-то еще, но махнув в сердцах рукой, быстро убегает за сцену (по-видимому, в ванную комнату).

Городилов. Светлана, Света, стой! (*устремляется за ней*).

Ксения сидит в оцепенении, опустив глаза. Пашков машинально ковыряет вилкой в салате.

Ксения. Как глупо все.

Пашков. Но ты же сама хотела.

Ксения (*задумчиво*). Хотела... попросить, а оказалось, что украла.

Пашков. Не выдумывай, пожалуйста, ты ни в чем не виновата.

Ксения. Никто не виноват, зато в одно мгновение все становятся несчастными. Глупо, все глупо... ничего не выйдет.

Пашков. Пойми же, это фарс, завтра она будет совсем другой.

Ксения. Зачем ты на нее наговариваешь?

Пашков. Оксана, я не пойму, что происходит?

Появляются Светлана и Городилов.

Светлана (*очень спокойно*). Что ж, раз все так вышло, мы вас поздравляем. Совет, как говорится, да любовь. Поздравьте же и вы нас — я остаюсь с Вячеславом Юрьевичем (*она обнимает Городилова, который смущенно улыбается*).

Пашков и Ксения смотрят на них с обескураженным видом.

Ксения (*поднимаясь*). Ну и дела... вот так расклад! Значит, Люся была права, значит, вы тут отдохали... (*Светлане*) Что ж ты тогда невинной овечкой прикинулась — дескать, унизили, обманули бедную, а сама, значит, уже все обмозговала. Видать, квартирка-то наша сразу приглянулась.

Светлана. При чем здесь квартира, мне твой муж понравился...

Ксения (*злорадно*). Как же, поверила. Скажи еще, что ты от его поэзии без ума.

Светлана (*спокойно*). И поэт он замечательный. А станет еще лучше, если женщина, которая окажется рядом с ним, будет ценить его труд и помогать ему во всем.

Ксения (*насмешливо*). Уж не ты ли это?

Светлана. Как раз я.

Демонстративно целует Городилова.

Ксения (*ища поддержки у Пашкова*). Нет, ты только полюбуйся на них.

Пашков. Оксана, Люся пришла...

В пылу разговоров и общего возбуждения никто не заметил, что в зале давно находится Люся, которая с интересом наблюдает за тем, что здесь происходит.

Ксения. Люся! Наконец-то...

Городилов. Люся, ты почему так поздно?

Люся. Я давно пришла.

Ксения. Вот, полюбуйся, дочка, какую тебе папа мачеху нашел.

Городилов. А твоя мама, Люся, в деревню собралась.

Люся. Наверное, с этим дядей?

Городилов. С этим самым. Надеюсь, ты останешься с нами?

Ксения. Нет, она поедет с нами (*произносит это, впрочем, без особого энтузиазма*).

Люся. Вы здесь чокнулись, что ли, все? Никуда я не поеду, и никто здесь не останется.

Пашков. Почему, Люся?

Люся. Потому что я так хочу. Все будет так, как было до вас... даже если меня и вправду нашли на капустной грядке (*зевая*), и вообще, я пошла спать, у меня послезавтра экзамен (*уходит в свою комнату*).

В полной растерянности взрослые провожают ее молчаливыми взглядами. Луна, зависшая над балконом, медленно бледнеет, в зале меркнет свет, и в то же самое время зажигается лампа-ночник в Люсиной комнате. Видно и слышно, как Люся разговаривает по телефону.

Люся. Гена, ты еще не спишь? Что? А, уже не спишь... слушай, у меня тут предки с ума сходят. Как? Обычно.

С ума все одинаково сходят. Прикинь, моя мама собралась с тем дядькой в деревню, а мой папа женится на его жене. Что? Да какая там седина в голову! По моему, они просто обкурились. Я? Ты насчет травки, что ли? Глупый, я же пошутила. Ну все, спи, противный. Да, завтра увидимся. Целую. Бай-бай.

Свет в ее комнате гаснет. Луна из бледной превращается сначала в ярко-красную, затем в оранжевую. С улицы доносятся шум и грохот проезжающих машин, трамваев. Громко звенит будильник.

Картина четвертая

Городской вокзал. Несмотря на ранний утренний час, как и вчера, перед огромным электронным табло — толпа провожающих и встречающих друг друга людей. Среди них и наши знакомые, на которых, кроме нас, здесь никто не обращает внимания.

К с е н и я. Теперь мы, конечно, больше никогда не увидимся.

С в е т л а н а. Быть может, в следующей жизни.

К с е н и я. Очень жаль, что все так получилось.

С в е т л а н а. Мне тоже.

К с е н и я (*искренне*). Хочешь, верь, хочешь, не верь, но ты мне очень нравишься.

С в е т л а н а. Тебе нельзя не верить — ведь ты всегда говоришь правду.

К с е н и я. А ты всегда иронизируешь. Неужели так и уедешь, затаив обиду?

С в е т л а н а. Нет, Ксения, я не держу на тебя зла — просто мне не хочется говорить сейчас о своих чувствах... тем более после такой кошмарной ночи. Давай просто помолчим.

Немного поодаль от них разговаривают мужчины.

Г о р о д и л о в. Да, старик, не ожидал я от тебя такого.

П а ш к о в. Какого это «такого»? Я ведь с твоей женой не спал.

Г о р о д и л о в (*морщась*). Ты думаешь, я с твоей спал?

П а ш к о в. Думаю, да.

Г о р о д и л о в. Что же ты меня не бьешь?

П а ш к о в. А разве это что-то изменит?

Г о р о д и л о в. Ну так, в качестве компенсации, что ли...

П а ш к о в. Эх ты, поэт... О чем ты только в своих стихах пишешь?

Г о р о д и л о в. А ты почитай — и узнаешь.

П а ш к о в. Будет ли у меня время?

Г о р о д и л о в (*вполголоса*). Слушай, ты как-то выразился, что я-де кого-то тебе напоминаю. Ну и кого же?

П а ш к о в. Одного придурка, который тоже всю жизнь писал стихи да так и не заметил, кто с ним рядом жил.

Г о р о д и л о в. Уел-таки напоследок, старый друг... ну что ж, поэта может каждый обидеть.

П а ш к о в. Ты это мне уже говорил. Прощай, Слава. Рук пожимать не будем — не к чему.

Г о р о д и л о в (*печально*). Прощай...

Женщины, между тем, все же обнимаются, прощаясь друг с другом. Пашков похотливо закидывает на плечи дорожные сумки. Городилов делает шаг вперед, чтобы помочь ему, но нелепость этого жеста так очевидна, что, поняв это, он тут же отступает назад. Смешавшись с толпой, Пашковы исчезают в тоннеле. Какое-то время Городиловы смотрят им вслед. На табло, считываясь, стираются все знаки, и оно становится пустым. Вокзал тоже пустеет. Слышится протяжный гудок локомотива. Городиловы медленно уходят со сцены.

Эпилог

Через два месяца. В деревенском доме, в квартире, которая ничем не отличается от городской, разве что каждая вещь здесь находится на своем месте да на подоконниках в горшках и вазах многообразие домашних цветов, Светлана моет полы. Внезапно она охает, хватая себя за живот и опрометью бежит на улицу (за сцену). Вскоре она появляется, поддерживаемая мужем.

П а ш к о в. Что случилось, ты вся бледная... ну-ка садись (*усаживает ее в кресло*).

С в е т л а н а (*вытирая лицо платком*). Уф, думала, концы отдам. Как это ты вдруг здесь оказался?

П а ш к о в. Как сердце чуяло, ты ведь в последнее время сама не своя. Может, объяснишь, что с тобой происходит?

С в е т л а н а. А ты пораскинь мозгами, ты же у нас такой наблюдательный.

П а ш к о в (*подавшись вперед, еще не веря*). Не может быть...

С в е т л а н а (*ласково*). Да, папаня, да, ребенок у нас с тобой скоро будет.

П а ш к о в (*веря и не веря*). Что? Что ты сказала? Я не ослышался? Ну-ка повтори, я не мог ослышаться?

С в е т л а н а (*с улыбкой*). Повторяю: уа-уа у нас будет. Сына я должна родить — УЗИ и тесты подтвердили... Сама, правда, еще не могу поверить, но клиника, как видишь, налицо.

П а ш к о в (*падает на колени и кричит истошно, во весь голос*). Господи, ты услышал нас! Спасибо тебе, Господи! Я люблю тебя!

Светлана закрывает лицо руками.
За сценой слышен голос Городилова:

...и тот огонь случайный чту,
когда его кругом так мало,
и не хочу, чтоб, вьюн в цвету,
ты на груди моей завяла.
Все утечет, пройдет, и вот
тебе покажутся смешными
и хитрости мои, и имя,
и улыбающийся рот.
Но ты запомнишь меж другими
меня, как птичий перелет.

Занавес

Золотой фонд

ЖИЛ СРЕДИ НАС СКАЗОЧНИК

Около сорока лет назад я впервые побывал у него дома в Иркутске-II и увидел: этот человек не мыслит, не представляет своей жизни вне литературы. Об этом говорило все: и его ставшее вдохновенным и прекрасным лицо, когда речь зашла о творчестве, и книги, книги и книги, которые были всюду, альманах, начиная с его первого названия и кончая нынешним, «Сибирью», любовно и со вкусом переплетенный. Он брал в руки очередной томик и все более загорался, радуясь не только тому, что все это им прочитано, но и тому, что лично знаком с автором.

И — богатейшая переписка, и не оттого скопившаяся, что он кого-то тревожил, беспокоил, а оттого, что он сам интересный, глубоко и разносторонне талантливый человек. Природа наделила его, кажется, всем, что требуется писателю: здоровьем, долголетием (он прожил 89 лет), талантом, жизнерадостностью и великой доверчивостью, без которой, мне думается, и не может быть детского писателя. В житейских бурях она ему вредила, но и в свои 79 лет, когда мы с Василием Пантелеймоновичем Стародумовым познакомились ближе, несмотря на отказы в местном издательстве, он не обозлился, сохранил наивную, чистую душу, правда, все меньше и меньше верил, что его оценят сполна, повернутся к нему, как в той сказке, не задом, а передом.

Однажды летом увидел я его возле центрального рынка в Иркутске, стоявшим с палочкой и глубоко задумавшимся возле дождевой лужи. Даже окликнуть его было страшно, настолько он ушел в себя, и я не трогал его минуту-другую. Не-е-ет, понял я, не новую сказку сочиняет Василий Пантелеймонович, а задумался о том, что вот, жизнь прошла, а он, можно сказать, так и остался непонятым. Сожаление о несбывшемся, печаль о прошедшей жизни, о жестокости людской прочитывались и в выражении лица, и во всей его как-то странно свалившейся набок фигуре.

Я осторожно окликнул его.

Он не слышал.

Тогда я позвал его громче.

Он очнулся, весело вскрикнул, как будто благодарил меня за то, что отвлек его от печальных дум.

Еще в начале 30-х годов на литературных вечерах и собраниях, в периодической печати принимают живейшее участие начинающие литераторы и журналисты В. Стародумов, С. Рослый, И. Трухин, Г. Безымянный, М. Ошаров, И. Чернев, И. Рождественский. Значительным событием в литературной жизни Иркутска суждено было стать альманаху «Стремительные годы», изданному в 1932 году. В нем была представлена большая подборка стихов иркутских поэтов А. Балина, В. Стародумова, Ф. Илюхина, К. Седых, И. Молчанова-Сибирского.

В 1933 году В. Стародумов получил удостоверение, что является членом Союза Советских писателей Восточной Сибири, подписанное ответсекретарем Оргкомитета ССП И. Искрой.

«Начало сознательной жизни, — рассказывал о себе Василий Пантелеймонович, — отношу к 1917 году, когда я нашел Сибирь советскую, будучи уже учеником второго класса начальной школы. Революцию переживал как празднество — занятий в школе не было, разучивали только «Марсельезу» и «Варшавянку». Помню, сбросили портреты Романовых, нацепили на себя красные бантики и ходили с красными знаменами по улицам, напевая «Отречемся от старого мира». До нас из Иркутска-I глухо доносились выстрелы защитников Белого дома, а сквозь

ставни нашего небольшого кирпичного домика пробивался отсвет пожара — горел знаменитый пассаж миллионера-коммерсанта Егорова.

В 1925 году закончил семилетку и поступил на железную дорогу чернорабочим в вагонный цех депо станции Иннокентьевская. Активно сотрудничал как поэт в военной газете «Тревога». Демобилизовавшись, работал актером ТРАМа, затем — художником и руководителем драмколлектива на строительстве Иркутского авиационного завода. Участник Великой Отечественной войны. Служил военным художником штаба и клуба учебного танкового полка. До ухода на пенсию в 1968 году более 30 лет работал ответсекретарем многотиражной газеты на авиазаводе.

Через литературное объединение «Парус» при авиагазете, создателем и душой которого был Василий Пантелеймонович, прошли многие иркутские писатели. Первые литературные шаги он помог сделать Василию Федорову, ставшему дважды лауреатом Государственных премий (перед войной он работал мастером на авиазаводе), Киму Балкову, Валерию Хайрюзову, Владимиру Скифу, Валентине Сидоренко, Леониду Мончинскому, Денису Цветкову, Василию Гинкулову, Анатолию Рудых, Нине Сидоровой. И я пока жил по улице Мира, недалеко от дома В. Стародумова, находился под обаянием этого разносторонне одаренного, яркого, мгновенно отзывавшегося на всякое доброе дело человека.

Помню, я написал для иркутского издательства очень воинственную рецензию, полемизируя с его недоброжелателями, и черновой вариант показал Василию Пантелеймоновичу. Он вспылил, кое-как успокоился и попросил вычеркнуть имена тех, с кем я был не согласен в оценке его творчества.

— Да ведь жизнь прошла, Василий Пантелеймонович, теперь-то чего бояться?!

Неожиданно, как это у него бывало, громко хохочет. Знал себе цену, верил, как в сказке, что все равно, в конце концов, правда победит.

С четырьмя книгами сказок, некоторые из них были изданы в Японии, Василий Пантелеймонович так и не был принят в Союз писателей. А под конец жизни от приема в Союз писателей отказался. Только потом до меня дошло: никого и ничего он не боялся, никогда и ни перед кем не склонял голову, ни на один грамм, даже на йоту не хотел и не мог просить для себя! Помогать другим и, если хотите, государству — это было его призванием. Как нам не хватает теперь таких людей!

В 1968 году Новосибирск публикует его сказку «Омулевая бочка» 300-тысячным тиражом в прекрасном многокрасочном оформлении художника Владимира Колесникова. Это была одна из сказок, приглянувшаяся М. Шолохову еще за тринадцать лет до новосибирского издания!

Окрыленный тем, что на стороне, оказывается, легче издаваться, Стародумов наводит мосты с Бурятским книжным издательством. Оно и выпускает в 1970 году его книжку из десяти сказок с иллюстрациями автора. В. Стародумов вполне профессионально владел рисунком с удивительным сказочным ароматом. В 1975 году в этом же издательстве выходит еще одна его книжка из пяти сказок с оформлением художника А. Хомякова.

«Ну, — подумал автор, — теперь-то уж и родной город выкатит «Омулеву бочку» на прилавки книжных магазинов!»

Книжка из семи сказок в 1979 году выходит в Иркутске. Лед, как говорится, был сломан. Потом вышла еще одна книжка, но радости особой у автора не было: опять те же сказки, которые выходили в Улан-Удэ и в Иркутске! Создавалось впечатление, что больше у автора печатать нечего. На самом же деле Стародумовым написано около 40 сказок, а вот наиболее полной книги до сих пор нет. А те единственные экземпляры, что остались в библиотеках, зачитаны до дыр, истрепались. И маленькие, и взрослые читатели надеются, что Комитет по культуре Иркутской области и руководство авиазавода, которому В. П. Стародумов отдавал всю свою душу и сердце, изыщут, как это ни трудно, средства на издание книги сказок этого редкого автора и человека.

Евгений Суворов

Земский фонд

СКАЗКА О ДВУХ КОЛОКОЛЬНЯХ

Бывало, некие в лесу, подчас, молились колесу, а божествами на Байкале в глуби веков служили скалы... На них и нынче хоть молись, а лучше — просто поклонись и следуй нашему совету: прочти с улыбкой сказку эту.

Жили-были в одном местечке, от нас совсем недалечко, монахи — себе рубахи, а в другом — монашки-бедняжки, тоже — себе рубашки. Жизнь их известна: моления, посты, отказ от мирских соблазнов...

Не были исключением и наши монахи и монашки. Когда-то все они спасались по монастырям, а потом вынуждены были покинуть свои прибежища и поселиться среди простых мирян, показывая им пример благочестия.

Не зная друг друга, они однажды, словно сговорившись, решили уединиться в каком-нибудь отдаленном и пустынном месте — скит по-ихнему, — чтобы еще непогрешимей заняться богоугодными делами (не без пользы и для себя, конечно). Им подсказали, что лучшего места, чем на Байкале, искать нечего.

И получилось так, что монахи и монашки появились на Байкале одновременно.

Плывут они на лодках-мореходах, любуются красотами берегов, на небо ясное поглядывают, а оно вдруг потемнело, появилась на нем черная туча и лохматым покрывалом нависла над морем. Подул сильный ветер, море дико взревело, белыми барашками вспенились набухшие волны, и, рассыпаясь, гроыхали пушками. Лодку монахов стало кидать на волнах так, что казалось: вот-вот поглотит ее пучина. К невероятному грохоту и шуму моря прибавился густой и гулкий, вразнобой, звон-перезвон тяжелых колоколов, раскиданных по лодке разбушевавшейся стихией.

Тонуть монахам, конечно, не хотелось, народ этот не только терпеливый и стойкий, но еще и умелый, со стихией боролись они как самые настоящие моряки, да еще молитва помогала. И где им

было знать, что в эти же минуты борются со стихией монашки, лодку которых неистово трепали гривастые волны. И у монашек вынужденно плясали на дне лодки колокола — не такие весомые, как у монахов, зато издававшие более приятный для слуха звон-перезвон — тонкий и музыкальный.

Ветер внезапно стих. Тут уж, само собой, не обошлось без помощи всевышнего! Перекрестились монахи, направили лодку в первую попавшуюся бухту с широкой песчаной отмелью, огляделись вокруг. От восхищения у них дух захватило: словно фантастические замки, возвышались на крутом лесистом берегу причудливые скалы, а на песчаном склоне горы стояли на высоких, оголенных корнях, точно на ходулях, могучие сосны-великаны. Направо от высадившихся монахов, далеко вдаваясь в море и выделяясь величавой громадой, стоял высокий мраморный утес, налево — утес поменьше.

— Вот тут мы и поставим крест, — указывая монахам на могучий утес, сказал старший.

А когда монахи обратили внимание и на малый утес, то с удивлением увидели: к нему пристала какая-то лодка!

Это была, как вы догадались, лодка с уцелевшими от бури монашками!

— Кажется, бог соседушек нам послал, — приглядевшись, ухмыльнулись монахи.

Поняли они, что и монашек занесло сюда той же самой непогодой. Ладно, что своего поля ягода, а не какие-нибудь посторонние пришельцы.

Посудачили немного, да и к делу приступили — надо было водворить тяжеловесные колокола на вершину утеса. Наблюдая при этом за малым утесом, монахи увидели, что то же самое делают и монашки.

— Не хотят отставать от нас, — заметил один из монахов. — Стараются...

— Ну, им-то полегче, — сказал второй монах. — Их колокола гораздо

меньше наших. Никакого сравнения! А то пришлось бы идти помогать!

Последние слова веселого монаха хоть и не громко, но заставили всех засмеяться. Нельзя монахам ходить в женский монастырь, вот и весело им стало.

— А по сравнению с нашими, густыми и толстыми по звуку, те будут хоть пожиже и тоньше, зато — слаще, — сказал третий монах.

— Для плоти и души все колокола хороши, — подвел черту старший. — Не будем зря языки чесать, а воздадим должное колоколам — вознесем их до самого поднебесья!

Изнурительной работы хватило всем до темноты.

Утро принесло труженикам отраду — вчерашней усталости как будто и не было! Ярко светило восходящее солнце, Байкал сверкал подобно алмазной россыпи, небо переливалось всеми цветами радуги. Не жизнь, а малина! Только и оставалось, что ответить на эту благодать колокольным звоном.

Монахи собирались ударить в свои колокола, но их опередили монашки. Со

стороны малого утеса разбило вдруг вековую тишину и понеслось над морем, тайгой и скалами игривое и зазывное, полное музыкальных переливов:

— К нам! К нам! К нам! К сиротам!

Переглянулись монахи, помешкали с ответным звоном. Прикинули, — как поступить? А, была-не была!

И над таежным раздольем, навстречу мелодичному звону-перезвону, понеслось басовитое:

— Будем!!! Будем!!! Не забудем!!!

Давно это было...

Краеведы до сих пор не могут точно установить, когда и куда исчезли монахи и монашки песчаной бухты, и где находятся сейчас те колокола, с таким трудом доставленные в безлюдную бухту. Возможно, они попали в известную коллекцию иркутского художника Тетенькина, но это нуждается в строгой проверке.

В память о несостоявшемся ските остались только названия скал — Большая и Малая Колокольни да название самой бухты — Песчаная. Это действительно одно из прекраснейших мест на Байкале!..

ХОБОТ-СКАЛА

В далекие-предалекие незапамятные времена на берегах славного моря Байкала-батюшки водились носороги и мамонты — животные-великаны. Вот как-то вожак стада носорогов сказал вожаку стада мамонтов:

— Не понимаю, зачем тебе нужны два таких длинных бивня? И одного, по-моему, достаточно, чтобы доставать пищу из-под снега...

Мамонт усмехнулся.

— А у тебя почему два рога?

— Сравнил тоже! — воскликнул носорог. — Когда нужно добывать корм, я пользуюсь рогом, который у меня на носу, а тем, что на лбу торчит, я только защищаюсь.

— Так что ты этим хочешь сказать? — полюбопытствовал мамонт.

— А то, что тебе прекрасно можно обойтись без бивней, вон у тебя какой мощный хобот, вся сила в нем и ловкость.

— У меня и в бивнях силы и ловкости

не меньше. Хочешь, покажу тебе, что я могу поднять?

— Покажи.

— Видишь вон ту скалу у моря? Так я ее сейчас бивнями подыму!

— Не может быть!

— Гляди!

Разбежался мамонт, вонзил бивни в скалу, только хотел ее поднять, как бивни от большой тяжести сломались и вместе со скалой упали в море. Самоуверенный мамонт опечалился, да и больно ему стало. Опустил он в море хобот, чтобы достать отломленные бивни, — жалко же совсем расставаться с ними! Но все его усилия были напрасными: бивни и скала словно приросли ко дну моря. А мамонт, ко всему, был еще и упрямым: он хотел во что бы то ни стало добиться своего и не отрывал от воды хобота. Так и стоял мамонт на берегу Байкала, пока сам не окаменел, заменив собой ту скалу, которая обрушилась вместе с его бивнями в море. Теперь люди называют его Хобот-скала.

Представьте себе живописную долину меж крутых скалистых гор и дремучей тайги на берегу Байкала. Не удивляйтесь, если обнаружите здесь грубовато обтесанный стол из кедровых валежин и множество пней, заменяющих стулья.

Здесь же, на стволе огромного кедра, вы увидите транспарант. На нем крупными, разноцветными буквами, каждая ростом с бурундука, выведено:

Аэродромы, пирсы и перроны...
Леса без птиц и земли без воды,
Все меньше окружающей природы,
Все больше окружающей среды...

Эти невеселые слова оказались последней каплей, переполнившей терпение всех видов и подвидов прибайкальских животных. Стихи они взяли из книжки, забытой в тайге туристами. Плакат, умоляющий забывчивых туристов быть осторожными с огнем в лесу, напелся легче легкого — пиши на обратной стороне все, что хочешь! Разноцветные чернила и краски сделали из ягод, а уж стол сколотить и буквы нарисовать лесным обитателям ничего не стоит! Удивляться, что все звери, зверушки и птицы оказались грамотными, нечего: что делать, если человек ни звериного, ни птичьего языка не понимает?! Плакатов по дорогам и тропинкам много развешано, даже если не хочешь, и то научишься читать!

Собрание открыл убежденный сединами и умудренный житейским опытом Лось, по-местному — Сохатый.

— Тесно стало в нашей тайге, — начал он. — Ну, просто некуда податься! Сунешься в одну сторону — там леспромхоз, метнешься в другую — а там какой-нибудь промышленный комбинат или стройка! О геологах я и не говорю. Ни тишины, ни покоя даже ночью. Чистая беда! Вытесняют нашего брата отовсюду... Мы обречены, братцы! Впору хоть семью не заводим...

Медведь так разошелся, что все забыли о его неуклюжести! Да и откуда быть, к примеру, той же косолапости, как любят некоторые говорить, когда беда подстерегает на каждом шагу? Вот тебе и тайга — дом родной!

Выступать никого просить не надо было: возле стола, как по команде, появлялись рысь, россомаха, лисица, сбежавшие с Баргузинского заповедника соболь, колонок, горностай, белка, заяц, кабан, северный олень, косуля, козерог... Все высказались за то, что поэт Рождественский, безусловно, прав, и что бежать, действительно, некуда, спастись негде, кругом — «среда».

Дошла очередь до обитателей байкальских глубин. Приплывшая с Большого Ушканьего острова нерпа тоже говорила об угрожающем положении, которое настораживает ластоногих... Да только ли их!

Сохатого ошеломил вид тощего, облезлого и посиневшего Омуля. Он едва дотащился до собрания.

— Что стобой? На тебе и чешуи нет! — возрился на Омуля Сохатый. — Краса и гордость Байкала и — на тебе! — такой, простите, неприязнительный вид...

— Будешь таким, — грустно ответил Омуль. — Я же попал в мертвую воду, и если бы течение не вынесло меня на живую воду, вы бы никогда меня больше не встретили, и я бы уже не смог внести свое предложение.

— Какое предложение? — скособолил горбоносую голову Сохатый.

— Надо принять скорейшие меры, чтобы полностью очистить Байкал от мертвой воды! Иначе она всю живую воду вытеснит... Нельзя ждать ни одного дня!

Сохатый наклонился к своему секретарю — Кабарге:

— Запишем в протокол: мертвая вода хороша только в сказке, а мы имеем дело с быльем!

Кабарга записывала все быстро, не пропуская ни одного слова и не делая ни одной ошибки.

Откуда у нее такая грамотность? — спросите вы. Пожалуйста, отвечаем: вот уже лет пять все звери и птицы учатся по книге иркутянина Михаила Трофимова «Лесная азбука». Самые любознательные таежные жители приходят или прилетают к нему на дачу возле Байкала и там продолжают учебу. Сидят, говорят хоть на птичьем, хоть на зверином языке и прекрасно пони-

мают друг друга. Правда, таких людей, как Михаил Трофимов, пока еще очень мало. Но ничего, подождем, все с мало-го начинается...

Но вернемся к собранию.

— Кто еще хочет выступить? — спросил Сохатый.

Такие нашлись и среди пернатых. И лебедь, и гусь, и утка, а также дрофа, глухарь и куропатка причиной всех бед считали создавшееся положение, охарактеризованное Рождественским. Да иначе и быть не могло! Но сколько можно называть беды, надо же и выход какой-то искать!

— Какие будут предложения? — поинтересовался Сохатый.

Выступила Чайка.

— Мне кажется, — пронзительно прокричала она, — все наши силы, надежды и упования мы должны обратить сейчас на космос. С тех пор, как Сергей Королев и Юрий Гагарин проторили дорогу к звездам, я внимательно слежу за последними достижениями в космонавтике, и мне, искушенной в летном деле, стало особенно ясно, что перенесение земной жизни на другие

планеты — дело недалекого будущего. Нам надо уже сейчас готовиться к этому, не дожидаясь, когда всех нас занесут в Красную книгу. Бакланы-то уже совсем исчезли на Байкале...

Последние слова Чайка произнесла с такой тоской в голосе, что все молчали минут десять.

Воспользовавшись молчанием, на столе перед Сохатым появился шустрый Бурундучок.

— Прошу прощения, — извинился он, — но я должен вас предупредить: сюда, он уже близко, направляется человек...

— А кто его сюда приглашал? — строго проговорил Сохатый. — Что ему здесь нужно?

— Не знаю, — скромно ответил Бурундучок.

Сохатый насупился.

— А он хоть грамотный?

— Похоже, что так. Все карманы у него набиты газетами.

— Тогда пусть идет, — смягчился Сохатый. — С грамотным человеком мы всегда найдем общий язык.

КОТЛА ТЕМУЧИНА

Когда-то на острове Ольхон жило много монголов. Они полюбили этот остров, потому что его природа напоминала им родину — сухую и солнечную Монголию.

Жил здесь и молодой монгол по имени Темучин. Родился он на реке Керулен, а попал сюда как скиталец — очень уж любил он бродяжить по белу свету, перемена мест была его страстью. И хотя Темучин был беден и ничто его не связывало с Ольхоном, он надолго задержался на благодатном острове.

Вдали от родных привольных степей Темучин не столько тосковал о берегах Керулена, сколько мечтал властвовать над своим народом и обосноваться в Карокоруме — столице монгольских ханов. Эту мечту он глубоко таил в себе, даже во сне не забывал о ней. И, как у всякого властолюбца с сердцем деспота, в нем укоренились жестокость и бездушие, страсть к истреблению всего

живого и разрушениям, без чего, как ему казалось, нельзя будет одерживать победы в будущих войнах. Темучин мечтал стать не только монгольским ханом, но и властелином вселенной.

Так, раздумывая о будущем, он частенько сидел на берегу Малого моря, у котла, в котором варил себе любимую конину или жирную баранину, то и дело наклоняясь к спасительному бурдюку с холодным кумысом.

Невдалеке пасся его неразлучный гнедой конь с такими умными и печальными глазами, что они подчас заставляли Темучина вздрагивать. Может быть, оттого, что он ненавидел печаль, спутницу доброты, и любое, даже маленькое сомнение.

— Ты все понимаешь, — обращался он к коню, — и что-то скрываешь от меня. Не хочешь сказать мне прямо в лицо, — возмущался Темучин. — Но я разгадаю твои мысли!

Тянуть со своим намерением Темучин не стал и однажды глянул своему коню в глаза пристальнее обычного.

— Ну, скажи, — буду я ханом?

Конь утвердительно мотнул головой.

— Значит, буду. А что будет дальше?

Глаза коня засветились особым светом, и в них Темучин прочел смысл ответа, который звучал уже в его ушах:

«Да, ты будешь одним из величайших и жестоких властелинов, и мир содрогнется от твоих страшных деяний. Ты получишь прозвище Чингис-хан, что означает «могучий» хан. Ты покоришь все монгольские и тюркские племена, все кочевые народы пустыни Гоби. Перейдя Великую Китайскую стену, принудишь Пекин платить тебе дань. Покоришь великий Хорезм, под натиском твоих полчищ падут Самарканд, Бухара. Победив меркитов, китайцев, кипчаков, иранцев, грузин, аланов и урусов, ты, конечно, прославишь себя, но в Каро-корум вернешься уже трупом».

— Что?! — взвизгнул Темучин, задыхаясь, — Трупом?!

«Да, трупом, — тем же особым све-

том светилось в глазах коня. — Много крови прольешь ты, много народов истребишь и много разрушишь городов, но вечного господства все равно не добьешься, ибо добытое жестокостью существовать вечно не может. Так что все твои завоевания в конечном счете окажутся напрасными, бесполезными. И самого тебя похоронят на твоей родине так, что никто и никогда не будет знать, где находится твоя могила», — и особый свет в глазах коня померк.

Темучин рассвирепел:

— Я сварю твою голову в котле, чтобы мысли эти выкипели, выварились из нее навсегда!

Темучин заколол коня, отрезал голову и бросил ее в кипящий, котел.

Прошли годы. Мрачный владыка монголов, рыжебородый Чингис-хан, задумав завоевать всю вселенную, приступил к своим опустошительным походам, и все, что предсказал ему на Ольхоне конь, сбылось.

А котел, оставленный Темучином на острове, и череп коня, полузасыпанный песком, долго еще напоминали ольхонцам о пребывании на их земле имени-того и грозного азиата...

КАК ТАНЮ ЦВЕТЫ ВЫРУЧИЛИ

Больше всего на свете маленькая Таня любила цветы. Мама ее вязала сети, и жили они в рыбацкой избушке на самом берегу Байкала. Цветов здесь мало было, они росли дальше. А те, что встречались здесь, сразу же полюбили Таню: она еще только идет к цветку, а он уже улыбается, кланяется ей, — наверное, потому, что Таня как-то по-особому смотрела на цветы и умела с ними разговаривать. Вот только находиться среди них Тане приходилось не часто: у мамы не было свободного времени, а идти в распадок одной Тане не разрешалось.

Но однажды Таня забыла обо всем на свете. Ей очень понравилась большая, нарядная бабочка, пролетавшая мимо избушки. Таня погналась за нею, не заметила, как углубилась в лес и потеряла бабочку из виду. Искать ее не стала, хотела вернуться домой к больной матери и в чем-нибудь помочь ей. Но тут подул легкий ветерок и Таня услышала тихий,

дрожащий шепот, похожий на далекую, едва слышную музыку:

— Погоди, Танюша, не спеши, полюбуйся, как мы хороши...

Таня оглянулась и увидела своих лесных друзей. Они приветливо кивали ей, сияли от улыбки. Это были незабудки, жарки и колокольчики. Таня слышала, как они звали к себе.

Она поздоровалась с голубыми незабудками, огненно-оранжевыми жарками, синими колокольчиками и пожалела, что не видит среди них подснежников, которые давно уже отцвели.

— Ты, конечно, возьмешь кого-нибудь из нас с собой? — робко спросили Таню незабудки, когда она присела около них на корточки.

— Обязательно возьму, вы же просите, — сказала Таня и сорвала всех поровну, чтобы никто не обиделся.

А ее уже издали приглашали к себе темно-голубые васильки, белые ромаш-

ки, пестро-лиловые кукушкины сапожки, саранки и фиалки.

— Иду, иду к вам! — помахала им рукой Таня и весело зашагала по лесной тропе.

С букетом цветов она подошла к ручью, за которым начиналась лесная возвышенность. Таня радовалась букету, всему, что видела вокруг, и не заметила, с каким разочарованием посмотрел ей вслед встретившийся на пути светло-желтый дягиль, стебель которого был гораздо выше Тани.

«Почему же ты не замечаешь и обходишь меня? — молча спрашивал он Таню и досадливо морщился. — Разве я не понадоблюсь, когда у тебя заболит животик?»

Обиженным взглядом проводил Таню и желтый первоцвет, прошептавший:

«А разве я не понадоблюсь, когда ты или твоя мама простынете?»

Тут не выдержал и плотно росший к земле и нисколько не боящийся, когда на него наступят, подорожник:

«Я тоже нужное растение, и без меня не обойтись при каком-нибудь ранении. Таня, сорви меня! Я помещусь в любом кармашке! Нагнись, не ленись», — складно прошептал самый широкий лист подорожника, но Таня была уже далеко и не расслышала.

Не жаловался лишь колючий шиповник, утешался тем, что в Танином букете он уже красовался в пору своего цветения. Когда созреют его вкусные целебные плоды, девочка снова вспомнит о нем! Конечно, шиповник был прав.

Таня начала подниматься в гору и скоро достигла скалы, на которой меж камней росли самые знатные из всех цветов, а потому и гордые — серебристые эдельвейсы. Они любят горные вершины, с которых, величаво смотрят на всех...

Завидя Таню, эдельвейсы приветливо закивали ей головками, заулыбались еще сильнее тех цветов, которые росли внизу. Обрадовалась эдельвейсам и Таня. Но чтобы дотянуться хотя бы до первого, ближайшего цветка, надо было вскарабкаться по выступам скалы на высоту одноэтажного дома.

И Таня осмелилась.

Эдельвейс удалось сорвать, но, спускаясь вниз, Таня оступилась, и, скатившись к подножию скалы, ушибла и

поранила о камень свою ножку. Сандалии в горах, конечно же, плохая защита! Заплакала Таня и решила идти домой... А дорогу-то назад и забыла!

Испугалась Таня.

Что делать? Как попасть домой? А тут еще эта боль в ноге...

Но блудить в лесу Тани не пришлось — выручили цветы.

— Сюда, Танюша, сюда, — настойчиво зашептали душистые фиалки, а за ними — кукушкины сапожки, лилии, саранки, колокольчики. — Скорее к нам!

Таня хоть и плохо узнавала, но шла по тем же местам, где собирала букет.

Сорвала широкий подорожник, приложила к ушибленному месту, привязала пояском от платья. И сразу же стало легче!

«Ну, теперь дойдет очередь и до меня! — обрадовался долговязый дягиль и, как руками, замахал ветками. — Кажется, девочка понимает толк в полезных растениях!» — просиял он.

И в самом деле, Таня вспомнила о своей больной матери, сорвала мимоходом дягиль, а за ним — и первоцвет, присоединила их к своему букету. Отсюда дорога домой была хорошо знакома. Узнала она полянку с жарками, незабудками и Марьиными кореньями, которые наметила сорвать, когда будет возвращаться домой. Так и сделала. Вот обрадуется мама!

Танин испуг, что она заблудилась, прошел. Не хотелось ей расставаться с цветами: так бы и ходила возле них или, присев на корточки, слушала, о чем ей говорят цветы, сама бы им рассказывала про свою жизнь... А расставаться надо было.

Дягиль, возвышавшийся в Танином букете над другими цветами, самодовольно думал:

«Я-то нужнее всех, меня обязательно заметят и оценят в первую очередь!..»

И он не ошибся!

Когда Таня добралась, наконец, до своей избушки, обрадованная мать прежде всего расцеловала дочку, похвалила за дягиль и Марьины коренья, которые помогут ей скорее выздороветь.

О том, что мама крепко побранила Таню за самовольную отлучку в лес, можно и не говорить, — это само собою разумеется. По-другому тут не получится.

Первоцвет

№ 4 (17) 2004

Литературно-художественный альманах для юношества

Альманах зарегистрирован в Восточно-Сибирском региональном управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати, регистрационный номер И-0391 от 28 июля 1998 г.

Выпуск альманаха осуществляется
благодаря финансовой поддержке Комитета по культуре
администрации Иркутской области.

*Областная юношеская библиотека им. И. П. Уткина
и редакционная коллегия альманаха «Первоцвет»
сердечно благодарят оперативную типографию «На Чехова»
за помощь в издании альманаха, понимание и поддержку*

Рукописи не возвращаются и не рецензируются

Адрес редакции: 664011, г. Иркутск, ул. Чехова, д. 10
Тел. (3952) 29-07-93, 20-43-01
E-mail: library@youlib.irk.ru

Тираж 800 экз. Заказ № 323

Цена свободная.

Отпечатано
в ООО Оперативная типография «На Чехова»
664011, г. Иркутск, ул. Чехова, 10.
Тел./факс: (3952) 20-93-55, 20-90-56.
Лицензия ПД № 13-0035.
E-mail: chehova@irk.ru